

1118)
Ст. 123

СОЛДАТСКИЕ ДЕТИ

Леонид Аганов **СОЛДАТСКИЕ
ДЕТИ**

60 коп.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

Леонид Агаков
СОЛДАТСКИЕ ДЕТИ
Повесть

ЛЕОНИД АГАКОВ

СОЛДАТСКИЕ ДЕТИ

Повесть

Авторизованный перевод
с чувашского ГЕОРГИЯ ЛАДОНЩИКОВА

Издательство
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Москва — 1971

Глубокой осенью 1941 года на пароходе вниз по Волге везли более семисот человек, эвакуированных из временно оккупированных гитлеровцами районов. Ночью недалеко от Чебоксар из-за густого снега пароход вынужден был бросить якорь и к утру обледенел, идти дальше не мог. С большим трудом люди — старики, женщины, дети — были вывезены на берег и срочно расселены по ближайшим чувашским деревням.

Между чувашскими, эстонскими и белорусскими ребятами быстро завязывается крепкая дружба. Вскоре для приезжих этот чувашский колхоз становится вторым родным домом.

Идет год за годом... Много трудностей приходится пережить и взрослым, и детям. Но ко Дню Победы все приходят счастливыми.

Прочтите эту книгу, и вы узнаете, как жили и работали в тяжелые военные годы ребята одной чувашской деревни и приехавшие туда дети других национальностей, как они дружили, помогали друг другу в трудные минуты.

Автор этой книги чувашский писатель Леонид Агаков известен юным читателям по повестям «Золотая цепочка», «Однажды — весной», вышедшим в разное время в переводе на русский язык. На чувашском языке им выпущено более двадцати книг для детей, которые пользуются большой популярностью.

За повесть «Солдатские дети» в 1967 году автору присуждена премия Чувашского обкома ВЛКСМ им. Михаила Сеселя.

**ВНИЗ
ПО ВОЛГЕ...**

конец октября погода окончательно испортилась. Уже больше недели не показывалось солнце, шел надоедливый дождь. Днем и ночью дул ветер, и свинцовые облака плыли низко-низко. Казалось, вот-вот они коснутся земли и осадут на ней. Темная, суровая Волга не знала покоя. Белые гребни волн зло сталкивались друг с другом и разбивались.

Шла серая осень — самое унылое время года. Леса по берегу оголились и почернели, только встречавшиеся кое-где ельники, как всегда, оставались зелеными. По вечерам Волгу покрывал густой туман, иногда он не рассеивался и днем, и это сильно мешало движению пароходов. Они подолгу стояли на якорях и тоскливо подавали голоса, словно заплутавшиеся в лесной чаще люди. «Я ту-у-ут!» — будто говорили суда своими гудками...

Время навигации давно миновало. Но осенью 1941 года не придерживались обычных правил. Уже несколько месяцев шла величайшая в мире война. От Черного моря до Ледовитого океана тянулся фронт, где ни днем, ни ночью не утихали ожесточенные бои. Чтобы доставить воинам

все необходимое, нужно было беспрерывно работать всем видам транспорта. Кроме того, в те тяжелые дни требовалось спешно эвакуировать из прифронтовой полосы мирное население. Тысячи стариков, женщин и детей двигались на восток по железным дорогам, на пароходах, автомобилях и пешком...

После дождей, ливших вперемежку со снегом несколько дней подряд, на Волге появились льдины. Вначале небольшие и рыхлые, они с усилением холодов твердели и увеличивались, спаиваясь одна с другой. Для речников льдины — сущие враги. В таких случаях даже самые опытные капитаны не решаются выходить в рейс. Но если на пристани стынут сотни измученных людей, вырвавшихся из-под огня неделю-другую тому назад, когда они возлагают на тебя все свои надежды, — не до законов навигации. Как бы ни было тяжело — надо доставить их до места!

На одном из причалов города Горького, за дверью с надписью «Диспетчерская», слышались мужские голоса. Шел ожесточенный спор.

— Нельзя идти, — уверенно говорил один. — До утра пароход вмерзнет в лед, тогда еще больше людей измучаем!..

— Нет, — настаивал другой. — Иного выхода нет.

— Но это же неразумно! — возражал первый.

— Спорить бесполезно, товарищи! — тоном приказа пробасил третий. — На пристани больше восьмисот человек. Много больных, а Горький и область переполнены эвакуированными... Больше они не могут принять ни одного человека. Эту партию надо доставить в Чебоксары. Людей намечено расселить в Чувашской республике.

— Вы же видите, какая погода? Учитываете ее или нет? — пытался доказать первый.

— Да, ветер северный. Норд-ост. Еще похолодает, — согласился и второй. — Риск немалый.

— Да, но ничего не поделаешь, — ответил бас. — Война есть война! И людей надо спасти.

Голос на какое-то время замолк, затем послышался снова:

— Я все же надеюсь, что «Парижская коммуна» благополучно сходит в Чебоксары. Через полчаса пароход причалит. Размещайте людей спокойно, без суетоки. В двенадцать ноль-ноль пароход должен отправиться в рейс.

— Что это — приказ?

— Приказ! Если мы его не выполним, будем отвечать по законам военного времени.

— Тогда все ясно.

Через тридцать минут, подавая длинные, печальные гудки, к причалу подошел невзрачный, загрязнившийся за лето большой пароход. Из его низкой и широкой трубы валил черный дым, в трюме гулко рокотали, словно обиженные кем-то, машины. Временами из машинного отделения, шипя, вырывался белый пар.

Увидев пароход, люди, сидевшие в зале ожидания, сразу зашумели, засуетились. В нескольких местах заплакали дети, кто-то кого-то потерял и сейчас громко и растерянно выкрикивал его имя. Образовалась пробка: пассажиры с узлами, чемоданами, корзинами, ящиками, с детьми на руках одновременно оказались у двери.

Матросы с парохода и пристани призывали, уговаривали, требовали:

— Не спешите, товарищи!

— Всех заберем! Пароход большой: места хватит!

— Сначала с детьми! Не напирайте! Проходите спокойно!..

Но где там! Все спешили, толкали друг друга, наступали на ноги, переругивались. Что делать? Люди были не в силах сдержать себя. Слишком много они хлебнули горя, и им никак не верилось, что пришло избавление от ужасов...

На посадку ушел целый час. Но и на пароходе люди долго не могли успокоиться. У одних плакали дети, другие потеряли своих спутников и бросились теперь на их поиски, третьи поспешили за кипятком.

Последней по трапу медленно поднялась семья из пяти человек. Впереди шел мальчик лет двенадцати. Помятый чемодан сильно оттягивал его ручонку. Черный суконный картуз съехал на лоб до самых глаз, конец пестрого шарфа болтался ниже пояса, полы пиджака были распахнуты: видимо, оборвались пуговицы. За ним шагал высокий, худощавый, ссутулившийся старик с белой щетиной на впалых щеках. На его плечи была накинута шаль. Одной рукой он нес узел, другой опирался на трость. Старик ступал осторожно. Видно было, что он не столько опасался поскользнуться сам, сколько боялся, что упадет державшаяся за полу его пальто синеглазая, с белыми, как лен,

волосами девочка. За ними шла женщина с плотно завернутым в зеленый платок ребенком и корзиной в левой руке.

Женщина сделала несколько шагов по трапу, зацепилась за перила и покачнулась. Ребенок пронзительно закричал, корзина упала. Женщина попыталась наклониться за ней, но ребенок закричал еще громче. В этот момент к женщине подбежал пожилой матрос и проворно поднял корзину.

— Не волнуйтесь, гражданка, я помогу...

Они повернули к салону третьего класса. Матрос протиснулся вперед, осмотрелся. Свободных мест не было. Опоздавшая семья растерянно остановилась. Женщина, тихонько поглаживая по спине хныкавшего ребенка, устало побрела вперед.

— Что же делать? — проговорил матрос.

— Детей бы хоть устроить, — отозвался старик приглушенным голосом. — Маленькая наша заболела... Сами и постоять можем, а ребенку — тяжело. Дорога-то не близкая.

Матрос промолчал. Затем проворно поднял поставленную на пол корзину и сказал:

— Пойдемте за мной!

Через минуту, миновав какие-то бочки, кучи мешков и машинное отделение, остановились перед узкой дверью в конце четвертого класса. Матрос вынул из кармана бушлата ключ и открыл дверь.

— Пожалуйста! Устраивайтесь, как вам будет удобно.

Старик и женщина удивленно посмотрели на него. Они поняли: матрос привел их не в каюту для пассажиров и не в служебное помещение, а туда, где жил сам. В каюте — две постели, на маленьком столике — чайник, два стакана и белесый графин из-под молока...

— Что же вы стоите? Входите! — повторил приглашение матрос.

— Но это же ваша каюта, — ответил ему старик, все еще не осмеливаясь сделать шаг. — Если мы ее займем, то вам самому...

— Ну, вы не беспокойтесь, — махнул рукой матрос. — Я на вахте, а после смены найду себе место.

— Неудобно вас беспокоить...

— Ничего! Мы, чай, советские люди!

Старик что-то сказал на незнакомом матросу языке, и вся семья вошла в каюту.

— Устраивайтесь, устраивайтесь! А эту малышку положите сюда,— матрос показал рукой на постель.

— Спасибо вам, товарищ! Большое спасибо! — взволнованно поблагодарил старик.

Женщина в свою очередь тоже, глядя на матроса, поклонилась и что-то проговорила. Матрос не понял ее, но догадался, что она, как и старик, поблагодарила его. «Не русские, видно, с Прибалтики,— решил он.— Латыши или эстонцы...»

— Попейте чайку, согреетесь! Сейчас я кипяточку принесу,— приветливо добавил хозяин.

— Пожалуйста, если можно,— кивнул старик.

— В Волге воды много! Титаны все время кипят.

Матрос взял чайник, ушел и вскоре вернулся.

— Угощайтесь! Вот и заварка есть.

Он взял с полки маленькую металлическую коробочку и поставил на стол:

— В такую погоду горячий чай — хорошо!

— Да, да... чай... Это хорошо! Спасибо, большое спасибо! — закивал старик.— Очень хорошо!

Пока матрос, прислонившись к косяку двери, набивал короткую черную трубку, «гости» освоились: женщина уложила ребенка на постель, старик сложил вещи в угол, мальчик и девочка стали смотреть в окно. Матросу, наблюдавшему за хлопотами семьи, захотелось узнать о них побольше.

— Простите, товарищ, откуда будете? — спросил он старика.— Видимо, издалека?

— Издалека,— ответил старик.— Можно сказать, с краю света... из Эстонии. Как началась война, мы побежали в сторону Ленинграда, а потом пришлось ехать вот куда. Уже полмесяца в пути... И не знаем, сколько еще придется странствовать.

— Завтра доедете.

— Хорошо бы! Измучились...

— Всей семьей, стало быть, едете?

— Да, да. Семьей. Это — сноха Амалия, жена моего сына. Это — их дети. Мальчик — Ян, девочку зовут Юули. Самая маленькая — Эльга,— пояснил старик.— А я сам — Пауль. Пауль Киккас.

— А где же отец детей, ваш сын?

Старый Пауль, вздохнув, посмотрел на матроса и пожал плечами:

— Не знаю...

— Наверное, на войне? Теперь все мужчины там...

— Трудно сказать... Когда налетели немецкие самолеты, Ильмар, мой сын, выбежал из дома, и мы его больше не видели. Жив он или нет — неизвестно...

Матрос хотел еще что-то спросить, но загудел пароход. Все Киккасы вздрогнули. Матрос быстро ушел, а старый Пауль вынул из кармана часы на массивной цепочке.

— Говорили, отчалим в двенадцать, а сейчас уже скоро два...

Через несколько минут пароход пробасил еще дважды и отвалил от пристани. Ян, прислонившись щекой к стеклу, прочитал по буквам название пристани:

— Г... ор... ки...

— Горький... — поправил старый Пауль. — Это, Яник, большой город, как наш Таллин. Раньше его называли Нижний Новгород.

— Горький — это ведь писатель? — повернувшись к деду, спросил Ян.

— Да, писатель. Очень большой писатель, — добавил старик, погладив внука по голове. — Этот город носит его имя.

— Я читал его рассказы... Про итальянских детей.

— Из-за болезни Горький жил в Италии. Но сам он был русский, настоящий русский. Он родился и вырос в этом городе, очень много горя перенес. С детства остался сиротой и сам зарабатывал себе на хлеб. И на таком пароходе мальчиком работал.

— Что он мог тут делать?

— Помогал повару готовить обеды, мыл посуду. Когда вырос, грузчиком стал, а потом много книг написал.

Пароход вышел на середину реки и поплыл, убыстряя ход. Амалия сидела рядом с большой дочерью, грустно прислушиваясь к ее тяжелому дыханию. Старый Киккас открыл корзину, выложил на стол еду — черствый хлеб, открытую банку консервов, кусок сушеного мяса. На дне корзины в маленьком мешочке нашлось и несколько кусочков сахара. Все молчали, потому что уже давно было переговорено обо всем; о чем нужно было вспомнить — вспоминали, о чем нужно было погоревать — погоревали. О завтрашнем дне они гадать не могли, потому что и сами не знали, где они завтра окажутся и что с ними будет. Они мечтали только об одном: скорее доехать куда-нибудь и хоть немножко пожить спокойно...

Ян еще долго стоял и смотрел в окно. Ему казалось, что

многоэтажные дома, длинные баржи у берега, широко-бокые буксиры и узкие простые лодки двигались назад...

Вскоре стемнело, далекие дома и высокий берег покрылись серовато-синей дымкой, наконец эта дымка стала такой плотной, что больше ничего уже не было видно.

«Парижская коммуна» спешила к Чебоксарам.

**И ВСПОМИНАТЬ
СТРАШНО...**

уда же доставит пароход семью Киккасов?

Дедушка еще вчера, в Горьком, сказал, что их отправляют в Чувашскую республику. Далеко она или близко? В городе придется им жить или в деревне? Каковы там люди? О чувашах Ян почти ничего не знал. Правда, весной 1940 года, когда они жили в деревне около города Вильянди¹, одно время у них квартировал стройный черноглазый советский офицер. Он называл себя чувашом, говорил, что родом с Волги.

По утрам, встав с постели, офицер выходил на крыльцо, умывался холодной водой и пел красивые, но непонятные песни, Яна он обучал русским словам, а сам старался заучить эстонские. Для записи эстонских слов завел даже отдельную тетрадь. Офицер много читал. Допоздна беседовал с дедушкой Паулем, который знал русский язык, потому что прежде работал в Петрограде на строительстве кораблей.

Отца Яна, Ильмара, тогда дома не было. За пять месяцев до появления в их доме советского офицера, морозной ночью, к ним заявилося несколько кайтселитов². Обыскав весь дом, они увели его с собой. Вскоре после ареста отца умерла бабушка Яна...

Вернулся Ильмар только летом, после того, как над волостным правлением и над школой запылали красные флаги³.

¹ Вильянди — город в Эстонии.

² Кайтселит — член фашистской организации в бывшей буржуазной Эстонии.

³ 21 июня 1940 года Эстония вошла в состав Советского Союза.

Возвращению Ильмара Киккаса обрадовалась не только его семья, но и советский офицер, живший у них. В те дни он сделал несколько снимков семьи Киккаса и сам заснял-ся вместе с ней, попросив щелкнуть фотоаппаратом девушку-соседку.

— На память,— сказал он тогда.

Осенью, когда окружающие леса стали покрываться золотым налетом, советский офицер, «дядя Федя», как называл его Ян, уехал.

— Меня направляют учиться в военную академию,— сообщил он Киккасам.

— Больше уже не приедешь к нам? — спросил Ян, грустно глядя ему в глаза.

— Не знаю. Придется учиться пять лет... А потом — куда пошлют. Военный человек собой не распоряжается... Да вы и сами теперь можете к нам приезжать. Мы теперь люди одной страны — Советского Союза. Приезжайте Волгу посмотреть!

— Может быть, и приедем,— сказал отец Яна.— Собремся летом всей семьей — и махнем от Москвы до Астрахани...

Яну эта мысль очень понравилась. До сих пор он никуда не выезжал. Даже в Вильянди был только раз. «Как хорошо бы повидать большие города Эстонии и России,— думал он.— А вернувшись домой, удивить своих сверстников рассказами о том, где побывал, что видел...»

Однако побывать в больших городах ему удалось не тогда, когда хотелось...

Вскоре после отъезда «дяди Феди» Ильмар, отец Яна, стал работать в Вильянди. Вслед за ним Киккасы всей семьей переехали в город. Ян учился в пятом классе, а его сестра Юули ходила в первый. Маленькая Эльга посещала детский сад, мать работала в швейной мастерской.

После уроков в общеобразовательной школе Ян всю зиму ходил к учителю музыки. Но когда кайтселиты арестовали отца, занятия прекратились. А в городе, поступив в музыкальную школу, он со всем усердием учился у настоящих мастеров.

— Из вашего сына получится хороший музыкант! — говорили учителя родителям Яна...

Но началась война. Она разрушила все планы. Об этом и вспоминать страшно...

С диким свистом падали и гулко взрывались бомбы,

обезумевшие от страха люди метались, не зная, куда деваться. В лужах крови валялись убитые. Этого никогда не забыть.

По рассказам матери, в тот день, когда к городу подходили фашисты, отец выбежал из дома и больше не вернулся. Только дважды звонил по телефону.

— Приготовьтесь к выезду! — сказал он однажды. — Возьмите самые необходимые вещи. Два-три чемодана, не больше. Через полчаса придет машина...

Амалия и старый Пауль думали, что с той машиной прибудет и сам Ильмар, однако он не приехал. В кузове сидели незнакомые люди — старики, женщины, дети. Все очень торопились. Как ни упрашивала Амалия, люди ждать не захотели. В небе непрерывно выли фашистские самолеты. Они в любой момент могли сбросить бомбы и обстрелять из пулеметов. Так семье Киккасов пришлось выехать без Ильмара.

По правде говоря, если бы они и дождались Ильмара, ничего бы не изменилось. В то время из коммунистов и рабочих города спешно создавался «истребительный батальон», командиром которого был назначен Ильмар. В тот же день он повел бойцов на ликвидацию десанта, сброшенного фашистами с самолетов.

...Грузовик, стремительно вырвавшись за околицу, направился в сторону Пыльтсама. Но скоро шофер сбавил скорость: шоссе было забито машинами. Они шли впритирку, гудя, пытаясь обогнать друг друга. Вперемежку с машинами тарахтели телеги с домашними вещами. Лошади, пугаясь машин, шарахались в стороны, опрокидывали телеги. По обочине без конца тянулись велосипеды, люди с колясками и заплечными мешками. Все торопились на восток — в сторону Большой земли.

Самое страшное произошло, когда проезжали по дамбе через болото. Ширина дамбы позволяла идти только двум машинам в ряд. Свернуть было некуда: по обеим сторонам — непролазная трясина...

Когда грузовик, на котором ехала семья Киккасов, шел по дамбе, люди вдруг испуганно закричали:

— Воздух! Воздух!

— Самолеты!..

Шоферы пытались прибавить скорость, сидевшие на телегах стали погонять лошадей, но все это было бесполезно: никого не перегонишь, никого не объедешь. Все с ужасом смотрели в небо, где три самолета разворачивались

в сторону дамбы. Люди понимали, что от зловещих стертвятиков с дамбы никуда не уйти.

И все же смешавшаяся колонна постепенно продвигалась вперед. Каждый надеялся как-то спастись. Некоторые думали, что, увидев не войсковые части, а мирных людей, фашисты пролетят мимо. Но самолеты с оглушительным свистом ринулись вниз. Окаменевший от страха Ян заметил, как из-под крыла первого самолета отделилось сразу пять продолговатых черных предметов. Закрыв глаза, он вцепился в руку дедушки. «Вот сейчас, сейчас...» — мелькнула острая мысль. Бомбы со страшным свистом пронеслись над самой его головой и где-то неподалеку с треском разорвались. Машину будто кто-то поднял и перенес в сторону...

Потом снова свистели бомбы, снова разрывались, сотрясая землю. Грузовик несколько раз был готов перевернуться, но все-таки упрямо полз вперед...

К вечеру второго дня они добрались до Тарту. Усталых, выбившихся из сил людей повезли по железной дороге, посадив в товарные вагоны и на открытые платформы. Было неудобно, сыро, холодно, но Ян, прильнув к дедушке, проспал всю ночь. В Петсери их пересадили на большой поезд и спешно отправили в Россию.

Поезд мчался быстро. На какой-то станции они пересели на другой, более скорый поезд. Из окна все время был виден лес, бесконечный лес. На одной маленькой станции их опять ссадили и дальше повезли на подводах. К вечеру они въехали в какую-то деревню. Первую ночь провели в сельской двухэтажной школе, а утром пожилая русская женщина, одетая в старый кожаный пиджак и мужские сапоги, повела их к себе.

Киккасам у нее было хорошо. После всего пережитого они немного успокоились. Угнетало их только то, что они ничего не знали об Ильмаре.

Когда Киккасы начинали говорить об Ильмаре, хозяйка дома — добросердечная Аграфена Петровна — успокаивала:

— Не печальтесь слишком. Не все же гибнут. Мои вон тоже,— показывала она на фотографии своих сыновей,— как ушли из дома, только по одному письму прислали, а я не теряю надежды, думаю — живы...

— А ведь я в спешке даже его фотографию не взяла! — упрекала себя Амалия. — Никак не могу простить себе этого... Детям показывала бы...

— И об этом не печалься,— говорила Аграфена Петровна.— Со временем не только карточку — самого увидите.

— Золотая ты женщина, тетя Аграфена! — хвалила ее Амалия через старого Пауля, который был их переводчиком.

Киккасы стали привыкать не только к хозяйке дома, но и к остальным жителям деревни. Амалия начала работать в колхозе: и жала, и молотила. Для старого Пауля тоже нашлось дело: сначала он исправил молотилку, затем стал ходить на колхозную гидроэлектростанцию, помогать механику. Ян и Юули, подружившись с деревенскими ребятами, учились говорить по-русски. Быстрее всех осваивала новый язык пятилетняя Эльга.

Жизнь эвакуированных налаживалась, а вести с фронта были все тревожнее. Однажды два фашистских самолета появились и над деревней, где жили Киккасы. Правда, они в тот раз не бросали бомб, не стреляли из пулеметов — сбросили листовки.

«Непобедимая армия Германии уже разгромила Красную Армию. Скоро она возьмет Москву и Ленинград. Не сегодня — завтра будем у вас. Никуда не уходите. Армия фюрера¹ несет вам спасение, вы, наконец, заживете настоящей, счастливой жизнью!» — было написано в листовках.

Ян подобрал одну из них и передал дедушке. Старый Пауль с досады даже посерел:

— За дураков они нас принимают, что ли? — сказал он, порвав листовку и отбросив ее.

Дня два спустя послышалась пушечная пальба, небо осветилось заревом далеких пожаров. Фашисты жгли советские деревни...

Семье Киккасов снова пришлось двинуться в путь. Сначала они ехали на подводе, затем опять на поезде. Ехали долго: на некоторых станциях состав простаивал, часами пропуская на фронт воинские эшелоны.

Наконец они прибыли в Горький и после долгих мучений оказались на волжском пароходе.

В каюте было тепло и светло. Как дома. Только дребезжание неплотно прикрытого окна да редкие пароходные гудки напоминали о том, что они в дороге...

¹ Фюрером фашисты называли Гитлера, что означает «вождь».

Незаметно задремавший на верхней полке Ян проснулся от приглушенного разговора. Открыв глаза, он увидел давешнего матроса и женщину в белом халате. Она вертела в руках врачебную трубку. Мать сидела на кровати возле Эльги, подложив девочке под спину руку. Все — и дедушка, и мать, и матрос — смотрели на доктора и ждали, что она скажет.

Врач поговорила с дедушкой и, кивнув головой, торопливо вышла из каюты. Как только за ней закрылась дверь, мать, глядя на дедушку расширенными от страха глазами, торопливо спросила:

— Ну, что она сказала? Что сказала?..

— Простудилась, говорит. Легкие воспалились. Поэтому и температура поднялась,— глухо ответил дедушка.

— Что же делать? Сможет ли она чем-нибудь поможь? — чуть не плача говорила мать.

— Пошла за лекарством. Сейчас вернется. Но говорит, что девочку как можно быстрее надо положить в больницу.

— Больница... где она, больница? — вскрикнула мать.

— Особенно не горюйте, завтра будем на месте,— сказал стоявший в дверях матрос.— В Чебоксарах больница рядом с пристанью.

— До этого все может случиться,— произнес, вздохнув, старый Пауль.— Ребенок ведь...

— Ничего не случится,— успокоил матрос.

Вскоре врач вернулась обратно. В одной руке она держала какую-то маленькую вещицу, покрытую белым платком.

— Поднимите платьице,— сказала она и под села к Эльге.— Сделаем укол — будет легче сердцу. И примем порошок.— Пауль перевел ее слова.

Эльга вскрикнула: укол, видимо, причинил ей сильную боль.

— Температура должна снизиться,— сказала врач, поднимаясь.— Через три часа порошок повторим.

— Это очень опасно, доктор? — тихо спросил дедушка.

— Пока ничего страшного нет, но болезнь может

и усилиться. Как бы то ни было, девочку надо скорее положить в больницу.

После ухода врача в каюте стало тихо. Ян свесил голову с полки и, чтобы не разбудить уснувшую Эльгу, тихо спросил:

— Что это за доктор была? Где вы ее нашли?

— Судовой врач,— ответил дедушка.— Эльга стала бредить, и мы совсем напугались. К счастью, пришел матрос и сбегал за доктором.

— Очень хорошие люди,— сказала мать, облегченно вздохнув.

— Кто?

— И матрос, и доктор...

— Русский народ всегда был таким,— сказал дедушка.— Он испокон веков помогал тем, кто попадал в беду. И себя в обиду не давал...

— А его часто обижали? — спросил Ян.

— Часто. Но тем, кто его трогал, он отплачивал очень крепко. И с гитлеровской армией, попомните мое слово, он круто расправится. Сейчас фашисты лезут на русскую землю как бешеные, а обратно ни один из них не вернется, вот увидите. Ты по истории о Наполеоне учил? — неожиданно спросил он внука.

— Учил,— сказал Ян.

— Знаешь, как его армия возвращалась из России?

— Знаю.

— Судьба Гитлера будет хуже.

Ян вспомнил рисунок из учебника истории: мороз, буря, по заметенной снегом дороге идут окоченевшие французские солдаты. На обочинах — опрокинутые телеги, пушки и трупы лошадей. Из-под снега торчат руки замерзших. Жуть!..

Пароход дал протяжный гудок.

Дедушка, встав с постели, отдернул занавеску.

— Ничего не вижу,— сказал он.— Должно быть, какая-то пристань.

И правда, через несколько минут пароход остановился, за окном послышались голоса людей, сквозь туман прорезались редкие огоньки.

— Схожу, посмотрю,— сказал дедушка, застегивая пальто, и вышел из каюты. Он долго не возвращался. Когда вернулся, потирая руки, сообщил: — Очень холодно. Мороз, наверное, будет.

В каюте было тихо, слышалось только частое дыхание

Эльги. Мать не спала, ворочалась, проверяла, хорошо ли укрыта больная.

У пристани Бармино пароход простоял до самого утра. Уже рассвело, а он все еще не мог двинуться: туман таял очень медленно. Только в десять «Парижская коммуна» прогудела отправление.

В ту ночь действительно похолодало. Широкоплечий, с большими черными усами капитан озабоченно посмотрел из штурманской рубки¹ в окно. По Волге плыли крупные льдины. Их было много.

— Осложняется наша жизнь,— сказал капитан лодману.

Пароход пришлось вести медленно и очень осторожно. На подходе к Козьмодемьянску стемнело. Волга снова окуталась туманом.

— В Кузьме² придется провести ночь,— сказал лодман.

— Нельзя,— замотал головой капитан.— Пойдем.

Лодман через плечо покосился на капитана, но не возражил. Слова капитана — приказ.

В Козьмодемьянске пароход не простоял и пяти минут: только причалил к небольшой барже, заменявшей пристань,— сразу дал гудок.

Через несколько минут «Парижская коммуна» вошла в темно-серый туман...

Мощные винты парохода, буравя воду, отбрасывали ее назад. Полчаса, час... Пошел густой мокрый снег.

Капитан, тяжело вздохнув, дал в машинное отделение решительную команду:

— Стоп!

Машины замерли, но пароход продвигался по инерции. Но вот послышались громкий скрежет лебедки и звон тяжелой цепи.

«Парижская коммуна» встала на якорь.

Проснувшись утром, все пассажиры пришли в ужас: пароход стоит посреди Волги, вокруг лед.

Люди, поняв, что произошло за ночь, заволновались:

— Что же теперь делать?

— Так мы умрем с голоду и с холоду.

— Погибнем!

— И зачем нас, глядя на зиму, отправили из Горького?

¹ Штурманская рубка — помещение для рулевых.

² «Кузьмой» волжские матросы в шутку называют город Козьмодемьянск.

— К капитану! К капитану надо пойти!

— Где капитан? Что он думает делать?

Может быть, народ распуmelerя бы еще больше, но тут из всех репродукторов зазвучал низкий твердый голос:

— Внимание! Внимание! Граждане пассажиры! Говорит радиопузел «Парижской коммуны»... У микрофона — первый помощник капитана.

Все замолчали.

— Граждане, — говорил тот же голос, — с вечера, после того, как мы миновали Козьмодемьянск, начался сильный снегопад. Пропала видимость. Пришлось остановиться. За ночь пароход сковало льдом. Однако волноваться не следует. Через час или два всех пассажиров переправим на берег. Оттуда вас на машинах и подводах доставят в Чебоксары. Еще раз повторяю: все будет в порядке...

Репродукторы замолчали, а люди опять зашумели.

— Далеко ли до Чебоксар?

— Говорят, не очень...

— Ох, когда же кончатся эти муки?!

Семье Киккасов о случившемся сообщил матрос — хозяин каюты.

— Шабаш, примерзали! — чертыхнулся он.

— Что ж теперь с нами будет? — с беспокойством спросил старый Пауль.

— Сейчас мы капитана на шлюпке на берег доставим, там он договорится с местными властями о помощи...

В Ильинке капитан быстро разыскал сельский Совет, рассказал о беде. Председатель Совета, недавно вернувшийся с фронта одорукий молодой человек, с черными, как уголь, глазами, сразу же стал звонить в район.

— Алло! Исполком! Это из Ильинки. Бурлаков говорит. Около нас вмерз в лед пароход. На нем эвакуированные. Около восьмисот человек. Я один здесь ничего не смогу сделать, присылайте помощь! Наверное, надо сообщить и в Чебоксары. Без них не обойтись... Жду!

— Что говорят? — спросил капитан, когда председатель закончил переговоры.

— Сказали, что срочно примут меры.

Председатель задумался. Потом вдруг вскочил на ноги и сказал:

— По-моему, товарищ капитан, будет еще лучше, если вы от своего имени подадите телеграмму в Чебоксары. Прямо в обком, первому секретарю.

Капитан тут же пошел на почту. Отправив телеграмму,

он задержался на крыльце, задумчиво посмотрел на Волгу, на пустынный берег.

— Товарищ Бурлаков, а как мы перевезем народ? У меня одна-единственная шлюпка...

— Найдем выход,— твердо сказал председатель.

В его голове, видимо, уже родился план. Он срочно послал за председателем колхоза, секретарем комсомольской организации и директором школы. Написал записку и подал ее заглянувшему в канцелярию пареньку.

— Сбегай в Шашкары, разыщи там председателя рыболовецкой артели. И скажи: «Если через час свой катер не пригонишь к перевозу, Бурлаков с тебя голову снимет».

Минут через пятнадцать собрались все вызванные. Председатель сначала дал слово капитану, потом выступил сам.

— Много разговаривать нет времени,— сказал Бурлаков.— По-моему, надо сделать так: сейчас же вызвать всех хозяев лодок, что у нас на берегу. Пусть захватят и весла. Возьмем перевозную баржу, а там прибудет и катер шашкарцев. Всем этим транспортом начнем перевозку эвакуированных. Конечно, сразу отправить всех в Чебоксары не сумеем, но и на улице в такую пору их держать нельзя.

— Среди них есть и большие,— заметил капитан.

— Их положим в больницу. Остальных разместим в школе, в клубе, а если и там места не хватит, можно занять один корпус дома отдыха...

Сельский Совет стал похож на фронтовой штаб. Люди входили и выходили, громко разговаривали. Через некоторое время прибыли на машине районные начальники.

Вскоре к одинокому пароходу, взятому в ледяной плен, одна за другой направились лодки. Впереди, раздвигая рыхлые льдины, шли два катера. Они тащили за собой небольшие баржи.

— Настоящая флотилия! — пошутил стоявший на первом катере рядом с капитаном «Парижской коммуны» председатель сельсовета.

— И не говори,— отозвался капитан.— Как войско Стеньки Разина.

Когда пестрая «флотилия» обогнула мыс, ее заметили с верхней палубы «Парижской коммуны».

— Едут!

— За нами плывут! — раздались радостные голоса.

Старый Пауль и Ян тоже вышли на палубу. Они, как

и другие пассажиры, устали ждать, когда их снимут с омертвевшего парохода. И более всего они беспокоились за маленькую Эльгу.

Старый Пауль, увидав лодки и катера, облегченно вздохнул:

— Эльгу пашу спасем...

ДВА ДРУГА

Илле и Аркаш в воскресенье пилили, кололи и складывали в поленницу дрова. Они давно договорились во всем помогать друг другу. Ребята учились в шестом классе, сидели за одной партой. Хотя и жили на разных улицах, каждый день бывали друг у друга. То уроки вместе готовили, то делали рисунки для стенгазеты. Перед праздниками бегали на репетиции. У Илли был неплохой голосок. Запевать в хоре всегда приходилось ему. Аркаш был мастер играть комические роли.

По внешности и по характерам Илле и Аркаш были очень непохожи. Илле — худенький, не по годам высокий, волосы русые, глаза синие, как небо в ясный день, на лице — редкие веснушки. Характер мягкий, зря не сердится, разговаривает не спеша, обдумывая, как взрослый, каждое слово. Аркаш — совсем другой человек. Хоть он и ровесник Илле, намного ниже его ростом, плотный, широкий в плечах, ноги короткие, крепкие, волосы и глаза — черные. В летние солнечные дни он превращается в настоящего цыганенка. Аркаш юркий, непоседливый, говорит быстро, горячится.

Учились они оба прилежно. Правда, Аркаш был не очень силен в арифметике, задачи решал с трудом, поэтому Илле часто приходилось ему помогать. Зато Аркаш был отличником по истории и литературе. Он много читал.

— И обедать без книги не садится, негодник! — добродушно жаловалась мать. — У других ребята на санках катаются, на коньках бегают, а мой — все с книгой, все с бумагами. За зиму извелся совсем...

Учителя любили их обоих, и одноклассники дружили

с Илле и Аркашом охотно. Были у Илле с Аркашом и противники. Например, Павел Чернов, или, как его называли в деревне, Палля — сын Рыжей Мари. Он учился плохо, и вовсе не потому, что не хватало способностей, а из-за лени и шалостей. В озорстве Палля превосходил всех. Украдкой он курил. Однажды Палля притащил табак даже в школу.

Кто-то сообщил об этом классному руководителю Рине Петровне. Та перед всем классом отругала Паллю и строго предупредила:

— Если еще раз замечу, что ты куришь, исключим из школы. Запомни это.

Палля, не смея взглянуть в глаза ребятам, молчал. Потом дал слово так не делать, но в тот же день его видели у кузницы вместе со взрослыми с козьей ножкой в руке.

Илле и Аркаш написали про него в стенную газету и даже нарисовали карикатуру. Палля на это страшно обиделся. По дороге из школы он хотел избить Аркаша. Подскочил, разъяренный, с кулаками, но ребята отогнали его.

— Все равно я отомщу, — погрозил Палля.

Противником двух друзей был и Колька — сын продавца сельской лавки Герасима Ивановича. Ростом он выше других, но хилый и большой нюня. Ребята его прозвали Мошкой. Мошка был хитер, любил обманывать и ябедничать. Сам что-нибудь натворит и тут же свалит вину на другого.

И все же у Илли и Аркаша друзей было куда больше, чем врагов.

Летом, как началась война, из колхоза «Новое время» более пятидесяти мужчин ушли сражаться с врагом. Среди них были и отцы Илли и Аркаша.

Ребята хорошо помнят, как провожали солдат. Рано утром на площади перед клубом собралась вся деревня. Над трибуной висел большой лозунг: «РАЗГРОМИМ ФАШИЗМ!»

К клубу подошло несколько подвод. Дути и гривы лошадей были украшены красными, синими и зелеными лентами.

На трибуну, наспех сколоченную из досок, поднялся одетый по-военному председатель колхоза Павел Петрович, еще на финской войне получивший медаль «За отвагу». За ним — директор школы Иван Кузьмич и два члена правления колхоза,

Председатель, оглядев всех, громко начал:

— Дорогие товарищи! Друзья односельчане!..

Все притихли.

Павел Петрович говорил горячо, сильно волнуясь, временами потрясая сжатыми кулаками.

— Бешеный Гитлер мечтает сделать нас рабами, но этого никогда не будет. Враг силен, но мы сильнее его, и победителями в кровопролитной войне будем мы! С крепкой верой в это уходим мы на жестокую войну!

Слушая Павла Петровича, женщины всхлипывали, вытирали концами платков слезы. Лица мужчин становились все более и более суровыми.

После председателя выступил директор школы Иван Кузьмич. Он призвал оставшихся дома жить дружно, работать без усталости, повседневно помогать фронту.

Потом громко и сурово говорил Сар-Тимухха, еще с первой мировой войны вернувшийся без ноги.

— Не подведем, родные,— сказал он уходившим на фронт.— Наши сердца будут вместе с вами. Будьте храбры в боях! Уничтожьте проклятого врага и возвращайтесь живыми и здоровыми! Мы вас встретим так, как встречаем утреннее солнце, и вечно будем благодарны вам.

Отец Илли сначала взял на руки маленькую Марине. Он несколько раз поцеловал ее и ласково погладил:

— Смотри, дочка, будь умницей, мать слушайся... Ныпче тебе в школу идти. Учись прилежно...

— А ты до того разве не вернешься? — часто мигая, спросила Марине.— Ты же обещал отвести меня в школу?

— Постараюсь приехать, дочка, постараюсь!

— Тебя ведь не убьют на войне?

— Нет, нет, не убьют... Кто же убьет меня? — из глаз отца выкатились две крупные слезинки. Затем он обнял Илле: — Ну, ты уже большой, сынок, сам должен понимать. Нелегко будет вам. Матери помогай и об учебе не забывай. Не мне, а тебе пригодится ученье... Понял?

— Понял,— сказал ему в ответ Илле и от наплыва слез опустил глаза.

Последней отец обнял и поцеловал мать.

— С тобой мы, Ульга, обо всем уже переговорили... Старайся получше детей содержать...

Мать ему ничего не ответила, только, глотая слезы, печально посмотрела на него.

— Ты письма пиши почаще,— попросил Илле.

— Поехали, поехали! — послышались голоса.

Все двинулись. Подводы шли порожняком, люди — за ними. Все что-то наказывали, о чем-то напоминали, о чем-то просили, многие плакали. Отец нес на руках Марине, Илле и мать шагали рядом.

За колхозным гумном, где дорога поворачивает к оврагу, провожающие остались. Мобилизованные сели на подводы и вскоре скрылись из виду.

Деревня опустела. Все заботы легли на плечи женщин, стариков и детей. Руководить колхозом поручили перешагнувшему шестой десяток Назару Егоровичу — много лет назад он был первым председателем артели. Вместо бригадиров, ушедших на войну, назначили женщин. Одной из них была мать Илли. Уход за лошадьми, пожарную охрану, работу на мельнице правление тоже поручило женщинам. Никто из них не сказал: «Я не справлюсь», «для меня это трудно», «у меня нет времени».

Вскоре началась страда: надо было жать, молотить. Хлеба в тот год уродились замечательные. Рожь была выше дуги запряженной лошади, овес — человеку по плечи, а картофель — что ни штука — фунт... Все это надо было собрать, не теряя ни колоска, ни клубня, надо было позаботиться и об урожае будущего года.

Война!..

Народ, оставшийся дома, не знал тогда ни дня, ни ночи, трудился без устали и, как бы трудно ни приходилось, все делал вовремя. Ребятам тоже было не до отдыха. Двенадцати-четырнадцатилетние выполняли то, что раньше делали старшие: подростки жали, возили снопы, молотили, вдвоем-втроем грузили на подводы тяжелые мешки, доставляли их на склады «Заготзерно» в Чебоксары...

Из-за того, что в колхозе было много неотложных дел, учеба в школе началась только с октября.

— Это нас пугать не должно, — сказала Рина Петровна — классный руководитель, когда мальчики и девочки пришли в школу. — Будем усерднее учиться и с программой все равно справимся. Так ведь, ребята?

— Так! — в один голос ответил класс.

Илле и Аркаш летом и дня не просидели без работы. Где тяжелее, где надо было спешить — друзья были там. Конечно, не только они, и другие тоже не сидели дома. Вставали вместе с солнцем и ложились спать, когда становилось темно. У девочек тоже было много хлопот. Сначала они занимались прополкой колхозного огорода, затем выбирали коноплю.

Девочки были и «няньками»: во время страды колхоз организовал ясли. Присматривать за малышами поручили старшим школьницам.

— Наши дети сразу повзрослели, — говорили матери друг другу, приветливо поглядывая на старательно работавших сыновей и дочерей.

Но были и лентяи, сторонившиеся общего дела. Взять хотя бы того же Паллю... Крепкий парнишка, а за все лето хоть бы раз увидеть его вместе со всеми.

Однажды Аркаш спросил у его матери:

— Где же ваш Палля, почему не видно его в поле?

Та, ехидно посмеиваясь, ответила:

— Времени у него нет, он сад сторожит, чтобы такие, как ты, свистуны, не обчистили его.

Аркаша это очень обидело, потому что он в чужой сад никогда не лазил. У них самих есть и яблоки, и ягоды, а если бы и не было, чужое без спросу не взял бы. И все же он ничего не сказал в ответ обидчице.

— Свяжешься с такой злоязыкой, конца-края не будет.

Осенью, когда копали картофель, ребята, отправляясь в поле, увидели, как Палля стоял у своих ворот и лушил семечки.

— Пойдем на картошку! Чего стоишь без дела, сейчас ведь сад не сторожишь, — сказал ему Аркаш.

— Валяйте сами, — пробормотал Палля. — Мне вашей колхозной картошки не нужно, нам своей хватает. Ковыряйтесь, если вам так хочется!

Ребята сильно рассердились, хотели его проучить, но Палля, видимо, почувствовал это и быстро юркнул за ворота.

— Вот негодный! — возмутился Аркаш, со злобой посмотрев ему вслед. — Неужели он не понимает, что мы работаем для фронта!

— У них-то на войне никого нет, поэтому, наверное, он и не понимает, — предположил Илле.

— Говорят, его хыркасинский дядя на фронте...

— Кто его знает... Я слышал, что один его дядька в тюрьме сидит.

— Может, это другой?

— Не знаю...

— Все равно, надо его разок отдубасить, а то чересчур зазнался.

Учеба в школе шла нормально, но ребята не были так шумливы и радостны, как в прошлые годы. Да и радовать-

ся было нечему: пришли первые похоронные — на поле боя смертью храбрых пали два колхозника, несколько человек лежали в госпиталях.

Отец Илли не писал месяца два. Сын с матерью были очень встревожены этим, но потом все же получили долгожданный солдатский треугольник. После поклонов и пожеланий доброго здоровья родным и знакомым отец не совсем понятно написал:

«Больше месяца был в аду, не чаял в живых остаться, но сейчас уже все в порядке, в моих руках снова боевое оружие».

О каком аде написал отец? Раненым, что ли, был? Мать и Илле никак не могли догадаться...

От отца Аркаша тоже долго не было вестей. Семья сильно волновалась, пока не получила весточку. Оказалось, он лежит в бакинском госпитале. Письмо писал не сам — попросил кого-то другого.

— В руку, должно быть, ранен, — решили все. — Ну, раз попал в госпиталь, выздоровеет.

В те тяжелые дни ни в одном доме не было покоя — из каждой семьи кто-нибудь да был в огне войны.

Учительница литературы Рина Петровна, работавшая в школе только второй год, тоже все время думала о своем старшем брате, ждала писем. Они с братом Федей были сиротами, отец их погиб еще во время гражданской войны, мать умерла в голодный год. Рину и Федю сельсовет отправил тогда в детский дом. Они выросли там, выучились. Когда Феде исполнилось восемнадцать, он поступил в военное училище, стал лейтенантом, потом его направили на учебу в академию. Весной сорок первого года он обещал сестре: «Приеду, когда созреют яблоки». Но началась война, и встреча не состоялась. Одно-единственное письмоце получила от него Рина Петровна. Было оно написано перед выездом из Москвы, торопливо и очень кратко:

«Моя дорогая сестренка, золото мое! Какая опасность нависла над нашей страной, ты сама понимаешь. Теперь никто не может сидеть спокойно. Советскую власть, давшую нам счастье, защищать надо нам, и не кто-нибудь, а мы сами должны разгромить врага... Нашу академию переводят в далекий тыл, в Ташкент, но я туда не поеду, подал рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Мою просьбу удовлетворили. Мы с тобой, хотя и выросли сиротами, всегда говорили, что родились под счастливой звездой».

дой. Может быть, эта звезда будет оберегать меня и в дальнейшем. Не печалься, слез проливать не надо. Время придет — встретимся.

Сто раз обнимаю и целую тебя, моя сестренка!»

Вечерами, возвратясь в свою маленькую комнату во флигеле школы, Рина Петровна подолгу смотрела на фотографию брата, висевшую на стене в узорной рамке.

«Где ты сейчас, Федя?»

В свободные вечера она, разложив по порядку, перечитывала его довоенные письма, иногда тихо плакала. Днем, на работе, Рина Петровна не показывала свою печаль. Чтобы не поддаваться горю, она старалась всегда быть с ребятами. Работала с ними и в поле, ходила к родителям учеников своего класса на дом. Нередко бывала она и у Рыбаковых, подолгу беседовала с матерью Илли. Конечно же, разговор чаще всего шел о войне, о близких людях-фронтовиках.

Однажды, когда Рина Петровна и Ульга вели такую беседу, речь зашла о брате учительницы. Илле хотелось пожалеть и успокоить Рину Петровну.

— В газетах пишут о партизанах. Может, и ваш брат там? — сказал Илле.

— Все может быть, — согласилась учительница.

— Наверно, он там со своим отрядом каждую ночь громит фашистов, а сообщить вам о себе ему нельзя.

— И это может быть, — сказала учительница. — Федя смелый...

Проходил день за днем. Вести с фронта все больше огорчали. Когда с почты приносили свежие газеты, все в первую очередь читали сообщения Совинформбюро. Однако отрадного в них было мало: «После тяжелых боев наши войска оставили...» Дальше шли названия городов.

Заведующий клубом Виталий Кураков первое время на большой географической карте отмечал движение линии фронта, но потом перестал. Слишком страшно выглядела эта карта. Немцы уже захватили Орел, а ведь он совсем близко от Москвы...

Но все верили: отступление наших войск — дело временное. Все надеялись, что скоро положение изменится, что фашистам придется бежать, бросая танки, пушки и другое вооружение. Об этом и в газетах писали, и лектор, приезжавший из Чебоксар, говорил.

Ребята рассуждали и так:

— Вот подождите, наш Дед-Мороз возьмет фашистов в холодные клещи. Так, как когда-то взял Наполеона.

Но к зиме надо было готовиться и самим. Мороз — не родная тетка. Надо заделать дыры в избах и в хлевах, чтобы ветер не продувал, дров заготовить. Поэтому-то Илле с Аркашом и возились с дровами.

Сосновые брусья, припасенные отцом в прошлую зиму, пилились легко. Чурбак за чурбаком падали на землю. Когда их набиралось десять-пятнадцать штук, ребята сразу двумя топорами начинали колотить. Поленья получались ровными, красивыми. Даже пахли смолой, напоминая о летнем лесе.

Поленницу мать Илли велела складывать под навесом сарая, чтобы на дрова не попал снег. Сама она в честь воскресенья решила испечь пироги и копошилась в избе возле печки. Работая бригадиром, Ульга мало бывала дома, но все же старалась кормить детей посытнее, помнила наказ мужа.

К ребятам во двор вышла и маленькая Марине. Ее круглое лицо покраснелось от мороза, как анисовое яблоко.

— Иди в избу, зачем зря зябнешь тут, не видела разве, как дрова пилят? — строго сказал Илле, но сестренка не послушалась.

— Мама меня выпустила на двол, чтобы я не уголе-ла... — объяснила она.

— Вот, мемека! Семь лет исполнилось, в школу ходит, а все «р» не может выговаривать, — заметил Илле. — Сколько ни учу, все равно она вместо «Арарат» говорит «Алалат»...

Марине не обиделась. Утерла варежкой подмокший нос и тут же стала таскать поленья под навес.

— Вы не таскайте, — сказала она мальчикам, — я сама, одна пелетаскаю!

Илле и Аркаш похвалили девочку, и она стала стараться еще больше.

Поленница становилась все выше и выше.

— Если будем так работать все время, — заметил Аркаш, — сегодня, пожалуй, все ваши дрова кончим.

— Можем и кончить, — согласился Илле и добавил: — Если Марине постарается.

В это время звякнула защелка калитки и во двор вошла сторожиха правления колхоза тетушка Устюк.

— Мать дома? — спросила она.

— Дома,— ответил Илле. Он уже привык к тому, что мать часто вызывают в правление.

Через некоторое время, на ходу застегивая пуговицы ватника, во двор вместе с Устюк вышла мать Илли.

— Долго ли задержусь, не знаю,— сказала она сыну.— Мипут через пятнадцать вынь пироги из печи и помажь их маслом. Смотри, не забудь! Печка жаркая, сгорят еще!..

— Ладно,— кивнул головой Илле.

— Я напому ему,— пообещала Марине.

— Чего-чего, а пирогам сгореть не дадим! — весело добавил Аркаш.

Ульга и Устюк быстро ушли.

— Что там еще стряслось? — сказал Илле и, поправив шапку, опять взялся за ручку пилы.

— Давай, тяни, Аркаш!

ОЧЕНЬ СРОЧНОЕ ДЕЛО

правления Ульга была недолго.

— Что так быстро? — спросил Илле.

— Надо торопиться, очень срочное дело,— ответила мать.

— Что случилось?

— Из района велели... Вчера под Ильинкой прямо посреди Волги пароход встал, льдом его обложило. На нем, говорят, ехали эвакуированные. Людей переправили на берег, а разместить негде. Решили распределить по деревням...

— Это интересно,— сказал Аркаш.

— Не интерес тут, а горе,— с укором посмотрел на друга Илле.— И ребята там, конечно, есть, а погода холодная...

— Какое еще горе-то! — согласилась мать.— Мучаются они, бедные...

— Что же тебе велели делать?

— Из нашего колхоза посылают в Ильинку десять подвод. Надо привезти несколько семей и разместить

их у нас. Назар Егорыч уже распорядился насчет лошадей.

— А кто поедет?

— Два конюха, Виталий согласился, и мне, видимо, придется,— сказала мать.

— Можно, вместо тебя я поеду? — вдруг спросил Илле, резко всадив топор в чурбак.

— Не знаю, как...— слегка заколебалась мать.— Не снопы — людей придется везти... Сможешь ли?

— Почему не смогу? Или я не правил лошадью? — возразил Илле.

— Если Илле поедет, то и я тоже с ним,— сказал Аркаш.— Побегу домой, скажу матери...

Ульга согласилась. «И правда, почему не доверить ребятам? Летом сколько раз в Чебоксары хлеб отвозили. А потом с ними сам Назар Егорыч поедет».

— Если очень охота ехать — поезжайте,— сказала она.— Только потеплее оденьтесь, холодно.

Через час Ульга, Илле и Аркаш подошли к правлению. Там их ждали запряженные лошади, конюхи Лизавета и Кулюк, заведующий клубом Виталий и еще два-три человека, собравшиеся в путь.

— Рыбакова, зайди к председателю, тебя там ждут,— сказал Виталий Ульге. Затем спросил мальчиков: — Вы тоже поедете?

— Да, поедем,— ответили ребята.— Когда отправимся?

— Долго, пожалуй, стоять не будем. Вот Назар Егорыч освободится...

— Заседают, что ли?

— Судачат, где разместить эвакуированных. Ведь не будешь людей на улице держать.

— Это правильно... Интересно, к кому поселят?

— Конечно, к тем, у кого изба побольше, семья поменьше. Например, я и сам приму одну семью. Мы живем только с матерью, места хватит. И к вам можно направить. У вас тоже семья невелика.

— Я не против, пусть живут! — сразу же сказал Илле, хотя разговора с матерью об этом не было.

— И мы можем пустить,— вступил в разговор Аркаш. Ему никогда и ни в чем не хотелось отставать от Илли.

Совещание шло недолго. Вскоре, шумно разговаривая, вышли председатель колхоза Назар Егорович, бригадир первой бригады Сар-Тимухха, второй бригадир — высокая

и стройная девушка Татьяна Ярмуш, мать Илли — Ульга, Рина Петровна и сельская медсестра Антонина Клементьевна.

Остановившись на крыльце, Назар Егорович напомнил своим спутникам:

— Значит, побывайте в каждом доме. Пусть хорошенько натопят, приборутся. Это уже тебе надо проверить, Антонина Клементьевна. Это по части медицины...

— Понятно, все сделаем,— кивнула медсестра.

— Ну, а теперь поехали!

Назар Егорович по-молодому сбегал по ступенькам крыльца и, вспрыгнув в телегу, в которую была запряжена самая резвая в колхозе лошадь Сюлым, что по-русски значит «Пламя», дернул вожжи. За ним тронулись и другие.

— Найдешь время, зайди к бабушке! — крикнула мать Илли, попавшему на самую последнюю подводку.

— Ла-а-адно! — ответил он, замахнувшись концом вожжей на рыжую лошадь.

Их бабушка жила в Ильинке. Ее младший сын Педюк — дядя Илли — года за три до войны поступил работать на Ильинскую пристань матросом, поэтому они и переехали туда на жительство. В самом же начале войны он ушел на фронт, а осенью вернулся, потеряв руку. Но на пенсии сидеть не стал — работал председателем сельского Совета.

— Бегаю, чтоб, лежа дома, не зарости мохом,— сказал он как-то, заглянув к сестре по пути из Чебоксар.

Перед уходом он пригласил Иллю к себе:

— Приходи как-нибудь, я тебе подарю немецкие вещи. Будете ставить спектакли — пригодятся.

Однако побывать в Ильинке у Илли не было возможности.

«Теперь-то уж обязательно зайду»,— подумал он, гоня лошадь за другими подводами.

Прошлой ночью подморозило и дорога затвердела, как асфальт, не было грязи и пыли. Лошади, отдохнувшие после страды, бежали хорошо. Миновав три деревни и небольшой лес, порожняк колхоза «Новое время» прибыл в Ильинку.

Ехавший впереди Назар Егорович сразу же направил лошадь к сельскому Совету. Там было уже порядочно подвод, прибывших из других деревень.

— Вы чуток посидите, а я схожу, узнаю,— сказал

Назар Егорович своим людям и зашагал, помахивая кнутовищем, в канцелярию сельского Совета.

Илле тоже пошел за ним, предупредив Аркаша:

— Ты посматривай тут и за моей лошадкой, я ненадолго зайду в сельсовет. Тут мой дядя работает.

Аркаш кивнул головой.

В сельском Совете было полно народу. Накурили так, что из-за дыма не было видно людей. Все шумели, о чем-то спорили. Илле, с трудом протиснувшись вперед, вдруг услышал голос своего дяди:

— Успокойтесь, товарищи! Сейчас зачитаем список! Стало тихо.

— Из колхоза «Молния» есть люди? — спросил человек в очках, стоявший рядом с председателем сельсовета.

— Есть! — ответил кто-то.

— Возьмете пять семей! Колхоз имени Ленина...

— Здесь!

— Семь семей! Колхоз «Красная звезда»...

— Мы!

— Пять семей!

— Колхоз «Вперед» — шесть! «Путь коммунизма» — восемь! «Красная поляна» — пять!..

«Распределяют... — подумал Илле, наострив уши. — Сколько же семей выделят нам?»

Но он не услышал названия своего колхоза. «Почему бы это? Неужели уже всех распределили? — думал Илле. — Если так, то зря, значит, мы ехали... Обидно получается: в других колхозах эвакуированным будут помогать, заботиться о них, а у нас в «Новом времени» будто недостойны подержать попавших в беду людей...»

По этому поводу беспокоился не только Илле, но и Назар Егорович. Он протиснулся вперед к дяде Илли и, посмотрев на него, твердо спросил:

— Товарищ Бурлаков! Петр Васильевич! Куда же делся колхоз «Новое время»? Почему его не упомянули? Или мы хуже других? Не достойны? Разъясни-ка ты мне!

Бурлаков посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Кто вам сказал, что не достойны? Колхоз ваш сильный, я это знаю.

— А если так, почему нас пропустили?

— Когда мы здесь составляли список, вас еще не было, поэтому так и получилось.

— Однако мы уже здесь!

Илле протиснулся к столу, поправил сползшую на лоб шапку и прямо через стол подал руку:

— Здравствуй, дядя!

— О-о, и ты здесь? — удивился тот.

— Как видишь. Десять подвод от нас прибыло. Вы уж нас не обижайте, дайте несколько семей. У нас там все сейчас готовятся, полы моют, бани топят. Мы и сами хотим принять одну семью, — торопливо проговорил Илле.

— Не обидим! Разве можно родственников обижать! — улыбнулся дядя. — Только вам придется малость подождать. Сначала проводим тех, кого вызвали по списку, потом — вас. А ты до этого можешь к бабушке сходить, она тебе рыбки свежей поджарит. Когда будешь нужен, я тебя позову.

Все подводы, что стояли у сельского Совета, кроме подвод «Нового времени», потянулись к школе и клубу. Человек в очках, читавший список, на ходу что-то объяснял человеку в военной форме и женщине в шубе черной дубки. Он то и дело говорил «больница», «лекарства», «врачи».

«Этот, видно, из Чебоксар», — подумал Илле, тоже направляясь к школе. Ему хотелось увидеть прибывших издалека людей, «эвакуированных». Какие они? Откуда? А бабушку, решил он, можно повидать и в другой раз.

Когда он взошел на крыльцо школы, кто-то толкнул его в спину. «Входить, видимо, велют...» — мелькнула у него мысль. Он оглянулся назад, а это Аркаш!

— Ты что? Испугал...

— А ты зачем бросил меня? — пристально посмотрел на него дружок. — Сам идет, а мне и знать не дает! Сижу, как дурак, лошадей сторожу.

— Некогда было...

Ребята прошли в один из классов и прижались к стене. Сколько там было пароду! Каких людей только не было!.. Дряхлые старики и старушки, женщины с детьми, подростки и девушки... На столах, на партах, на полу — везде люди, люди... Одни сидели, другие лежали, рядом с ними копошились ребятишки. Мужчины были в шляпах, в картузах со светлыми козырьками, некоторые в зашнурованных до самых колен башмаках, наподобие сапог. У женщины волосы как-то непривычно сложены и связаны на темени, платья пестрые. У иных сверху было надето что-то вроде халатов без рукавов. Разговаривали они не по-чувашски

и не по-русски, а на каком-то другом, совсем непонятном языке...

— Кто же они? Какой национальности? — тихо спросил Илле стоявшего рядом Аркаша.

— Погоди, узнаем еще...

— Выходит, по-русски совсем не знают. Жить им здесь трудно будет...

— Научатся...

Вошли человек в очках и дядя Илли. Они встали на середину класса и попросили всех помолчать.

— Граждане,— сказал очкастый.— Вам сейчас придется выехать в окрестные деревни. Слушайте повнимательнее, я зачитаю список. Кого назову — тому надо взять свои вещи и выйти на улицу. Подводы для всех готовы. Поняли?

— Поняли! — негромко ответили несколько мужчин.

— Иоганнес Орас! — прочел очкастый.— Мююр Освальд! Лотта Юргенс! Отто Лан! Юлиус Ноор!

Аркаш сжал руку Илли, прошептал:

— Ведь это же немцы! Зачем их сюда привезли?!

— Нет, пожалуй, не немцы, если бы они были немцы, их отправили бы в лагерь,— ответил ему Илле.

— Как же не немцы? Послушай-ка имена: Лотта, Отто...

— По-моему, они из Литвы или из Латвии, там тоже такие имена.

— Откуда ты знаешь?

— Книгу читал...

Эвакуированные, взяв свои узлы, чемоданы, корзинки, подняв на руки маленьких ребят и держа за руки тех, которые побольше, выходили на улицу. Там их по подводам размещал дядя Илли, посматривая на список, указывая, кому куда садиться. С обледеневшей Волги дул, все усиливаясь, ветер. Небо стало оловянным, казалось, холод исходит от него самого. В такую погоду ехать по полю — не радость, особенно если на подводе ребята и плохо одетые люди...

Комиссия по размещению эвакуированных работала быстро. Отправили тех, которые после парохода ночевали в школе, потом проводили тех, что были в клубе, затем пошли к ожидавшим в одном из корпусов дома отдыха.

Илле шагал рядом со своим дядей.

— Теперь и нам, наверное, дадите? А то, видишь, вечереет, а нам еще ехать! — заметил он,

— Дадим, сейчас дадим,— сказал дядя.— А у бабушки ты был?

— Не пошел...

— Ты же хотел взять немецкие вещи?

— В другой раз приеду...

— «Новому времени» наметили шесть семей,— сказал Назару Егоровичу человек в очках.— Жильем всех обеспечит?

Назар Егорович уверенно ответил:

— Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Затем человек из Чебоксар вместе с Назаром Егоровичем вошел в одну из комнат и спокойно сообщил:

— Вы, граждане, поедете в колхоз «Новое время», вас повезет вот этот товарищ,— он показал на Назара Егоровича.— Это — председатель колхоза.

— Далеко ли? — спросил худощавый, с седой щетиной бородой старик, встав из-за парты.

— Километров десять, не больше,— ответил Назар Егорович.— До темноты доедем, лошадки у нас хорошие.

— Есть ли там больница? — спросил тот же старик.

— Больницы нет, но фельдшер есть. Хороший фельдшер, лучше иного доктора...

— А вы что, больны? — спросил человек из Чебоксар.

— Я не сам, у нас девочка болеет... Здесь доктор осмотрел ее, лекарства дал. Чувствует себя она сейчас вроде ничего, но в дороге может всякое случиться...

— Не беспокойтесь, товарищ, мы ее закутаем лучше,— успокоил Назар Егорович.— Не бойтесь...

— Ну, не будем зря терять времени, граждане,— сказал человек из Чебоксар.— Собирайтесь! Прошу!

Эвакуированные вышли на улицу, где их уже ожидали подводы. Женщину с большим ребенком и ее восьмилетнюю девочку, старательно закутав, председатель посадил на свою подводу. Старик, говоривший о болезни внучки, и мальчик лет двенадцати попали на телегу Илли.

Минут через двадцать подводы «Нового времени» выехали из Ильинки. Сначала, в гору, лошади шли шагом, а когда вышли на ровное место, Назар Егорович дернул вожжи, свистнул и его Сюлым пошел крупной рысью. Тогда и другие подводы громко застучали колесами по мерзлой дороге.

Илле, встав на колени, устроился у передка телеги. Время от времени он похлестывал лошадь прутом: «Но-но, не отставай!», хотя она и так бежала резво. Он все время

смотрел вперед, подставляя лицо встречному ветру, который обжигал и румянил его. Иногда оборачивался назад, посматривал на старика и его внука, сидевших за спиной. По правде говоря, пареньку очень хотелось заговорить с пими.

Илле знал, что старик говорит по-русски, хотя не по-здешнему, слегка коверкая слова, но понять его было можно. Начинать разговор Илле немного побаивался, потому что и сам говорил по-русски не очень уверенно.

Лошадь все бежала и бежала, колеса телеги, постукивая, весело катились по мерзлой дороге.

Миновав одну из деревень, Илле твердо решил начать разговор с людьми, которых вез. Он начал составлять в уме фразы по-чувашски и переводить их на русский язык:

«Сире сивё мар-и?» Как же это будет по-русски?..» — вспоминал он.

— Товарищ, вам не холодно? — вдруг спросил Илле и сам испугался того, что его голос оказался таким громким.

Старик вздрогнул и заморгал глазами.

— А, что? Мальчик, ты что-то сказал? — спросил он.

— Не холодно вам, говорю? — повторил Илле.

— О, нет! Спасибо, не холодно. Только немножко ветер, но это ничего, ничего... Терпеть можно...

— А он как? — Илле кивнул в сторону мальчишки.

— Янек спит, ему хорошо. Он очень устал, ему надо спать, очень много спать... — Старик поправил одеяло над головой внука.

Илле очень обрадовался, что разговор начался так удачно. Он радовался и тому, что мог объясниться по-русски. Немного проехав, он четко произнес:

— Скоро будем дома... Дома тепло!

— А далеко еще ехать? — спросил старик.

— Нет, недалеко!.. Семь верстов! — ответил Илле.

— Семь верст?

— Да, да...

Илле понял, что выразился неправильно («надо было говорить не «верстов», а «верст»). Смутившись, он некоторое время помолчал, однако желание расспросить о людях не давало ему покоя, и он снова заговорил:

— А откуда вы пришли... приехали?

— Мы из Эстонии. Знаешь? Это далеко, там, где Балтийское море... — Старик показал рукой на северо-запад.

— Знаю, — сказал Илле. — В книге по географии есть...

— Вот, вот... Очень далеко.

Илле вспомнил географическую карту, которая висела в их классе. Вот Ленинград... Слева от него — Эстония, Латвия и Литва... Главные города их, кажется, Таллин, Рига, Вильнюс... Правильно: в Эстонии — Таллин. Он на берегу Финского залива.

— Вы из Таллина? — опять спросил Илле.

— Нет, еще дальше, из Вильянди...

Об этом городе Илле не слышал. Решил: завтра же, придя в школу, разыскать его на карте.

— А ваш мальчик в школе учится?

— Да, да, он тоже ученик. Хороший ученик, — сказал старик.

— В каком он классе?

— В пятом учился. Теперь — нет, теперь у нас война. Немец пришел, фашист.

— А как мальчика зовут?

— Его имя Ян.

— Иван? — с удивлением переспросил Илле. — Разве в Эстонии тоже есть Ивановы?

— Не Иван, а Ян, — разъяснил старик. — Я-н. Две буквы. Это такое короткое имя. Понимаешь?

Илле утвердительно кивнул головой.

Они бы, наверное, поговорили еще, но подводы подошли к крутому оврагу. Надо было спускаться осторожно. Илле опять встал на колени и туго натянул вожжи. Лошадь пошла тихо-тихо, сдерживая телегу.

Когда переехали мост через овраг, мальчик соскочил на землю, чтобы облегчить лошади подъем в гору. Аркаш тоже шел рядом с телегой. Илле, подождав его, спросил:

— Ну, как?

— Что как? Немного вот поги озябли, — ответил Аркаш.

— Кого везешь? Познакомился уже?

— Познакомился, конечно! Белорусы. Мать и двое детей. Петрусь, одних лет с нами, и Калерия, девяти лет. Фамилия у них очень смешная — Дорожка. А ты кого везешь?

Илле рассказал.

— Я своих к себе повезу. У нас будут жить, если мать согласится, — сказал Аркаш.

— Почему же она не согласится? Согласится, конечно, — уверенно сказал Илле. — Я тоже своих хочу у себя поместить.

— Как же они учиться-то будут? — озабоченно спросил Аркаш. — Ни по-чувашски, ни по-русски не знают. Правда, Петрусь немного соображает, их язык похож на русский, но эстонцы, наверное, совсем не знают.

— Может быть, среди них найдется свой учитель, мы ведь пока не знаем, — сказал Илле. — Если же нет, родители что-нибудь придумают...

— Садитесь, поехали! — крикнул Назар Егорович.

Друзья кинулись к своим подводам. Снова равномерно застучали колеса. Смеркалось. Ветер все усиливался. Затем вдруг пошел крупный снег. Он свалился сверху огромной массой, и вскоре всюду разгулялась метель.

Подводчики быстро погнали лошадей к дому, к своей деревне, которая была уже совсем близко.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

сенний день короток. Когда подводы подъехали к деревне, стало совсем темно. В избах уже зажгли огни, из окон на улицу падал желтовато-красный свет.

Всех эвакуированных поначалу завезли в правление колхоза.

— Вещи пока будут на телегах, а сами пусть погреваются, — распорядился председатель колхоза.

Узнав о возвращении подвод с эвакуированными, в правление набилось полно народу — и взрослые, и ребяташки. Каждый хотел пройти вперед, посмотреть на «приехавших с чужой стороны». Женщины громко разговаривали, жалели, печалились.

— Ой, ой, и маленькие, оказывается, есть! Бедные...

— Шайтанов Гитлер! Ведь, если бы не он, всем этим людям жить бы да жить в своих домах...

— Разрази гром, поглоти земля этого изверга за то, что принес людям такие мучения!

— И больные, видать, есть. Вон, смотрите-ка на ребенка, который на руках у женщины. Как он тяжело дышит...

— Много ли надо ребенку? Чуть простудился — и готово, заболел...

После короткой беседы с бригадирами и членами правления Назар Егорович открыл дверь и громко сказал:

— Прошу всех разойтись по домам! Здесь не спектакль, разевать рот не на что. Нам надо побыстрее разместить людей и дать им отдых. Оставайтесь только те, кто берет к себе беженцев...

Илле, стоявший за председателем, протиснулся к своей матери.

— Мы тоже возьмем к себе, мам? — быстро спросил он.

— Возьмем,— согласно кивнула головой мать.— Я уже все приготовила.

— Мам, давай поведем тех, что я привез. Вон они, старик, женщина и трое ребят...

— Ладно, погоди немного.

Илле подошел к старому эстонцу.

— Пойдемте к нам, в наш дом. Будет хорошо.

— Спасибо, спасибо,— прошептал старик.— Нам надо позвать врача... фельдшера. Нашей девочке опять худо.

— Фельдшер здесь, я сейчас скажу, она придет.

— Спасибо...

Илле кинулся в комнату председателя. Фельдшерница стояла вместе с Назаром Егоровичем. Но пока он пробирался к ней, лицом к лицу столкнулся с Аркашом.

— Ну, как, говорил со своей матерью? — спросил Илле друга.— Согласна?

— Говорил, уже идем за ними...

— Хорошо! Моя тоже согласна! Подожди, мне Антонине Клемептьевне надо сказать словечко. У наших ребенок болен...

Через полчаса в правлении уже никого не осталось. Эвакуированных опять посадили на подводы и, в сопровождении хозяев, увезли. Остальные разошлись по домам. На темных улицах деревни стало совсем тихо, но в окнах многих домов еще долго виднелся свет: люди в ту ночь не торопились ложиться спать.

Семью эстонцев мать Илли сразу же провела в переднюю половину избы.

— Устраивайтесь, здесь сами будете хозяевами,— сказала Ульга, довольно хорошо говорившая по-русски.— Вот для вас две постели, а потом устроим еще одну...

Ульга в тот день убрала в избе, как перед праздником. Стол покрыла новой скатертью, цветочные горшки

обернула белой бумагой, повесила хорошие занавески. «Молодец наша мама», — радостно подумал Илле.

Эстонцы прежде всего уложили на мягкую постель большую девочку, потом все умылись, привели в порядок одежду. Мать Илли поставила самовар, выпула чашки, выложила испеченные утром пироги, а в красивой вазе, купленной отцом перед войной, подала на стол мед.

— Ну, а теперь прошу всех к столу, — сказала она.

— Мы свое достанем. У нас еще кое-что есть... — беря со скамейки мешок, произнес старик.

— Нет уж, вашего ничего не нужно, сегодня вы наши гости, — ответила хозяйка. — Садитесь, не стесняйтесь, будьте как дома...

Старик сел за стол, сказал что-то на своем языке остальным членам семьи, и те тоже, чуть стесняясь, сели рядом с ним.

Мать Илли разлила по чашкам чай, пододвинула мед, пироги.

— Спасибо, спасибо, — благодарил старик, оглядывая свою семью. Он от души был рад тому, что наконец поцал в такую теплую и безмятежную обстановку.

В это время хозяйка вдруг что-то вспомнила и быстро ушла на кухню. Вскоре она вернулась. В ее руках Илле увидел бутылку с красным вином, удивился: что это еще за штука, где она его взяла?

— Купила, когда еще мужа на войну провожала, — объяснила Ульга, разливая вино в крошечные рюмки. — На наше счастье, немножко осталось...

Одну рюмку она поставила старику, вторую — его снохе, а третью, неполную, себе.

— Давайте выпьем за ваше благополучное прибытие... За наше здоровье!

Хозяйка и старик выпили, а молодая эстонка только пригубила рюмку.

— Теперь надо поближе познакомиться, — сказала Ульга. — Ведь нам придется жить вместе, одной семьей... Меня по-чувашски зовут Ульга, по-русски это будет Ольга, по отчеству — Павловна, но это и не нужно. Сын, который вас привез, — Илле, по-русски Илюшка, девочку зовем Марине.

— О, хорошие, очень хорошие ребята... — сказал старик. — А где их отец?

— Известно, где сейчас может быть мужчина, — конечно же, на войне, — вздохнула хозяйка дома.

— А как ваша фамилия?

— Рыбаковы мы,— опередив мать, ответил Илле.— А ваша?

— Наша — Киккас. Я — Пауль Оскарович.

Затем старик перечислил имена остальных. Когда старик упомянул имя своей маленькой, Эльги, мать Илли обрадовалась:

— Эльга, наверное, по-русски тоже Ольга? Стало быть, мы с ней тезки? Значит, в одном доме будет две Ольги...

— Да, да,— закивал головой старик.— Однако больна она у нас, боимся...— с тревогой в голосе добавил он и посмотрел на постель, где лежала Эльга.

— Ничего, поправится, теперь в тепле, не страшно,— стала успокаивать его Ульга.

— Я уже пригласил Антонину Клементьевну,— вставил Илле.

В это время как раз послышался скрип ворот.

— Вот и она, кажется, идет.

И правда, в дом вошла высокая, мужиковатая женщина — колхозная фельдшерица. На плече у нее была большая зеленая сумка с красным крестом.

— Добрый вечер всем! — сказала она глухим грудным голосом.

— Пожалуйста, Антонина Клементьевна, раздевайся, проходи, садись с нами чай пить,— пригласила Ульга и подошла к ней.

Раздевшись у входа, Антонина Клементьевна прошла вперед и, поглядывая по сторонам, спросила:

— Где у вас больная?

Старый Пауль сказал что-то Амалии на своем языке, та быстро подошла к дочери, откинула укрывавшее ее одеяло. Антонина Клементьевна приложила ладонь к голове девочки, потом поставила градусник.

— Сначала узнаем, какая температура...

Ульга налила фельдшерице чаю. За чаем она расспросила, чем до этого болела девочка, с чего началась эта болезнь. Отвечал Пауль. Амалия по незнанию русского языка молчала. Уставившись на фельдшерицу, она сильно волновалась, ждала, что скажет эта могучая, с добрым взглядом, женщина. Когда Антонина Клементьевна, взяв градусник, сделала два шага к лампе, Амалия тоже торопливо встала с места и подбежала к ней.

— Митту?¹

¹ Сколько? (эстонск.).

Антонина Клементьевна, хотя и не знала этого слова, но поняла, о чем спрашивала ее мать, хотела ответить и не успела. Амалия сама уже увидела и, испуганно расширив глаза, закрыла лицо руками. Температура у Эльги была около сорока.

— Это страшно... — произнес старый Пауль, тоже посмотрев на градусник. — Что-то надо делать.

Закусив морщинистые губы, он тупо смотрел на пол. Амалия тихо заплакала.

Антонина Клементьевна пыталась ее успокоить.

— Перестаньте, возьмите себя в руки. Слишком горевать пока не следует. Температура у ребенка может подниматься и выше. Не бойтесь...

Старый Пауль перевел ее слова на эстонский язык. Женщина, глотая слезы, печально, но с какой-то внутренней надеждой смотрела на фельдшерицу. Антонина Клементьевна достала из кармана халата черную медицинскую трубку и внимательно прослушала больного ребенка.

Все сидели тихо. Ждали, что она скажет.

— Пневмония... Воспаление легких, — наконец сказала Антонина Клементьевна, кладя трубку в карман.

Пауль тут же перевел Амалии. Та снова заплакала...

— Не плачьте, не надо, пользы от этого нет... — успокаивала ее Ульга. — Дети без болезней не растут. Пройдет все, поправится!

— Правильно, больному слезами не поможешь, — согласилась с хозяйкой Антонина Клементьевна. — Мы сейчас постараемся сбить температуру и поможем ее сердечку получше работать, ей сразу же будет легче...

Она дала малышке какое-то лекарство, положила на голову чистое мокрое полотенце, еще раз послушала, как Эльга дышит, проверила пульс. Видимо, она и сама сильно беспокоилась, но старалась не показывать этого.

Часам к одиннадцати семья Киккасов улеглась. Старшие дети, Ян и Юули, сразу же заснули мертвым сном. Однако Пауль, устроившийся на диване возле печки, и лежавшая вместе с больной девочкой Амалия долго не спали. Их очень беспокоила болезнь Эльги.

Илле улегся на полатах. Его сестренка, Марине, давно спала там же, свернувшись калачиком. Желая быстрее заснуть, Илле закрыл глаза, однако сон сразу не пришел. Перед ним, как в кино, проходили одно за другим события прошедшего дня. Поездка в Ильинку, встреча эвакуированных, прибытие с ними в деревню, собравшийся народ...

Да, трудный выдался денек! Кого только не видел, чего только не слышал. И позябнуть пришлось. Все-таки домой доехали благополучно, всех привезенных разместили хорошо. Сумеют ли они работать? Люди городские. Научатся!.. Жаль, девочка больна... Если болезнь затянется, хлопот много будет...

Илле уже стал засыпать, как вдруг услышал тихий разговор. Внизу, на кухне, его мать шепталась с Антониной Клементьевной.

— Ты уж эту ночь здесь посни, я тебе постель устрою. Ночью ребенку может стать еще хуже, а что мы с ней сумеем сделать? Опять к тебе бежать придется... Лучше не уходи. Дома у тебя никто не плачет!

— Она и впрямь в тяжелом состоянии, в очень тяжелом. Боюсь за нее и... домой бы надо,— ответила фельдшерица.

— А что... и умереть может? — испуганно спросила Ульга.

— Кто знает... С больными детьми всякое бывает...

Соп Илли как ветром сдуло. Он перевернулся со спины на живот и, облокотившись, подняв голову, стал прислушиваться.

— Как рассветет, сразу же надо поехать в район за врачом,— говорила Аптопина Клементьевна.— По правде сказать, у меня больше и лекарства никакого нет, сейчас последнее отдала...

— Тогда не послать ли кого-нибудь сейчас? — быстро спросила Ульга.— Сказать председателю и...

— Кто же ночью поедет? Метель разбушевалась, ни зги не видно.

— А пусть! Не сто же верст.

— Ничего, до утра как-нибудь подождем...

Илле сильно взволновался.

«Дела-то, оказывается, плохи... Говорит, что девочка умереть может... Мать правильно сказала — за доктором надо поехать сейчас же, чего ждать-то? Больного без лекарства не вылечишь! Если не найдут человека, я и сам могу съездить. Чего бояться? Можно взять Аркаша, со мной он куда хочешь поедет...»

Эти мысли промелькнули в голове Илли, как молния. Он уже был готов соскочить с полатей и решительно сказать: «Отпустите меня за доктором! До утра съезжу!», когда в передней послышался слабый крик ребенка, затем оттуда вышел старый Пауль.

— О, плохо! Эльге... очень плохо! — сказал он фельдшерице. — Боюсь, умрет она... Что делать?

Ульга с фельдшерицей тут же кинулись в переднюю. Больше Илле уже не мог лежать. Он перелез с полатей на печь, в темноте нащупал свои валенки и тихонько спустился на пол. Женщины все еще были около девочки. Илли никто не заметил. Он торопливо надел теплые штаны и рубашку, затем пиджак, шубу и стал быстро застегиваться.

Из передней вышла мать.

— Ты куда это собираешься? — спросила она строго.

— Надо же к доктору ехать... Я слышал все, о чем вы говорили, — ответил Илле.

— Не дури! Если и понадобится — ты ночью не поедешь!

— Почему не поеду?

— Ты сегодня и так вдоволь померз.

— Нисколько я не мерз, — сказал Илле, потянувшись за ушанкой.

— Сказано тебе, не поедешь, — уже сердито сказала мать.

Из передней вышла Антонина Клементьевна.

— Что еще случилось? — удивленно посмотрела она на Иллю и Ульгу.

— Этот кочедык собрался ехать за доктором! — недовольно ответила Ульга.

— Правда? Ишь ты, какой шустрый...

— Вы же сами сказали, что нет лекарства. Говорили, что ребенок может умереть, — твердо сказал Илле. — Я пойду к конюхам, и сейчас же запряжем лошадь...

— И тогда, стало быть, поедешь? — сердито оборвала его мать.

— С кем-нибудь... — замигал Илле.

— Не выйдет! Никуда не поедешь! — еще строже сказала мать. — Слушай, что тебе говорят! Или уже забыл, что наказывал отец?

— Ничего не забыл... — пробурчал Илле.

— Тогда почему же не слушаешься? Заболеть хочешь? Сейчас же раздевайся!

Илле пронзающим взглядом посмотрел на мать и сердито сказал:

— Еще что выдумала? Заболею! Такие ребята, как я, па фронте в разведку ходят, «языков» приволакивают, мосты взрывают... Почитай-ка, что пишут о партизанах!

А ты боишься на лошади послать меня за каких-то восемь верст. Я что, не мужчина? К твоему сведению, я — пионер!

То, что Илле говорил так твердо, неуступчиво, еще больше удивило женщин. В то же время и порадовало их. Фельдшерица слегка кивнула головой Ульге.

— Ехать-то обязательно надо, — сказала она. — Пусть Илюш сбегает к конюхам, попросит запрячь лошадь. — И, обратившись к Илле, добавила: — Скажи, чтобы кто-нибудь из конюхов пришел сюда, а я приготовлю записку к доктору.

— Меня самого не отпустите? — настойчиво спросил Илле.

— Там видно будет. Ты сначала подводу пригоди.

Илле надел шапку и пинком открыл примерзшую дверь. В избу ворвался белый холодный пар.

— Все равно поеду! — послышался его голос из сеней.

— Хороший сын растет у тебя, — сказала Антонина Клементьевна, посмотрев на Ульгу. — Настоящим мужчиной будет!

— В отца, видать, пошел, — ответила ей Ульга.

Из передней опять послышался плач ребенка.

— Бредит, — сказала Антонина Клементьевна. — Очень боюсь за нее...

Достав из сумки листок бумаги, фельдшерица что-то быстро написала на нем.

НОЧЬЮ,
В БУРАН...

е прошло и полчаса, как к воротам подошла подвода. Звякнула защелка, послышались шаги на ступеньках крыльца, в избу вошли Илле и конюх Мархва, женщина лет тридцати пяти — оба с головы до ног в снегу.

— Ну, мы готовы, — сказал Илле, едва переступив порог.

— Ты все же хочешь ехать? — с беспокойством спросила мать.

— А ты меня все еще не хочешь отпустить? — с неко-

торой издевкой ответил ей сын. Тут же, не дожидаясь ответа матери, спросил фельдшерицу:

— Написали записку? Дайте сюда, положу ее подалее...

Антонина Клементьевна, как бы прося согласия Ульги, посмотрела на нее.

— Кому отдать записку-то?

— Пусть едет, если уж ему так хочется замерзнуть, — махнула рукой Ульга. И тут же подошла к сыну со словами: — Хоть чапан¹ сверху надень.

— Надену, а для доктора, пожалуй, тулуп надо взять, — ответил Илле.

— Он в амбаре висит, сходи, возьми!

Илле вышел, Мархва, как будто чего-то пугаясь, посмотрела на дверь и начала рассказывать Ульге:

— Ну и напугал нас твой сынок! Прямо душа в пятки ушла!

— Что еще натворил?

— Мы уже легли было отдыхать... Вдруг он, с грохотом растворив дверь, вбежал и сразу закричал: сейчас же запрягите лошадь! Чтоб в три минуты! Не в телегу, а в сани запрягите, на улице снег до колен! Да смотрите, не дровни, а сани с нахлесткой! Сам запыхался, не может даже дух перевести... Что случилось, спрашиваем, куда ехать? А он еще строже: вы еще спрашиваете? Во время войны много не разговаривают! Все же, говорим, скажи, мы, коли надо, не одну, хоть три лошади запряжем. Только тогда сказал.

— Значит, как начальник покрикивал? — усмехнулась Антонина Клементьевна.

— Какое тут! Как самый большой начальник, и рта раскрыть не давал!

Илле вошел с тулупом.

— Ну, поехали, что ли?

— За мной дело не станет, — сказала Мархва.

Ульга поверх шубы надела на сына чапан. Илле еще раз спросил фельдшерицу:

— Все ли, что нужно, написали? О лекарствах не забыли?

— Написала, все написала... Трогайтесь.

Ульга вышла проводить уезжавших. В лицо ударил холодный ветер со снегом. Во дворе ничего не было видно из-за метели.

¹ Ч а п а н — верхняя одежда, род накидки.

«Как они поедут в такую погоду? Заплутаются еще в дороге или свалятся в какой-нибудь овраг... Зачем я, дура, согласилась?» — с опаской подумала Ульга.

Но было уже поздно. Илле быстро побежал к воротам, развернул лошадь.

— Садись, тетя Мархва, скорее!

— Благополучно вам съездить, — только и успела сказать Ульга. — Смотрите, осторожнее там, в дороге!

Илле сильно стегнул лошадь, и они исчезли в бушующей мгле.

...Метель крутилась, как бешеная, окрест ничего не было видно. Однако умная лошадь твердо держалась дороги. Они проехали похожий на черную стену лес. Дальше дорога пошла по оврагу. В защищенном от ветра месте было спокойнее. Им показалось, что они попали в сарай — стало тихо и тепло. Только где-то высоко над головой, как будто злясь на кого-то, выл ветер. Он поднимал с поля снег и гнал куда-то в тартарары...

Затем они пересекли еще одно поле, переехали еще через один овраг и въехали в погрузившуюся в тяжелый сон темную деревню. Хоть бы один огонек светил где-нибудь! Хоть бы одна собака залаяла! Казалось, что все вымерло.

Миповав деревню, лошадь опять пошла рысью. Вскоре должно было быть шоссе, а оттуда не так уж далеко. Вдоль шоссе, вплоть до районного центра, тянутся телефонные столбы — и нарочно не заплутаешься.

Лошадь бежала ровно. Под полозьями саней скрипел снег. Иногда на мерзлых комьях, не покрытых еще снегом, сани подпрыгивали.

— Илле! — окликнула засыпанная снегом Мархва.

— Что?

— На шоссе мы еще не вышли?

— Видимо, еще нет.

— Уже должны бы выйти!

— Не беспокойся, сейчас доедем, — успокоил ее Илле. — Но-но! — крикнул он, погоняя лошадь.

Однако шоссе все не появлялось. Что за притча? Не по другой ли дороге повезла их лошадь? Может, вместо того, чтобы поехать в район, они направились совсем в другое место?

У Илли сжалось сердце. Он и в самом деле испугался, но Мархве ничего не сказал. Проехав еще немного, он остановил лошадь и, держась за оглоблю, прошел вперед.

— Что случилось? Не лошадь ли распряглась? — спросила задремавшая Мархва, почувствовав, что они стоят на одном месте.

— Ничего, — сказал Илле. — Я по своему делу.

Он напряженно, изо всех сил всматривался вдаль, хотел определить, куда, в какую сторону они ехали? Что впереди? Казалось, под ногами была дорога. Илле, сев на корточки, пощупал руками землю... Правильно, дорога, а слева и справа — озимые. И решил ехать дальше — дорога куда-нибудь выведет!

Мальчик снова сел в сани и погнал лошадь.

— Правильно ли едем-то? — спросила Мархва, немного погодя.

— Кажись, не совсем правильно. Похоже, едем по другой дороге, — признался Илле.

Мархва встрепелась.

— Как так по другой дороге? Куда?

— Кто знает... Может, назад... — не зная что ответить, ляпнул Илле.

— О, мать божия! — засуетилась Мархва. — Почему не следил! Пропадем ведь, провалимся в какую-нибудь шайтанову дыру! Ай-яй, и зачем я попадеюсь на тебя, почему не сама лошадью правила...

— Не бойся, не пропадешь! — рассердился Илле. — Коли так, сидела бы дома.

— Не только мне, и тебе в такую погоду нужно было дома сидеть! Ты во всем виноват, ты взбудоражил. И мать тебя не хотела отпускать!

— В таком случае слезай и дуй назад! — сказал сердито Илле. — Я и без тебя съезжу.

— Сам иди теперь! Чтобы волки загрызли, да? Вот еще...

— Коли так — не кричи!

Мархва замолчала.

Они почувствовали, что едут под гору. Ну, конечно же, ошиблись! Из Уйкассов до шоссе никаких оврагов не должно быть. Какой это все-таки овраг? Над оврагом мост. Перила высокие. После моста дорога разошлась на три стороны. По какой ехать? Лошадь сама повернула направо и пошла рысью. Что будет, то и будет, направо так направо. Не все ли равно? Только бы попасть в какую-нибудь деревню, а там уже дорога найдется.

Илле, не мигая, все время смотрел вперед. Чувствовалось, что метель утихала, ветер дул лишь временами.

Стало темного проясняться. Вдруг впереди показался свет. Мелькнул и опять пропал. Или это только казалось? Нет, нет, и правда, впереди что-то светилось.

— Видишь, что ли? — спросил Илле Мархву, которая все еще молчала после давешней перепалки. — Свет впереди, вона...

— Ничего не вижу, — пробормотала женщина недовольно.

— Значит, ты слепая, — отозвался Илле. — К деревне подъезжаем.

— Какая может быть деревня в этом бездонном овраге?

— А ты думаешь, все деревни, как козы, на гору лезут?

Огни показались еще в нескольких местах.

— Это Юманай. Гляди, на улице электрические фонари светят! — громко сказал Илле. — Они нынче гидростанцию построили.

— Значит, мы верст пять кругу дали, — сказала Мархва. — Из-за тебя!

Илле, притворившись, что не слышит, погонял лошадь. Минут через десять они и в самом деле въехали в деревню. На улице, в пяти-шести местах, на высоких столбах горели электрические лампочки. На их свету снежинки казались нежными белыми бабочками. Хорошо, когда есть электричество!

— Отсюда недалеко и до шоссе, — сказал Илле. — Я знаю... Надо только километра три проехать по лугам.

— Давно бы доехали, — опять недовольно подала голос Мархва.

Будто жалея полуночных путешественников, метель утихла. Побушевав, она устремилась в другое место. Вскоре из-за туч раза два показалась и луна. Настроение у Илли поднялось. Больше уже нечего было бояться. Он, думая о том, что скоро они доедут до больницы, посадят доктора и поедут обратно, думал и о том, как сейчас там, дома? Не стало ли больной девочке еще тяжелее?.. Не случилось ли самое страшное?..

Деревня с электричеством осталась позади. Дорога лугом шла ровная, без единой кочки. А что значит для хорошей лошади везти по такой дороге сани всего с двумя седоками?

— Быстрее, милая, нас дома ждут!..

Илле захотелось петь. Неожиданно на ум пришел ему мотив песни, которую часто пел его отец:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...

Да, раньше не было машин, как теперь, все перевозили на лошадях: и путешественников, и товары, и почту. Теперь везде машины ходят. Колхоз «Новое время» тоже прошлой весной приобрел грузовик, но его, когда началась война, угнали на фронт. Эх, война, война! И зачем только она началась?! — думал Илле... — А ведь как хорошо жили... Во всем эти чертовы фашисты виноваты, все муки, все страдания теперь из-за них. И мы с Мархвой тоже из-за них плутаем в ночи. Конечно, мы отомстим фашистам, за все рассчитаемся, но пока что приходится терпеть, ничего не поделаешь...

— Илле! Илле! — вдруг вскрикнула Мархва испуганно. — Посмотри-ка вон туда, посмотри!

— Что еще? — резко повернулся к ней Илле. — На что смотреть? Чего ты там увидела?

— Никак волк! — показала рукой назад женщина.

— Где?

— Вот же, не видишь, что ли? Бежит... за нами бежит! Волк, ей-богу, волк! Пропали!..

Илле взгляделся. И правда, за ними по дороге что-то мельтешило. Различить было невозможно — то ли человек, то ли собака, то ли... кто знает, может и вправду волк? Ночью что угодно может случиться...

— Гони, Илле, лошадь-то, быстрее гони! — подталкивала кулаком испуганная Мархва.

Однако вместо того, чтобы быстрее погнать лошадь, Илле вдруг натянул вожжи и с ходу остановил ее.

— Надо сначала узнать, что это?

— Ты с ума спятил! — закричала Мархва. — Он же разорвет нас, вместе с лошадью загрызет! — она попыталась отнять у Илли вожжи, но тот не дал.

— Погоди-ка ты, не ори! Кто знает, может, это человек? Может быть, он замерзает, ему помочь надо.

— Какой тут может быть человек? — затараторила Мархва. — Когда проезжали, ведь ничего же не видели! И не говори — волк это, волк проклятый! Наверно, только что выскочил из леса, увидел нас и... Гони, говорю, лошадь, шайтанов сын!

Илле больше ничего не сказал дрожавшей от страха Мархве. Обернувшись назад, громко закричал:

— Эге-ге-ге-гей! Э-эй! Кто ты?..

Его голос громко прозвенел над лугом, однако ответа

не последовало. В окрестности снова стало тихо. Преследователь не шевелился, стоял на одном месте, как чурбак.

— Эге-ей! — снова крикнул Илле.

Опять в ответ ни звука.

«Это не человек», — подумал Илле и, оробев, сильно стегнул лошадь по спине. Лошадь пошла вскачь...

Проехав немного, Мархва резко дернула Иллу за рукав.

— Смотри-ка, смотри! Опять гонится за нами! Сейчас догонит... Ой, боже, боже, пропали... Погибли!..

Она говорила правду. Хотя лошадь бежала довольно быстро, та непонятная и страшная тень не отставала. «Большой, с теленка будет, — поглядев через плечо назад, определил Илле. — Почему же он нас не догоняет? Мы остаемся, и он стоит. Видимо, правду говорят, что волк человека боится».

Илле резко придержал лошадь.

— Стой! Сейчас я его научу, как за нами гоняться!

Мархва хотела сказать что-то сердитое, хотела поругать Иллу: «Зачем он вместо того, чтобы шибче гнать лошадь, остановил ее?» Но не успела — Илле бросил ей вожжи:

— Держи крепче! — А сам, раздвинув солому на санях, вытащил какую-то длинную вещь, похожую на рычаг:

«Ой, ой! Он, кажется, хочет отправиться на драку с волком! — подумала Мархва, испугавшись еще пуще. — Глупый, пропадет ведь!»

Но в руках у Илли было ружье, настоящее ружье! Мархву это удивило и еще больше испугало. Мальчик быстро прицелился и выстрелил. Мархва заметила только то, как из дула ружья метнулось пламя. Испугавшись, лошадь вдруг понесла, и Мархва едва не выпала из саней.

— Держи крепче, успокой лошадь! — крикнул Илле. Но увидав, что Мархва не может остановить ее, снова взял вожжи в свои руки.

— Стой! Не бойся, урмах...¹

Сзади послышался громкий визг.

— Тьфу, чертова голова! — плюнул Илле сердито. — Собака! Кто велел ей в такую ночь пугать в поле людей? Сама виновата! А я думал — и вправду волк...

— Мог быть и волк, — сказала Мархва, немного придя в себя. — В такое время они даже стаями ходят... Где ты взял ружье?

— Отцовское, ночь ведь, — сказал Илле. — Осторожность никогда не мешает...

¹ Урмах — дурак, дурочка (чувашиск.).

Погода улучшилась. Ветер утих, стало не так холодно. Вскоре они выехали на шоссе и на дорогу, а затем въехали и в районный центр.

Илле подумал о том, как ему разговаривать с работниками больницы. Конечно, говорить надо настойчиво и убедительно, иначе не послушают! Будут упрячиться, дорога-то дальняя, ночью ехать темно, решат подождать утра и еще могут что-нибудь придумать...

Но дело сложилось совсем не так, как он предполагал. Как только они зашли в больницу, из двери одной из комнат вышел пожилой мужчина в белом халате и, подняв очки на морщинистый лоб, спросил:

— Вы из «Нового времени»?

— Оттуда.

Илле удивился: откуда он их узнал?

— Мы вас давно ждем,— добавил человек в халате.

— Дорога неважная и погода дурная, поэтому и не смогли быстро доехать,— попытался оправдаться Илле, взглянув на Мархву: смотри-де, о том, что сами плутали, не ляпни сдуру!

— Да, погода разыгралась сегодня,— согласился работник больницы.

— А вы разве знали о нашем приезде? — полюбопытствовал Илле.

— Нам об этом недавно сообщили по телефону. Ваша фельдшерица звонила, говорит, что у вас там эвакуированная девочка сильно заболела.

— Да, поэтому и приехали... Вот и письмо вам... — Илле достал записку Антонины Клементьевны.

Сотрудник больницы, надев очки, быстро прочитал ее и, ничего не сказав, сунул в карман халата.

— Мы за доктором,— продолжал Илле,— и лекарства Антонина Клементьевна просила прислать...

— Знаем, сынок, все знаем! — сказал мужчина. — Садитесь, погрейтесь немного.

— Нам бы побыстрее!

— Не торопись, успеете... — Человек в халате пошел по темноватому коридору, свернул в одну из комнат.

— Они не торопятся,— недовольно пробормотал Илле. — А там ребенок при смерти...

— Мы сами тоже виноваты,— заметила Мархва,— если бы не плутали, до сих пор обратно полдороги проехали бы.

Однако ждать им пришлось недолго. Человек в халате

вскоре вернулся, с ним вместе пришла и женщина, одетая в пальто с большим воротником, в подшитые валенки и закутанная в теплый платок. У нее в руках был небольшой желтый чемодан.

«Эта, видимо, поедет с нами», — подумал Илле и встал со скамейки.

— Ну, счастливо вам съездить, Виктория Ивановна, — сказал мужчина по-русски, когда они подошли к двери, и пожал женщине руку. Затем повернулся к Илле и Мархве, сказал по-чувашски:

— самого лучшего врача направляем к вам, она недавно прибыла из Ленинграда. Смотрите, осторожно ведите...

— Благодарим! — сказал Илле, обрадовавшись. — Не беспокойтесь, возить умеем!

Через несколько минут они выехали из райцентра, и резвая лошадь рысью пошла к дому. Было уже не так холодно, как давеча, и светло от висевшей на небе серповидной луны. Опасности снова заблудиться уже не было. Илле радовался — скоро они доедут домой, женщина-доктор начнет лечить больную Эльгу, не даст ей умереть...

ЗНАКОМСТВО

том, что Илле и Мархва в бешую метель, ночью, съездили в район за врачом для эвакуированной девочки, утром узнала вся деревня. Все об этом говорили с одобрением. Больше всего хвалили Иллю.

— Молодец, молодец мальчишка! Другой бы в такую погоду и на улицу побоялся выйти, а он — в такую даль!

— В дедушку пошел. Тот был таким же бесстрашным, — говорили пожилые. — Однажды за Волгой один на один медведя встретил и то не растерялся, топором его зарубил...

— Есть ли от доктора польза-то?

— Говорят, ребенок пошел на поправку, дышит легче...

— Доктор-то все время сидит у изголовья ребенка, наблюдает, старается вылечить.

— Хорошая, стало быть, приехала...

Услышав об этом, Аркаш сразу же побежал к своему другу. «Всю ночь проездил, сейчас еще спит, наверное, может быть, и в школу не пойдет. Интересно, почему он мне не сказал? Я бы тоже поехал с ним...» — думал Аркаш по дороге.

Илле и в самом деле спал на полатах, мать не разрешила его будить.

— Потом, потом зайдешь, на обратном пути из школы...

Все же Аркаш ушел не сразу. Просупув голову в приоткрытую дверь, он заглянул в переднюю. Там, на кровати, лежала больная девочка. У стола сидела русая молодая женщина в белом халате. Перед ней какие-то скляпки с лекарствами, бумага... Напротив сидела другая женщина с очень усталым лицом. Аркаш догадался: одна из них — врач, вторая — мать больной.

— Иди, иди! Смотри в школу опоздаешь, — сказала ему мать Илли еще раз.

— Поправляется, что ли, девочка? — спросил Аркаш.

— Вроде поправляется...

Перед уроками ребята разговаривали об этом же. Они успели узнать и о том, что Илле и Мархва ночью сбились с дороги, и о том, что пристрелили какую-то бродячую собаку.

— Ладно, еще волк не выскочил...

— А что особенного? Если бы и волк, Илле и его пристрелил бы! Не все ли равно! Хоть в собаку стреляй, хоть в волка...

— А если бы медведь?

— Зимой медведь не ходит, он лежит себе в лесу, в берлоге, лапу сосет.

С набитым ртом, громко чавкая, подошел Палля.

— А жаль, что с медведем не встретились, — прошамкал он, как-то нехорошо смеясь. — Медведь из них хорошую закуску сделал бы.

Все с недоумением посмотрели на него.

— Сысна¹ ты! У тебя все мысли только о закуске! — сказал Аркаш, рассердившись за своего друга. — Твоя мать день и ночь самогон гошит, а ты, видать, закуску готовишь. Как в кабаке. Попадетесь когда-нибудь, тогда будете знать!

— А ты видел? Поймал? — кинулся на него Палля.

— Поймают еще, не торопись!

¹ Свиныя (чувашск.).

— Я в суд на тебя подам за клевету!

— А вот это видал? — Аркаш показал ему кукиш. — На суд вам самим придется еще идти, не спеши!

Они наверняка схватились бы, но в класс вошла Рина Петровна. Когда ребята уселись, она оглядела всех и спросила:

— Кто отсутствует?

— Все пришли, только одного Рыбакова нет, — ответила ей девочка с красной повязкой на рукаве.

— Илле сегодня можно не приходить, — сказала Рина Петровна. — Знаете, что он сделал в эту ночь?

— Знаем! — сказали несколько ребят в один голос. — Доктора привез...

— Рыбаков доказал в эту ночь, что он — настоящий пионер. Ради спасения человека он совершил подвиг. Это для всех вас должно быть примером... Поняли?

— Поняли!

— Наши бойцы на фронте тоже поступают так же: когда их товарищи попадают в трудное положение, как бы ни было опасно — стараются им помочь, спасти их...

— А вот Палля жалеет, что Иллю медведь не задрал, — сказал сидевший у стены курносый Микон, чуть привстав.

Все посмотрели на него, потом на Паллю. Палля вдруг покраснел, как спелый помидор.

— Ты правду говоришь? — спросила учительница Микона.

— Это все слышали, — ответил он. — Из-за этого они с Аркашом чуть не подрались...

— Чернов! Что это значит? — сердито посмотрела на Паллю Рина Петровна.

— Я это просто так... в шутку сказал, — не вставая, надув толстые губы, пробормотал Палля.

— Встань! И расскажи правду.

Палля нехотя встал и, не смея смотреть в глаза Рине Петровне, отвернулся.

— Ну, почему молчишь?

— Я просто так... Аркаш сам ко мне пристал...

— Врет, врет! Аркаш ему ничего не сделал! — закричали ребята.

— Смотри, Чернов! Тебя уже не раз предупреждали, а ты никак не исправляешься, против всех идешь. Последний раз говорю!

Палля молча сел на свое место, но во время первой же перемены на дворе сбил Микона с ног и стал его дубасить.

У мальчика из носа брызнула кровь, он заплакал. Когда же ребята прибежали на выручку Микона, Палля, даже оставив свою сумку, убежал домой...

Узнав об этом, Гина Петровна изменилась в лице.

— Придется вызвать его мать и поговорить с ней, — сказала она.

После уроков Аркаш сразу же побежал к Илле. Тот уже доставал из колодца воду.

— Ну, как, выпался? — спросил Аркаш, подойдя к нему.

— Выпался, — ответил Илле. — Спалось так, как будто неделю не спал до этого.

— Как малышка? Доктор еще не уехала?

— Сказала, что опасность миновала, но сегодня еще не уедет. Они сейчас вместе с Антониной Клементьевной пошли проверять здоровье других эвакуированных детей. Районные будто так велели.

Аркаш рассказал своему другу о том, что сегодня произошло в школе.

— И правда, настоящий сысна этот Палля, — сказал Илле.

На крыльцо вышел эвакуированный мальчик Ян. Увидев ребят, он сразу остановился. Немного помолчав, сказал:

— Тэрэ... Страстуйте, — и кивнул головой.

— Здравствуй, — ответили ему друзья в один голос. — Иди сюда... — поманил его рукой Илле.

Ян подошел к ним. Он был в фуражке, тонком пиджаке и ботинках, Илле и Аркаш — в полушубках и валенках.

— Тебе не холодно? — спросил Аркаш, показывая на его ноги.

— Русски... нет, — покачал головой Ян. — Мина эй ооска вене кельт!¹

— Жаль, — заметил Аркаш. — Стало быть, обучать тебя придется.

— Ничего, — сказал Илле, — со временем научится не только по-русски, но и по-чувашски.

Во двор вышел дедушка Яна, старый Пауль. Он тоже подошел к ребятам и, приветливо поглядывая на всех, спросил:

— Познакомились?

— Познакомиться-то познакомились, а вот разговари-

¹ Я по-русски не знаю (эстонск.).

вать не можем,— сказал Илле.— Он по-русски не понимает...

— Да, пока не понимает,— сказал старик.— В наших школах ведь до прошлого года по-русски не учили, учили только по-немецки.

— Почему?

— Потому что тогда нашей страной управляли такие люди, которые хотели онемечить всех эстонцев. С прошлого года, когда установилась Советская власть, стали учить и русскому языку.

— Вы же сами где-то обучились русскому языку, очень хорошо говорите,— подчеркнул Аркаш.

— Я раньше в России жил,— сказал Пауль.— В Нижнем Новгороде. Пароходы строил в Сормове, потом в Петербурге на судостроительном заводе работал, а в войну четырнадцатого года служил в царской армии...

— И на войне были? — спросил Илле.

— Был, где только не побывал... И ранен был, и в плен попадал...— вздохнул Пауль.

— Я пойду домой,— заспешил Аркаш.— Будьте здоровы... Ты, Илле, потом зайди...

— Этот мальчик — твой друг? — спросил Пауль, когда Аркаш скрылся за воротами.— Хороший мальчик...

— Вместе учимся. У него тоже отец на войне, вместе с моим ушел... И мы всегда помогаем друг другу,— ответил Илле.

— О, помогать друг другу — это хорошо... Очень хорошо! Чего один не сумеешь, вдвоем всегда можно сделать.

— А группой еще лучше,— добавил Илле.

— И это правильно... Вы и нашего Яна в свою группу примите. Ему надо помочь научиться говорить по-русски.

— Конечно, поможем, если у него будет желание!

— Он очень хочет научиться, очень! — Старик, глядя на внука, что-то сказал ему на своем языке. Ян кивнул головой и пошел в сени. В это время в калитку вошла Рина Петровна. Увидев Пауля и Илле, она поздоровалась с ними.

Эстонец тоже поклонился ей.

— Доброго здоровья, девушка!

— Кто у вас дома? — спросила Иллю учительница.

— Все...

Девушка быстро взбежала на крыльцо, вошла в дом.

— А кто это? — тихо спросил Пауль.

Илле рассказал.

— Бойкая девушка, — одобрил Пауль. — Наверное, хорошо учит.

— Мы ее больше всех любим.

— Хорошо, хорошо...

Пауль вышел на улицу. Илле, взяв лопату, подобрал мерзлый мусор вокруг хлева, затем почистил метлой ноги и вошел в избу. Здесь он сразу же увидел сидевших за столом Марине и Юули. Они внимательно рассматривали рисунки в старом букваре. У Марине волосы были черны, как смоль, у Юули — светлые и мягкие, как пух цыпленка. Иллю они, видимо, не заметили. Марине, указывая пальцем, говорила:

— Вот это — стол. Вот это — стул. Это — книга... Это — бумага. Вот это — лубашка. Ботинки. Сапоги.

Илле, глядя на них, улыбнулся.

— Мы только еще поговорили о том, что их надо обучить языку, а наша Марине уже приступила к делу!

Затем подошел к ним и, посмеиваясь, спросил сестренку:

— Никак, ты учительницей стала? Сама придумала или мать велела?

Марине посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Она по-чувашски ничего не знает... А нам же надо лазговаливать друг с другом...

— Давай, учи, учи. Хорошо будет!

— И ты Яна учи, он ведь тоже ничего не знает, — посоветовала Марине.

— И я буду учить, погоди вот...

Илле направился в переднюю. Там сидела его мать, Рина Петровна, Антонина Клементьевна и Амалия. Больная девочка спала.

— Об этом мы сегодня уже говорили на педсовете, — сказала Рина Петровна, продолжая начатый ранее разговор. — Решили создать из эвакуированных детей отдельные группы, поэтому я сейчас хожу по домам и записываю...

— Как вы все же хотите обучать их, если они не знают ни чувашского, ни русского языка? — спросила Ульга.

— Найдем способ. Может быть, среди родителей есть образованные люди, их пригласим.

— У наших старик хорошо говорит по-русски. Он, пожалуй, может помочь...

— Это правильная мысль.

— Мы и своих ребят думаем побольше вовлечь в общение с вами. Пусть возьмут шефство. Это и для них самих будет полезно.

— Правильно, надо же как-то приспособливаться,— одобрила Ульга.— Война ведь неизвестно еще когда кончится, а ребятам без ученья жить нельзя!

Разговор Илле поправился. Люди только что приехали, еще не отдохнули как следует, а учителя уже заботятся, хотят учить их детей...

В избу вернулся старый Пауль, разговор на некоторое время оборвался. Когда старик, пройдя вперед, сел на лавку, Рина Петровна обратилась к нему:

— Мы говорим об обучении ваших детей...

— Это очень хорошо... Очень нужно! — сказал Пауль.

— Мне надо знать, кому сколько лет и в каких классах они учились до войны.— Учительница, достав тетрадь и карандаш, приготовилась писать.

Старик с радостью сказал:

— Яну исполнилось двенадцать, нынче должен был пойти в шестой класс, Юули — восемь, в прошлом году училась в первом классе.

— Как ваша фамилия?

— Кяккас.

— Удивительная фамилия. Никогда такой не слышала.

— Да... У русских таких нет.

Рина Петровна кончила записывать и положила тетрадь в карман.

— Вы знаете, мой старший брат тоже около года жил в Эстонии...— сказала она.

— Когда? — спросил старый эстонец.

— В тридцать девятом и сороковом годах, в воинской части, которая по договору была в Эстонии.

— Знаю, знаю. Они и в нашем городе были. Очень тепло у нас принимали советских солдат.

— Мой брат был около Вильянди...

— Это наш уездный город.

— Мой брат как раз там и был!

— Правда? — удивился Пауль.— До какого же времени он там находился?

— До осени сорокового, потом его оттуда направили в академию.

— Значит, он был офицером?

— Да, он лейтенант!

— У нас тоже тогда стоял на квартире один молодой

офицер и, кажется, чуваш. Вот только фамилию не могу теперь вспомнить, — сказал Пауль. — Имя тоже в памяти не осталось. Погоди-ка, не помнит ли Ян? Он очень дружил...

Старик тут же позвал Яна, что-то сказал ему по-эстонски.

— Ону Федя¹, — ответил мальчик и повторил: — Федя.

— Правильно, Федя, Федор! — обрадовался Пауль.

— А фамилия у него была не Молгачов ли? — взволнованно спросила Рина Петровна. Лицо ее вдруг сильно залилось краской.

— Да, Молгачов! Вспомнил... Молгачов.

— Это и был мой старший брат! — воскликнула Рина Петровна. — Мой родной брат, вот здорово!

— Не может быть! — хлопнул себя по бедрам Пауль.

— Почему не может быть? Погодите-ка, я сейчас принесу и покажу вам его фотокарточку... Тогда увидите! — Рина Петровна быстро накинула на себя пальто и, хлопнув дверью, выбежала на улицу.

Пауль перевел Амалии и Яну, о чем они только что говорили с учительницей. Они горячо, будто споря, заговорили по-эстонски. Ульга, Антонина Клементьевна и Илле тоже несказанно удивились случившемуся.

— Смотрите-ка, как в жизни бывает!..

— И в книге не прочтешь о таком!

— Да, просто невероятно.

Вскоре учительница прибежала обратно.

— Вот, поглядите, он? — Она выложила на стол фотоснимок. — Узнаете?

— Он, — сказал Пауль. — Лейтенант Молгачов.

— Ону Федя... — прошептал Ян, посмотрев на карточку.

— Тапсельт... Та элас меил...² — сказала Амалия, быстро-быстро мигая глазами от удивления.

— Это не все. Вы еще на это посмотрите... — Рина Петровна положила на стол другую фотографию. — Об этой я чуть не забыла. Узнаете? — она оглядела всех Киккасов. Те сначала словно воды в рот набрали, ничего не могли сказать, были до крайности удивлены.

Первой пришла в себя Амалия:

¹ Дядя Феда (эстонск.).

² Точно... Он жил у нас... (эстонск.).

— Юмал, Ильмар!¹ — как будто чего-то испугавшись, крикнула она. Затем быстро схватила карточку и стала целовать ее. — Ильмар!.. Мину армас, мину каллис!²

По ее лицу градом потекли слезы. Она тут же стала показывать фото своим детям:

— Паппи, паппи!³

На фотокарточке был заснят не только муж Амалии, но и другие: сама Амалия, Пауль и Ян с Юули. Вместе с ними стоит, приветливо улыбаясь, брат Рины Петровны, советский лейтенант Федор Молгачов...

— Откуда попала к вам эта фотография? — дрожащим от волнения голосом спросил старый Пауль.

— Как откуда? — удивилась Рина Петровна. — Мне ее сам брат прислал, на память...

— А-а, так, видимо, да... Однако у нас нет такой. У нас нет ни одной фотографии. Мы даже карточку Ильмара не успели захватить.

— Если так, этот снимок я могу оставить вам, — сказала Рина Петровна. — Мне она тоже очень дорога, но для вас, конечно, еще дороже...

— Спасибо вам, очень большое спасибо!.. Для нас это будет очень ценным подарком!

Когда старик перевел слова Рины Петровны на эстонский язык, глаза Амалии засияли от радости.

— О, добрый человек!

Она обняла впервые увиденную ею чувашскую девушку и несколько раз поцеловала в щеку.

...В ту ночь старый Пауль и его сноха долго не могли уснуть. То, что в этой далекой чувашской деревне, в двух тысячах километров от родной Эстонии, неожиданно, совсем неожиданно-негаданно нашлась фотография самого дорогого им человека, их очень обрадовало и взволновало.

— Теперь Ильмар будет жить как бы вместе с нами, мы теперь можем смотреть на него каждый день, — сказала Амалия. — Как хорошо!..

— И для детей это очень важно! — добавил Пауль. — Без фотографии они могли забыть и лицо своего отца...

¹ Боже, Ильмар!

² Мой любимый, мой дорогой!

³ Папа, папа!

— Откуда только появилась эта учительница! Спасибо ей!

— Не только ее, и других от всего сердца нам надо благодарить,— вздохнул старик.— Как они встретили нас... Другой и своего близкого так тепло не примет... А кто мы для них? Чуж-чужане! И языка, и обычаев их не знаем, да они и сами о нашем народе до сих пор почти не слышали.

— Чудесные люди...

— В Советской России порядок таков,— пояснил Пауль,— в ней все разноязычные народы живут дружно, помогают друг другу, как родные. Об этом мне и наш Ильмар не раз говорил...

— А что мы здесь будем делать? — спросила задремавшая было Амалия.

— Для здорового, имеющего руки-ноги человека работа всегда найдется. Завтра же пойду к колхозному начальнику. У них должны быть разные машины. Может быть, их отремонтировать надо... Может, и тебе найдут что-нибудь. Не работая, стыдно хлеб есть. Я так не могу...

Амалия уснула, а старый Пауль долго еще лежал, не закрывая глаз. Думать ему ничто не мешало. Кроме ритмичного тиканья стенных часов, в комнате не было ни звука. Больная внучка тоже спала спокойно — не стонала, не плакала, как в прошлые ночи.

Пауль Киккас был настоящим рабочим человеком. Его отец, рыбак, утонул в море во время сильного шторма, когда Пауль был еще мальчиком. С тех пор ему все время приходилось работать по найму у богатых хозяев. На своем веку он был и грузчиком, и рыбаком, и матросом, п заводским механиком, и кем попало. Ни один день у него не проходил без труда. Своих детей он тоже с малых лет приучал к работе. «Самим заработанный хлеб — самый вкусный», — повторял он всегда.

И сейчас, едва прибыв в деревню, старый Пауль стал думать о работе. «Надо поговорить и с другими эвакуированными, — решил он. — Пусть берутся за дело. Если тебя от души, от всего сердца приняли — и ты должен платить добром...»

Наутро, после завтрака, Пауль Киккас оделся и ушел из дому. Сначала он побывал в избах, где разместились эстонцы, поделился с ними своими мыслями, затем пошел в правление колхоза.

те дни председатель колхоза Назар Егорович совсем не знал покоя, хотя хлеб был уже убран, обмолот закончен, государству, что полагалось, — сдано. До войны в эту пору сельчане отдыхали, ходили друг к другу в гости, молодежь по вечерам собиралась в клубе, пела, плясала, смотрела кино, школьники готовили к октябрьским праздникам концерт или спектакль. Но осень 1941 года была совсем не такой.

Звонили все время из района: это надо сделать, то выполнить. Один за другим приезжали уполномоченные — быстрее, Назар Егорович, быстрее! Фронту нужно! Воины ждут!..

Назар Егорович четко выполнял все задания райопа. Для фронта колхоз отправил еще десять лошадей со сбруей и санями, на сани погрузили по десять пудов лучшего сена.

Чтобы все необходимое быстрее попадало на фронт, началось строительство асфальтированного шоссе от Казани до Горького. На эти работы колхоз направил на восьми подводах шестнадцать женщин. Для госпиталей требовалось птичье мясо — и оно вовремя было доставлено в город.

Немало хлопот было у председателя с эвакуированными. Надо было их кормить, обеспечивать топливом. К тому же у многих из них не было ни теплой одежды, ни обуви.

Из шести приехавших в колхоз семей три было эстонские, две — белорусские и одна — русская. Белорусские дети понимали по-русски, но эстонские не знали ни слова, а их надо было тоже как-то обучать. И Рина Петровна пошла к эстонцам, поселившимся у Рыбаковых.

«Старый эстонец русский язык знает, — думала учительница. — Хорошо бы его привлечь. Отказываться, наверное, не будет. В прошлый раз он показался мне очень душевным человеком...»

Она не ошиблась: Пауль Киккас не стал отказываться, он даже был доволен, узнав, с какой целью пришла к нему учительница.

— О, хорошо это, очень хорошо! — сказал он, потирая руки от удовольствия. — Вы их будете учить по-русски, а я буду пересказывать им на своем языке... Очень хорошо будет! Постепенно они и сами, без меня, научатся понимать вас.

О визите учительницы старик тут же рассказал спохе. У Амалии от радости засияли глаза, она, улыбаясь, закивала головой. Ее очень обрадовало, что дети начнут ходить в школу. Радовало ее и то, что Эльга заметно окрепла.

На другой день, после утренних уроков, всех эвакуированных детей собрали в школу. С учетом возраста и того, в каком классе они обучались в прошлом году у себя дома, Рипа Петровна создала две группы.

— Начнем учиться, ребята! — сказала она.

«РАЙКОВОМСКАЯ ДЕВУШКА» ПРИШЛА

ня за три до октябрьских праздников к школе подошла девушка в поношенном кожаном пиджаке и сером шерстяном платке. Вышедшие на перемену ребята сразу окружили ее: кто она? Однако никто из них не решался спросить об этом. Некоторые вежливо поздоровались. И девушка бойко ответила на их приветствия, затем щепочкой соскоблела приставшую к резиновым сапогам грязь, поправила выбившиеся из-под платка светло-каштановые волосы и медленно поднялась по ступенькам крыльца.

— Где у вас тут учительская? — спросила она ребят.

— В конце коридора, направо! — наперебой ответили они.

Девушка зашла в указанную комнату. Остановившись у двери, поприветствовала отдохавших во время перемены учителей и сказала:

— Я хотела бы видеть директора.

— Директора, к сожалению, нет. Болеет. Вместо него могу я погворить с вами, — сказала Рипа Петровна, вставая из-за стола.

Пришедшая подошла к ней, подала руку:

— Кулюкова Нина... Из райкома комсомола.

— Я вас знаю. Недавно на совещании по вопросу о помощи фронту мы с вами вместе сидели в президиуме. Не помните?

— Помню... Я и сейчас по этому же делу.

В коридоре зазвенел звонок, послышалась торопливая беготня детей, стук открываемых и закрываемых дверей. Вскоре учителя ушли на урок, Рина Петровна и девушка из райкома остались в комнате вдвоем.

— Центральный Комитет комсомола принял постановление, — сказала Кулюкова, доставая из кармана бумагу. — Восьмого ноября провести Всесоюзный воскресник по сбору металлолома. Очень нужное дело, надо провести его организованно...

— Металлолома мы нынче и так не мало собрали, у колхозной конюшни воза три лежат, — сообщила Рина Петровна.

— Мало это, очень мало! Надо собрать как можно больше. Сейчас ведь дорог каждый килограмм!

— Это мы знаем...

— А как обстоит у вас дело со сбором теплых вещей для фронта?

— Мы порядочно сдали носков, варежек, суконных портянок, кожи. Только на прошлой неделе председатель колхоза отвез в район два мешка.

— Еще надо собрать. Зима наступает, скоро ударит морозы.

В ходе разговора Рина Петровна не сводила глаз с Нины. Она ей казалась очень печальной и бледной. На районном совещании она такой не была... Там она горячо говорила о том, как должны помогать фронту все оставшиеся дома; карие глаза ее блестели, лицо было румяным. «Что же с ней приключилось? Устала или заболела?»

Кулюкова говорила спокойно:

— Семьям фронтовиков надо повседневно помогать. Особую заботу надо проявлять об эвакуированных. Столько мучений они перепесли, через семьдесят семь смертей прошли. Пусть немного поживут спокойно, потом включатся и в колхозную работу. Обо всем этом надо сегодня поговорить с ребятами.

— Со всеми? Или только со старшими? — спросила Рина Петровна.

— Соберем всех. Теперь и малыши хорошо понимают, что такое война.

— Это верно...

Рина Петровна задумалась и перед ее глазами сразу возник образ брата...

Долго беседовали девушки. Затем Рина Петровна посмотрела на часы и встала.

— Это у нас последний урок, — сказала она. — Пойду по классам, предупрежу, чтобы ребята не расходились.

Рина Петровна вышла. Кулюкова, чтобы не сидеть без дела, взяла лежавшую на столе газету и сразу же пробежала глазами сообщение Совинформбюро:

«2 ноября весь день наши войска вели ожесточенные бои с противником под Можайском, Мало-Ярославцем, Волоколамском, Тулой...»

Девушка вздохнула и отложила газету. Наши опять отступили. Несколько дней назад эти города не упоминались. До каких пор так будет продолжаться? Ведь к Москве подходят... Дальше и отступать-то некуда!

Зазвенел звонок, послышался стук дверей, топот ног, в комнату вернулась Рина Петровна.

— Через пять минут все ребята соберутся в большом классе, будут и учителя, — сообщила она.

— Благодарю, — кивнула головой Кулюкова.

— Зачем «благодарю»? Это не только ваше, но и наше дело.

Рина Петровна открыла собрание и предоставила слово Кулюковой. Она сказала:

— Дорогие ребята, юные друзья! Седьмого ноября исполняется двадцать четыре года с того дня, когда в нашей стране свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, когда трудящиеся, победив помещиков и капиталистов, взяли власть в свои руки, когда начали строить свободную и счастливую жизнь.

Сидевшая за столом Рина Петровна внимательно посмотрела на нее. Кулюкова за эти несколько минут неузнаваемо изменилась. Как и в прошлый раз, когда она выступала в районе, ее глаза ярко заблестели, худощавое лицо раскраснелось.

— Двадцать четыре года свободный советский народ работал, не зная усталости, каждый день приносил нам все новую и новую радость... Но на нашу страну внезапно, по-разбойничьи, напали фашисты. Они нас, свободных советских людей, хотят сделать своими рабами...

«Райкомовская девушка» раскалялась все больше. Она говорила о том, какие страшные преступления творят фашисты на нашей временно оккупированной территории,

об уничтожении ими тысяч мирных жителей, о разрушении и сожжении сотен городов и деревень, о том, что какие бы зверства они ни творили, им не победить нас, потому что на борьбу с врагом поднялся весь народ...

Кулюкова на момент остановилась, перевела дух и снова заговорила:

— Вы нынче много и хорошо поработали на уборке хлеба, помогли убрать картофель и овощи, участвовали и в молотье, многие из мальчиков работали и на севе озимых... За это вас надо только хвалить. Однако успокаиваться на этом нельзя, ребята. Фронту нужно очень многое. Прежде всего, для фронта надо оружие — танки, самолеты, пулеметы, пушки; для них, в свою очередь, требуется очень много снарядов и патронов... Вы сами знаете, из чего они делаются. Для этого нужен металл — железо, сталь, медь. Очень много нужно! Можем ли мы их найти?

— Можем! — громко отозвался кто-то из задних рядов.

Все обернулись. Это выкрикнул Аркаш. При рассказе о зверствах врага у него закипело все нутро. Вот он и не вытерпел...

— А другие как думают? — спросила Кулюкова.

— Думаем так же! — слышались голоса.

— Если так, ребята, надо приступить к делу сейчас же. Восьмого ноября пионеры и школьники всего Советского Союза проводят воскресник по сбору металлолома. Вам тоже надо включиться в него.

— Поработаем! — снова крикнул кто-то.

— Постараемся!..

На собрании договорились и о других неотложных делах: собирать для фронта теплые вещи, девочкам поручили вязать варежки, решили взять шефство над эвакуированными детьми, помогать им в учебе.

— Хорошие у вас ребята, — сказала Кулюкова, когда они после собрания пришли к Рине Петровне на квартиру. — С ними много полезного можно сделать, надо только умело направлять их...

— Ты ведь сама сказала, что сейчас и малыши понимают, что такое война, — тепло посмотрела на нее Рина Петровна.

— Конечно же, понимают, — с горечью ответила Кулюкова. — Однако в тысячу раз было бы лучше, если бы они не знали о войне, никогда не слышали бы о ней!

— Это верно... но что поделаешь? Нам сейчас остается только объяснять ребятам, с кем и за что надо бороться.

Рина Петровна затопила железную печку, согрела ужи. Кулюкова села за стол, облокотилась на него и глубоко задумалась. Ее лицо опять стало грустным, глаза — печальными. Заметив эту перемену, Рина Петровна тихо спросила:

— Нина, у тебя голова болит?

— Нет,— ответила та.

— Что-то выглядишь ты не совсем здоровой... Сейчас вот поедим немного и ляжем отдохнуть.

— Нет, это не от усталости...— вздохнула Кулюкова.— Горе у меня, Рина, очень большое горе! Как камень давит на сердце...

— А что случилось?

— Третьего дня... похоронную получили, отец погиб!— девушка зарыдала.— Погиб... Больше уж мы его никогда... не увидим... никогда!

Рина Петровна не знала, что и делать.

— Не сердись на меня, Рина,— наплакавшись, сказала Кулюкова, вытирая платком покрасневшие глаза.— Испортила я тебе настроение своими слезами... Такого со мной еще не бывало. Это я сегодня нервы распустила.

— Ну, что ты говоришь?— возразила Рина Петровна.— За что сердиться-то? Я тоже иногда так расплачусь... плачу, пока вся подушка не станет мокрой...

— А ты из-за чего?

— От брата уже больше четырех месяцев нет писем. Где он и что с ним — не знаю.

Девушки помолчали. Сидеть молча, когда человека давит горе, еще труднее. Поэтому Кулюкова, попивая из стакана горячий чай, медленно стала рассказывать:

— Мы никогда не жили легко. Семья большая: кроме меня, у нас еще шестеро, мал мала меньше, а работников — один отец. У матери голова кругом шла от домашних забот. Кроме того, года три назад она стала прихварывать. Дышать ей тяжело. Доктора говорят — астма. Хотя и трудно было, родители все равно старались меня учить. Больше всего — отец. Умный он был человек, на селе его уважали. Несколько раз избирали в правление колхоза. После седьмого класса я сама решила оставить учебу, чтобы помогать родителям. В среднюю школу ходила за семь верст, зимой приходилось снимать квартиру, а за нее надо было платить. Когда отец узнал о моем намерении, сильно отругал меня: «О том, чтобы перестать учиться, и думать не смей,— заявил он.— Тебе не только

среднюю школу, но и институт еще надо окончить!» Он всегда досадовал, что самому не пришлось учиться. Видимо, поэтому и решил любой ценой дать мне образование...

Девушка снова вытерла глаза.

— И правда, в прошлом году я окончила десятый класс с хорошими отметками, осенью поступила в пединститут, на стипендию меня зачислили... Этим успехам, пожалуй, больше меня радовался отец. Как тепло и ласково смотрел он на меня, когда я приезжала домой! И в самом деле, дочь бывшего «оборванца Якова», как его когда-то звали в деревне, с малых лет ходившего в пастухах, батрачившего у богачей, учиться в институте!.. Но радость наша длилась недолго. Как только началась война, отца отправили на фронт. Провожая его, мать горько причитала: «Что мне теперь делать с маленькими детьми? Как мне их вырастить, если с тобой что случится? Как вывести в люди?..» Отец пытался уговорить ее, успокоить, но и сам не сдержал слез. Уходя со двора, отвел меня в сторону и сказал: «Вся надежда теперь на тебя, дочка...» Я ему ничего не сумела ответить, захлебнулась слезами... Последние слова отца и сейчас звучат у меня в ушах. Об институте больше нечего было и думать. Чтобы хоть немного зарабатывать, поступила контролером в сберкасса, но оттуда меня взяли в райком комсомола для работы среди пионеров и школьников. Сейчас, как видишь, «разъезжаю»... Конечно, на своих двоих, нынче здесь, завтра там, как в песне поется.

— Ты делаешь очень нужное дело, Нина,— поддержала ее Рина Петровна.— Взять хотя бы сегодняшний день: как ты хорошо говорила с ребятами! Не каждому это удается.

...Назавтра, чуть только забрезжил рассвет, Кулюкова поднялась.

— Мне сегодня пужно побывать еще в двух школах,— сказала она.

— По этому же делу? — спросила Рина Петровна.

— Да.

— Если будет возможность, приходи к нам почаще...

— Спасибо за добрый прием, за угощение, за ночлег,— смущенно улыбнулась Кулюкова, пожимая руку учительницы.

Распрощавшись, она сбежала с крыльца, подняла воротник куртки, сунула руки в карманы и, съевив плечи, пошла по улице навстречу холодному ветру. Рине

Петровне стало как-то жаль ее, но в то же время девушка из райкома вызвала чувство уважения.

— У самой такое большое горе, а она другим дух поднимает, говорит с людьми, призывает к борьбе с врагом...

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Вечером пакапуне великого праздника, как и в другие годы, жители деревни собрались в клубе. Больше всего они шли туда за тем, чтобы подробнее узнать о положении дел на фронтах. Докладчиком был работник военпого комиссариата — фронтовик, вернувшийся с войны после тяжелого ранения.

Многое из того, о чем он говорил, жители деревни уже знали из газет. Но его рассказы еще больше вселяли в сердца слушателей надежду: коварный враг все равно будет разбит! Поскольку он сам был на войне, ему пелья было не верить. Особенно радовали сельчан отдельные факты, показывающие, как героически сражаются с фашистами советские солдаты и офицеры.

...Вот на наши траншеи падвигаются вражеские танки, грохоча гусеницами, разрушая, смешивая с землей все на своем пути, стреляют из пушек, поливают огнем из пулеметов. Кажется, что перед ними никто не устоит. Однако наши солдаты дают им возможность подойти поближе, а затем обрушивают на них огопь из замаскированных пушек. Смотришь, один танк, другой — загораются. Некоторые все же устремляются вперед и прорываются к траншеям, но там под их гусеницы летят связки гранат, бутылки с горючей жидкостью и тут же жаркое пламя охватывает грозные машины. Танковая атака захлебывается, уцелевшие удирают, но их накрывает артиллерия...

...Одной роте было приказано во что бы то ни стало задержать врага, пока полк не переправится через большую реку. Фашисты неоднократно бросались в атаку и все же, хотя их было в несколько раз больше, не сумели подойти к занятой нами траншее. Этог страшный бой

длился целый день. Перед траншеей все больше и больше росла гора вражеских трупов. Гибли люди и в нашей роте. Наконец остался всего один пулеметчик. Хотя он трижды был ранен, все равно не покидал позиции. Как только фашисты поднимали головы, он косил их из пулемета. Так он уничтожил более ста человек. Затем кончились патроны... Пулемет замолчал, фашистские головорезы выскочили и с дикими криками устремились вперед, но пулеметчик подполз к ящику с гранатами и стал их швырять во врагов. Бросил более пятидесяти штук... Ни один фашист не дошел до траншеи. Кинув последнюю гранату, он совсем выбился из сил. Качаясь, еле передвигая ноги, пошел к реке. Достигнув берега, камнем скатился с крутого склона к воде. Как раз в это время от берега уходила наша последняя лодка. Сидевшие в ней люди заметили солдата и забрали с собой на другой берег...

Внимательно, не пропуская ни одного слова, слушали сельчане рассказы командира. У многих женщин по щекам текли слезы, там и тут слышались всхлипывания. Но больше всего взволновал их следующий рассказ докладчика...

— Против фашистов борется весь наш народ, — сказал он, — с лютым врагом сражаются даже старики и дети. Кто как может, так и мстит врагу. Вот, к примеру, что произошло в деревне Каменка Смоленской области... Фашисты, ворвавшись в эту деревню, стали грабить, резать последнюю скотину колхозников. Выявляли семьи сельских активистов, коммунистов и комсомольцев, партизан... Обходя дома, нещадно избивали и допрашивали людей. Никто, конечно, им ничего не сказал. Однажды, темной ночью, немцы задержали двух молодых партизан — они приходили на разведку. Оба были из этой же деревни. И все же, когда утром этих парней, избитых до полусмерти, выставили перед жителями деревни и спросили: «Кто они такие? Знаете ли вы их?» — ни один человек не признался. Обоих партизан тут же, посреди улицы, повесили... Затем фашистские офицеры, должно быть от радости, что удалось уничтожить двух партизан, стали гулять. Их было более десяти человек. К вечеру они все перепились и заснули. Тогда хозяйка дома, женщина лет шестидесяти, вышла во двор, позвала в избу закочевевшего часового, указала на стол:

— Они нажрались, теперь и ты выпей!

Часовой не знал по-русски, но, увидев, что на столе

много вина и закуски, понял, что говорила ему старушка. Он набросился на выпивку и жратву... А старуха выскользнула из избы, покрепче подперла дверь снаружи, взяла заранее заготовленную посудину с бензином, облила со всех сторон и подожгла. Дом сразу же запылал... Ни офицеры, ни часовой не спаслись — все сгорели. Чтобы отомстить врагу, простая русская крестьянка не пожалела своей избы!

Докладчик на миг остановился, оглядел сидящих в клубе.

— Так сражаются, так борются советские люди с ненавистным врагом, вторгшимся на нашу землю. Кто же сумеет нас победить? Кто сможет сделать нас рабами? Никто! Никогда!..

Сидевшая во втором ряду женщина встала и громко спросила:

— Сама, сама-то спаслась ли?

— Кто?

— Да та старушка, что сожгла немцев?

— Ее переправили к партизанам, но когда немцы стали допытываться о ней, сказали, что и она сгорела вместе со своим домом.

Женщина облегченно вздохнула, вытерла глаза платком и уселась на свое место.

После доклада состоялся небольшой концерт школьников. Из-за недостатка времени Рина Петровна не смогла разучить с детьми новые стихи и песни, выступали больше всего с тем, что подготовили к Первому мая, но все остались очень довольны...

ЧЕРТОВА ШТУКА

осьмого ноября воскресник начался с утра.

В деревне три улицы и еще «односторонка», протянувшаяся по другой стороне глубокого оврага: В шутку ребята называют ее то «Камчаткой», то «Сахалином». В школе семь классов, как раз на каждый класс пришлось по одной стороне улицы. Руководить младшими выделили старше-

классников. Они должны были заходить в дома, спрашивать хозяев, нет ли у них негодных металлических вещей, помогать погрузить лом на санки.

Чего только не отыскивали ребята за день! Старые серпы, косы, битые котлы, ненужные сошники, дырявые ведра и даже ржавые плуги. За клубом образовалась огромная куча. Ребята работали старательно. Лица у всех раскраснелись, возбужденно блестели глаза.

Было в тот день и смешное.

Увидев, что куча разнообразного ржавого металла все растет, Назар Егорович, бросив свои дела, вышел на улицу. Старику захотелось теплым словом подбодрить детей.

— Маттур, маттур, ачасем!¹ — сказал он. — Смотри-ка, сколько добра натаскали! Никогда бы не подумал, что в деревне найдется столько богатства.

— Хватит ли этого на танк? — спросил веснушчатый мальчик, утирая нос концом рукава.

— Для танка, может, не хватит, но пушка — получится! — ласково похлопал его по спине председатель. — Ой-ой-ой! Чего тут только нет! — Затем, указывая на изогнутую трубу, с некоторым удивлением спросил: — А это что за вещь?

К нему подошел измазанный сажей Аркаш и хитро улыбнулся:

— Знаете, наверное...

Назар Егорович, конечно, знал, что это за труба, много он видел таких на своем веку: это была часть самогонного аппарата. Правда, с начала войны, в особенности в последнее время, в деревне не замечалось, чтобы кто-нибудь гнал самогон, поэтому-то находка его заставила призадуматься.

— Откуда вы притащили эту чертову штуку? — спросил он, пнув трубу ногой. — Она к тому же и не старая, нигде и ржавчины нет, видимо, недавно изготовлена...

— Я ее нашел в одном огороде, — тихонько сказал Аркаш.

— В чем? Кто это у нас занимается таким поганым делом?

Аркаш только было раскрыл рот, чтобы рассказать председателю всю правду, как вдруг увидел спешившую к ним Рыжую Мари, мать Палли. Пестрый платок ее сполз на шею, свалывшиеся волосы казались помелом, вынутым из огня.

¹ Молодцы, молодцы, ребята! (чувашск.).

— Шайтановы дети! И почему их никакая холера не берет, почему у них руки и ноги не отсохнут! — слышалась ее ругань. — Только узнаю, кто это безобразничал, ей-богу, шею сверну!..

— Кого это ты так шибко проклинаешь? — спросил Назар Егорович, когда Мари поравнялась с ним. О том, что самогонный аппарат принадлежал ей, он догадался еще раньше.

— Ограбили меня! — зло сказала Мари, едва переводя дух.

— Что украли-то? Неужели нашелся такой человек, который смог тебя ограбить? — притворился удивленным старый председатель.

— То-то, что нашелся! — еще громче закричала Мари. — Большой котел, два ведра, железный половник и медный чайник украли!

— Где же они у тебя были? Не на улице же валялись?

— Все было в предбаннике, а сейчас посмотрела — ничего нет, какой-то дьявол все забрал!

— Экая штука... — Назар Егорович почесал редкую бородку, косясь на Аркаша. — Кто же это мог сделать? Удивительно... Неужели и в нашей деревне завелись воры?

Аркаш сразу понял, почему председатель посмотрел на него, он спрашивал: «Не вы ли учудили это?» Аркаш отрицательно покачал головой: «Нет, мы ничего такого не трогали...»

— Они, они ограбили меня, больше никому! — Мари вдруг замахнулась на Аркаша. — Видела я его, ребят водил из дома в дом, все выискивали что-то. Ы-ых, я тебя! Змеиное отродье!..

Аркаш отпрянул назад.

— Не трогал я ваших вещей, и в глаза не видел!

— Не ври, каторжник! Ты, ты украд! — опять пакинулась на него Мари. — Скажи лучше, куда сунул мои вещи, не то сейчас уши надеру!

Назар Егорович удержал ее за рукав. Но Мари не успокоилась, завизжала еще громче.

— Вор, вор! Каторжное отродье, у тебя и дедушка умер в Сибири, и ты в тюрьме сгниешь!

— Моего дедушку в Сибирь сослали не за воровство, а за то, что был против царя! — выкрикнул Аркаш.

На шум стал собираться народ.

— Что случилось? Почему ругаются?..

— Сейчас же верни мои вещи! Милиции сообщу, под суд отдам! — настаивала Мари.— Слишком рано на чужое стал зариться, негодный. Я тебя научу!..— выхватив из кучи железный прут, она замахнулась на Аркаша.

Назар Егорович резким движением вырвал из рук Мари прут и, далеко откинув его, сказал:

— Перестань, закрой свой говорильник! Не клевети на ребят, тебе все равно никто не поверит!..

— Как не поверит?! — оскалив зубы, уперев руки в бедра, набросилась на него Мари.— Почему не поверит?

— Потому что у тебя никакого котла и никаких ведер не пропадало, зря языком болтаешь, честных детей оговариваешь!

— Как не пропадало? Откуда ты знаешь, что не пропало? Ты приходил смотреть, искал? Да? — не сдавалась Мари.

— И так, по твоим глазам вижу — чепуху мелешь, — оборвал ее председатель.— Никто не трогал твоей посуды. Ты сюда пришла только потому, что у тебя пропало вот это,— больше ничего! — Он быстро поклонился и достал из кучи железа кривую трубу самогонного аппарата.— Твоя? Совершенно новая, только изготовлена! Где приобрела?

Мари сразу замолчала. Будто кость в ее горле застряла.

— Ну, что молчишь? — Председатель обернулся к Аркашу: — Скажи-ка, где вы нашли это?

— В ее огороде,— ответил Аркаш.— За баней, под вишней лежала...

— Стало быть, ты и сейчас гонишь самогон? — Назар Егорович сделал два шага по направлению к Мари.— Люди последнее от себя отрывают, все отдают для фронта, а ты, стало быть, решила наживаться на самогоне?

— Не гоню я ничего! — надула губы Мари.— И эта трубка не моя.

— Значит, кто-то подбросил эту чертову штуковину в твой огород? Может, опять какой-нибудь вор?

— Не знаю! Не видела, не слышала. И не приставайте ко мне!

— Мы не пристаем. Мы вот сейчас составим акт и отправим куда следует. Самогонщиков по головке не гладят. Особенно сейчас. И о том, что ты оскорбляешь ребят, старающихся для фронта, тоже в акте укажем, за это тебе еще добавят. Пойдем-ка в правление.

Рыжая Мари совсем не думала, что дело обернется таким образом, испугалась.

— Ты что... Зачем, Назар Егорович? Не шути так, — сказала она, быстро-быстро мигая глазами. Голос ее сразу же смягчился.

— Я не парень на игрищах! — сердито посмотрел на нее председатель. — Шутить с тобой не собираюсь. Шагай, говорят тебе, сейчас акт составим!

— Ай-ай, да что же это, я ведь ничего такого не сказала? Если за каждое слово писать бумагу, как тогда жить-то будем? погоди ты... Ведь не чужой человек...

— С такими, как ты, потерявшими честь и совесть, по-другому нельзя! — Председатель направился к правлению колхоза. Мари тоже сделала за ним несколько шагов. Затем вдруг резко остановилась и, махнув рукой, кинулась назад. Ребята и стоявшие вблизи женщины громко засмеялись. Назар Егорович обернулся и, увидев, как удирали Мари, тоже закатился смехом.

Аркаш, засунув в рот пальцы, оглушительно свистнул. Мари на момент обернулась назад и споткнулась. Это еще больше рассмешило людей...

БОЛЬШАЯ ПОБЕДА

один из вечеров Ульга накормила ужином всех домочадцев и каждый занялся своим делом. Старый Пауль, бывший более месяца «помощником учителя», занимался со своими внуками и проверял, как они читают и пишут по-русски, поругивал их за ошибки. Амалия из ниток, которые спряли школьницы, вязала варежки, — это она умела очень хорошо. Илле, усевшись у печки, чинил валенки Марине, как это делал до войны отец. Маленькие — Эльга и Марине — тоже были заняты: одевали на лавке кукол. Ульга, разложив на столе бумаги, постукивала костяшками счетов — подсчитывала трудодни членов своей бригады.

На улице бушевала метель. Вишни в палисаднике гну-

лись от сильного ветра и голыми ветками стучали в окна, в трубе выл ветер, но в избе было тепло и уютно. Все работали молча, только слышалось, как Марине поучала Эльгу:

— Не так, не так, говолю! Эту куклу оденем в длугой салафан! Ах, глупая ты девочка, ничего не понимаешь...

Стрелка часов приближалась к десяти. Неожиданно послышался стук калитки, а потом звон дверной защелки в сенях.

— Кому это еще не спится? — удивилась Ульга, услышав чьи-то шаги.

В избу вошла Рина Петровна.

— Добрый вечер! — сказала она звонко. Вся она была в снегу. — Ну и метет же сегодня!..

— Пожалуйста, Рина Петровна, проходи! — Ульга собрала в одно место разложенные на столе бумаги. — Не боишься, что тебя буран унесет?

— Чего бояться-то, тетя Ульга? — учительница одним рывком сняла с головы мокрую от снега шаль. — По правде говоря, в эту ночь даже сквозь буран я готова пройти сто верст! А если бы у меня были крылья, взлетела бы в небо и зацела так, чтобы весь мир слышал!

Она разделась, повесила на гвоздь пальто, подседа к Ульге. Ее глаза сияли. Такой радостной Ульга не видела ее с самого начала войны.

— Что случилось? — спросила она. — Не письмо ли от брата получила?

— То-то, что получила, получила, тетя Ульга! Вот оно, вот!.. — Рина Петровна достала из кармана жакета фиолетовый конверт. — Жив мой братик, жив! Много перенес, очень много, однако жив!..

— Коли так, тебе действительно и без крыльев взлететь можно! — обрадовалась Ульга.

Услышав этот разговор, из передней выскочил Илле.

— Жив-здоров, значит? Я же вам говорил... Наверное, в партизанах был? Покажите-ка письмо... — протянул он руку.

— Погоди, не спеши, — ответила Рина Петровна, доставая из другого кармана газету. — Сначала я вам прочту что-то другое, это будет еще радостнее!

Учительница прижала газету к сердцу, блестящими глазами посмотрела на Ульгу, потом на Илле и сказала:

— Победа!

— Какая победа? Где? — вскинулась Ульга, почувст-

вовав всем сердцем, что услышит добрую весть.— Говори, пожалуйста, скорее, не тяни!..

— Наши под Москвой немцев разгромили. Фашисты бегут от Москвы, как зайцы...

— Правда? — вцепилась в руку Рины Петровны Ульга.— Значит... приходит долгожданное!

— Приходит, приходит, тетя Ульга! Вот слушайте, слушайте, что сообщает Совинформбюро. Это сегодняшняя газета, только сейчас принесли...— Рина Петровна развернула газету и, сделав глубокий вдох, начала читать...

Услышав необычно веселый разговор Рины Петровны и торопливое чтение газеты, старый Пауль тоже вышел к ним. Хотя он и не знал чувашского языка, но сразу же догадался: учительница читает что-то радостное...

— Что, хорошие известия? — спросил он тихо.

— Да, да, хорошие, очень хорошие, Пауль Оскарович, прямо замечательные! — сказала Рина Петровна, прервав чтение.

— Что за новости? — Он подошел поближе.

— Немцев под Москвой в пух и прах разбили, части Красной Армии освободили много городов и населенных пунктов, наступление наших войск продолжается...

— О! Вот это действительно хорошие новости! — хлопнул в ладоши Пауль.— Я давно знал, что так будет, все время верил... надеялся! Теперь они будут уходить отсюда, как когда-то Наполеон...— Старик сказал Амалии о том, что услышал. Амалия тут же бросила вязанье, тоже вышла ко всем.

Рина Петровна читала по-чувашски и тут же переводила на русский язык.

Все слушали, затаив дыхание.

— Ну, что скажете? — Рина Петровна кончила читать и сложила газету вчетверо.— Сильно? Сколько одних танков, пушек и минометов уничтожили! Сколько своих молодчиков не досчитается оголтелый фюрер!

— Что и говорить, что и говорить! — закивала головой Ульга.— Здорово!.. Настроение у всех теперь сразу поднимется. А то ведь, чего там скрывать, и нытики стали появляться, дескать, на войну все отправляем, а немец к нам приближается... Теперь и на нашу улицу приходит праздник. Головы выше держать будем!

Рина Петровна обернулась к старику и, смеясь, добавила:

— Гитлер хотел седьмого ноября в Москве парад своих

войск провести. Не вышло: парад-то наши войска провели. Теперь он, поди, волосы на себе рвет!

— Гитлер — сумасшедший человек, — сказал эстонец. — Он не знает русского солдата. А русский солдат всегда побеждал. И Гитлеру шею свернут. Теперешний разгром немцев под Москвой будет началом нашей победы — вот увидите!

У всех сон как рукой спяло. Они еще долго сидели и громко разговаривали. Рина Петровна прочла письмо брата. Его весточка обрадовала и Иллю с матерью, и Пауля с Амалней, и Яна — ведь для них лейтенант Федор Молгачев был тоже близким человеком. Он, как оказалось, в первый же месяц войны попал в окружение. Стараясь выйти из него, несколько сот километров прошел пешком, скрывался в лесах, однако ни на миг не прекращал битву с врагом. Не сумев перейти через линию фронта, соединился с партизанами, там командовал ротой, в одном из последних боев был ранен, на самолете вывезен на Большую землю и отправлен в саратовский госпиталь. О том, куда и как ранен, он не написал, только просил: «Не беспокойся, через месяц-два опять встану в строй». Напоследок пошутил: «Придет время, я еще спляшу на твоей свадьбе, сестренка!»

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

азгромив немцев под Москвой, наши стали гнать их назад, на запад, освободили много городов, сотни населенных пунктов, ранее занятых врагом. Наступление продолжалось...

От одного к другому переходила эта весть, поднимавшая дух. В правлении все время толкался народ, всем хотелось узнать новости. Виталий переписал сообщение Совинформбюро большими буквами в виде плаката и вывесил на улице: читайте, родные, радуйтесь!..

До той поры желающих читать свежие газеты было не очень много: вечером, бывало, придут в клуб пять-шесть человек и, не находя в газетах особенно нового, не задер-

живаясь, уходили. А после радостного известия стали приходить целыми группами.

— Свежие газеты принесли? Есть ли новости?

— Есть, есть...

— Какие города еще освободили? Много ли трофеев? Сколько самолетов сбили?

— Да читайте же, читайте, ведь вы же все грамотные люди!

Такие разговоры в клубе происходили часто.

А в газетах почти каждый день появлялись хорошие вести.

Рина Петровна неузнаваемо изменилась, это заметили все. Лицо ее округлилось и порозовело, походка стала бодрее, на уроках и в разговоре с колхозницами учительница часто улыбалась. Она ни минуты не сидела без дела, после основных уроков обучала детей эвакуированных, по вечерам проводила репетиции концерта.

...До Нового года времени оставалось немного, поэтому со всеми делами приходилось поторапливаться. Старый учитель Ананий Яковлевич достал из запыленного футляра скрипку, которую он давно уже не брал в руки, настроил ее и разучил с ребятами несколько новых песен. Амалия Киккас наделала из цветной бумаги красивых цветов, птиц, лис и зайцев, сшила костюмы для Деда-Мороза и Снегурочки.

Пауль Оскарович тоже не оставался в стороне. Считая теперь себя учителем, он почти не выходил из школы. За два дня до Нового года привез из лесу статную зеленую елку и установил в большом классе. В тот же день Амалия и Рина Петровна принялись украшать ее...

Однажды Рина Петровна увидела удивительную вещь. В большом классе Ананий Яковлевич разучивал с ребятами песню. Сначала проигрывал мелодию на скрипке, затем заставлял пропеть песню хором. Один раз, второй, третий... Песня получалась. Старый учитель положил скрипку на стол и сказал: «Отдохнем немного, ребята». Усевшись на табуретку, он стал скручивать сигарку.

— Ну, как идут дела? — спросила Рина Петровна.

— Хорошо! — ответили несколько ребят одновременно.

— Ребята молодцы, изо всех сил стараются, — сказал Ананий Яковлевич. — Если еще две-три песни разучим, у нас будет богатый концерт...

Вдруг послышался тихий голос скрипки. Ананий Яковлевич и Рина Петровна сразу обернулись в ту сторону, от-

куда слышалась музыка. Лежавшая на столе скрипка оказалась в руках Яна Киккаса. Он тихонько трогал смычком ее струны. Учителя молча переглянулись. Ян, видимо, почувствовал, что на него смотрят, и, как провинившийся, покраснел.

— Вииюль¹... я... можно? — показывая на скрипку, тихо спросил он.

— А ты разве умеешь? — спросил Ананий Яковлевич и подошел к нему. — Может быть, ты учился играть на скрипке? Или хочешь учиться?

— Та, та... — закивал головой Ян.

— Ну что ж, возьми, попробуй! Не стесняйся!

Ян прижал скрипку подбородком к левому плечу, правой рукой взял смычок. Все смотрели на него с некоторым сомнением: неужели и правда он умеет играть? А Ян положил смычок на струны, проверил настрой и заиграл красивую, похожую на плясовую, мелодию.

Ученики притихли. Поиграв минуты две, Ян остановился и хотел положить скрипку обратно на стол, но Ананий Яковлевич остановил его, взял за руку:

— Погоди, сынок, погоди. А ты еще что-нибудь можешь сыграть? Сыграй! — Боясь, что мальчик не поймет его, он поднял скрипку к его подбородку. — Смелей, смелей!

Ян Киккас исполнил еще одну мелодию.

— Молодец, мальчик! — похлопал его по спине Ананий Яковлевич. Мелодии, исполненные Яном, ему действительно понравились. Это были эстонские народные мотивы, а народная музыка всегда трогает сердце.

Рина Петровна решила в программу новогоднего вечера включить песни, стихи и танцы разных народов, устроить концерт дружбы. Эту мысль одобрили Ананий Яковлевич и другие учителя. На другой же день, выйив, кто из эвакуированных детей с какими песнями, стихами и плясками может выступить, велели им получше подготовиться.

В канун Нового года в углу большого класса школы стояла высокая — до потолка — зеленая елка. Она была нарядно украшена.

Ребята сидели на сколоченных из длинных досок скамейках (парты вынесли в коридор). Из-за елки появился Дед-Мороз с большой-большой белой бородой, в длинной одежде и пышной шапке. Немного приотстав от Деда-Мороза, шла Снегурочка, одетая в белый сарафан, в белую

¹ В и ю л ь — скрипка (эстонск.).

шубку. Из-под ее желтой шапочки с розовым верхом спускались светло-русые косы, на всем ее наряде сверкали разноцветные светящиеся блестки...

Дед-Мороз оглядел ребят, погладил бороду, стукнул об пол большой суковатой палкой, поднял руку и, поворачиваясь из стороны в сторону, заговорил параспев:

— Дорогие мои друзья! Мои славные девчонки и мальчишки, от всего сердца поздравляю вас с Новым годом, желаю вам добра и счастья. Крепко всех вас обнимаю и шлю всем горячий привет! Новогодний салам!

Все захлопали в ладоши и тут же зашептались друг с другом:

— Кто это?

— Кто Дед-Мороз-то?

— Да ведь это же заведующий клубом, Виталий! Видишь, слегка хромает?

— А Снегурочка кто?

— Улюк, из пятого класса!

Дед-Мороз говорил недолго, он лишь наказал хорошо учиться, усердно работать и дома, и в колхозе, жить в дружбе, быть храбрыми, как солдаты на войне, все время помнить о них и повседневно помогать фронту.

Ребятам поправилась его речь. Когда же он напоследок, стуча своей палицей, несколько раз поклонился ребятам, те бурно и долго аплодировали.

Затем начался концерт.

Хор, построившийся на малюсенькой сцене, запел:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!..

Эта песня родилась в тот день, когда фашисты вероломно напали на нашу Родину. Эту песню пели все — и солдаты, и оставшиеся дома. Ее слова и мелодия точно отражали, насколько сильно ненавидел врага наш народ, готовность советских людей до последней капли крови бороться за свое счастье и победить.

Хор исполнил еще несколько песен, после чего на сцену вышла Рина Петровна.

— Сейчас послушаем стихи,— сказала она.— Их прочтет наш ученик шестого класса...

Не успела она закончить, как на сцену выскочил Аркаш и быстро посмотрел по сторонам. Ребята дружно засмеялись, потому что это произошло слишком неожиданно. К тому же Аркаш на школьных вечерах всегда выступал с юмористическими вещами, читал басни, шутливые рассказы, и все его встречали радушно.

— Гитлеру нужна территория длиной в два метра, шириной — в метр! — сразу же начал Аркаш звонким голосом.— Стихотворение народного поэта Чувашии Николая Шелеби.

Фашист — это зверь
Разъяренный и дикий.
Фашизм — это рабство
И злая чума...

Аркаш читал, широко размахивая руками, строя смешные мипы; где нужно, он зло выкрикивал, притопывал ногами, менял голос. Хлопали ему долго и бурно.

— Еще, еще что-нибудь прочти! — кричали с мест. Ребятам никак не хотелось отпускать Аркаша со сцены.— Басни расскажи, ба-асни-и!..

Аркаш не заставил себя ждать: он заранее подготовил еще «номер» — выучил басню Крылова «Волк на псарне». И ее он продекламировал мастерски.

— В нашей школе сейчас учатся дети разных народов,— сказала Рина Петровна, выйдя на сцену после Аркаша,— эстонцы, белорусы... Наши новые друзья знают много своих песен и стихов. Вот сейчас белорусский мальчик Петрусь Дорожка на своем родном языке прочтет стихотворение Янки Купалы «Пионер».

Из первого ряда, не торопясь, взошел на сцену гладко остриженный мальчик лет четырнадцати в белой рубашке с вышитым воротником. Он оглядел сидевших в классе, набрал в легкие воздуха и начал:

Пионер я малады, хоць куды!..

Ребята хотя и не совсем поняли слова стихотворения, но хлопали горячо, а когда Рина Петровна перевела содержание стихотворения на чувашский язык, класс зашумел еще сильнее.

Рина Петровна объявила новый номер:

— Сейчас Ян и Юули Киккас по-эстонски споют песню о елке.

На сцену вышли белоголовые мальчик и девочка. Глаза у них были как васильки. Мальчик держал скрипку, в руках у девочки — алый бумажный цветок.

— Какие милые дети — не наглядисься!

— Девчушка как бабочка на лугу... — приветливо зашептали женщины, пришедшие на вечер со своими детьми.

Ян посмотрел на сестру и, кивнув ей головой, заиграл. Полилась красивая, мягкая мелодия... Юули запела:

Ох, ыулулуу, ох, ыулулуу,
Куй армад он су оксад!
Са касвад каугел пыхьямаал,
Я хальендад веел хилья хаал...¹

Песня была длинная, девочка пела ее долго, но слушать ее было приятно. Голос девочки звенел, словно колокольчик.

Затем опять выступал хор, ребята декламировали стихи, плясали. Было очень весело. А когда Дед-Мороз и Снегурочка вручили каждому школьнику новогодние подарки, ребята от радости готовы были петь и прыгать до утра.

— Большое спасибо вам, порадовали сегодня детей, — благодарили учителей матери и бабушки.

Домой Рина Петровна вернулась только после полуночи. Хотя за день она очень устала, спать ей почему-то не хотелось. Перекусив на скорую руку, она села за письмо к брату. Больше всего она писала о том, как она работает с ребятами в школе, о трудностях и радостях учительской судьбы.

«Жалею я нынешних ребят, очень жалею, чего только не переживают они из-за этой проклятой войны!.. Мне хочется каждый день чем-нибудь да порадовать их, поднять их настроение...»

Вложив письмо в конверт, она посмотрела на висевший на стене портрет брата. Затем вскочила со стула и подошла к нему вплотную. Не фотографию, а словно живого человека видела она перед собой. В какой-то момент ей показалось, что брат мягко, едва заметно улыбнулся и будто сказал:

¹ Ах, елочка, ах елочка,
Как красива хвоя твоя!
Ты растешь на дальнем севере,
Все равно ты всегда зелена...

— Что, сестренка, устала? Ложись, отдохни! У тебя и завтра будет много забот... Доброй ночи!

— И тебе доброй ночи...— прошептала учительница. Затем улеглась в постель, укрылась с головой толстым одеялом и заснула спокойным, как у ребенка, сном.

В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

осле Нового года жизнь в деревне потекла однообразно. В колхозе особо спешных работ не было, но и без дела люди не сидели. Большая группа женщин и девушек находилась на строительстве дороги Казань — Горький, другая группа отправилась куда-то под Шумерлю на заготовку дров для железной дороги (тогда многие поезды ходили на древесном топливе), некоторые, как только выпал санный путь, стали возить сено из-за Волги. Вместе со взрослыми за сеном ездили и ребята, которые постарше. Во время зимних каникул за Волгой побывали и Илле с Аркашом. Вернулись оттуда очень довольные...

Зимний лес имеет изумительно своеобразную красоту! Мощные дубы, устремившиеся в небо, прямые, как свечи, сосны, раскинувшие свои ветви подобно крыльям птицы, собирающейся взлететь, ели... Заснеженные, они словно покрыты белым пухом. Даже голые деревья под инеем кажутся разукрашенными мелкими ажурными узорами. Кругом тишина, нигде не услышишь ни одного голоса, птицы не щебечут как летом, но жизнь в лесу не замирает...

Когда подводы остановились у стогов сена, сложенных на краю большой поляны, приехавший с ребятами бригадир Сар-Тимухха прошел чуть подалее и вдруг злобно закричал:

— Ай, фашист проклятый! Вот где другой Гитлер! Смотрите-ка, что натворил дьявол такой!..

Ребята удивились: что там увидел Тимухха, кого это он так крепко ругает? Не встретил ли за стогами злого человека?

Они подбежали по глубокому снегу к тому месту, где,

ругаясь, стоял их бригадир, и остолбенели. Снег у плетня, сделанного вокруг стога, был сильно притоптан, будто кто-то плясал на нем. На снегу кровь... Много крови... Она даже не успела вся уйти в снег, тут и там застыла алыми лужицами.

Ребята испугались. Что за кровь? Что могло случиться?

— Смотрите, что он здесь натворил, шайтан! — Сар-Тимухха взмахом руки указал на лежащую на снегу голову какого-то животного, на обглоданные кровавые кости. — Погубил такую живую душу!..

— Кто же это? Корова, что ли? — спросил Илле.

— Лось это! — сказал Тимухха. — Лось!! Какой красавец!

— Кто же его загрыз? Медведь?

— Медведь лежит в берлоге. Это волчья работа.

— Самого бы его из ружья!..

— Так бы и надо, да ведь охотники сейчас все на войне. Вот и расплодилось волчье племя. Ничего не боятся. Говорят, на днях один среди бела дня ворвался на Хурын-варскую ферму.

— И не изловили его?

— Кто изловит? Обнаглел... Ушел в лес только тогда, когда колхозницы с вилами и топорами кинулись на него.

Сар-Тимухха поднял голову лося и, поворачивая с боку на бок, осмотрел ее.

— Молодого сбил, дьявол... Смотрите, у него и рога только еще начали прорастать.

— Да! Жаль... — печально вздохнул Аркаш.

Они еще немного поговорили у останков лося и вернулись к подводам.

— Ну, давайте грузить! — распорядился Тимухха.

Часа через три отправились домой. Как и тогда, когда ехали в лес, впереди был Сар-Тимухха.

Погода в тот день выдалась хорошая, ветра не было, с ясного синего неба все время светило солнышко. Снег покрылся серебринками, радовал, хоть и утомляя, глаза.

Следуя за возом бригадира, Илле, сидевший на сене, все время смотрел вокруг. Он никак не мог забыть погибшего лося, все время думал о нем. Как мучился, наверное, бедный перед смертью! Мальчик мысленно представил всю картину. Вот между стволами деревьев, проваливаясь по самое брюхо в снег, пробирается молодой красавец лось... Ничего не подозревает, ничего не чувствует, тихо шагая, откусывает молодые ветки деревьев. И вдруг из-за

кустов выходит волк... Он сразу подбегает к животному, кидается ему на шею. Испуганный лось изо всех сил устремляется вперед, сбрасывает на землю волка, однако бежать быстро по глубокому снегу не может, и серый вскоре вновь настигает его, впивается в грудь. На белый, как молоко, снег брызнула горячая кровь. Лось уже не в силах бежать, волк валит его и начинает рвать. Собрав последние силы, перепуганное животное пытается встать на ноги, но зверь опять впивается в его горло. Будто зовя к себе на помощь, лось издает страшный рев и замертво падает на снег...

Может быть, это было совсем иначе, однако Илле представлялось именно так. Подумать жутко!..

Мысли Илле оборвались неожиданным криком Сар-Тимуххи.

— Эхе-хе-ей! Смотрите-ка, смотрите, как бежит! — показал кнутом направо бригадир.

Илле посмотрел в ту сторону и сразу же увидел, как через широкую поляну мчался бело-серый заяц.

— Э-эх, нет ружья! — крикнул Тимухха, обернувшись к Илле. — Надо было тебе захватить отцову «пушку», вечером покушали бы жареной зайчатины.

— Да ведь у него же хвост короткий, — крикнул Аркаш, ехавший за Иллей, — не поймаешь!

Пока они толковали, заяц скрылся в кустах.

Перед выездом на берег Волги, совсем близко, за деревьями, послышалась стрельба из ружей.

«В того зайца, видимо, стреляют, — подумал Илле. — Но почему так много залпов? Неужели в одного зайца надо столько бухать?»

Возы потихоньку, один за другим, спустились с берега Волги на лед, на котором тренировались в стрельбе недавно мобилизованные солдаты. На льду были выставлены маленькие красные флажки, чтобы не приближались посторонние, под крутым берегом стояли мишени в виде вырезанных из фанеры фашистов. Лежа за снежной насыпью, человек десять одновременно вели огонь по мишеням, затем клали винтовки и бежали проверять результаты стрельбы. Когда они возвращались, начинали стрелять другие...

— Чуешь, что они делают? — громко спросил Илле Аркаша.

— Догадываюсь! — ответил тот. — Учатся в гитлеров стрелять.

— Вот бы и нам пострелять из настоящих винтовок!

— Сказал тоже! Кто нам их даст?

— А ребята, которые ходят в партизанах, стреляют...

— Они-то стреляют! А мы тут только играть в партизаны можем. С палками вместо винтовок!

— Да, это верно...

Возы, медленно продвигаясь, приблизились к правому берегу, но ребята все еще смотрели в ту сторону, откуда слышалась пальба, где виднелись, как маленькие точки, бегавшие взад и вперед люди. Мальчишки очень любят оружие! В военное время еще пуще им хотелось взять в руки «настоящее ружье». И на военных людей, особенно на тех, что побывали на фронте, они смотрели с особой любовью и уважением. Для фронтовика они готовы сделать что угодно — пусть бы только попросил...

Подводы с сеном возвратились домой только к закату. Днем, когда светило солнце, было не так холодно, но к вечеру похолодало, поднялся ветер, и сидевшие на возах ребята сильно продрогли. Подъехав к расположенной на лугу ферме, они сдали лошадей конюхам и поспешили домой.

— Приходи завтра, на лыжах покатаемся, — сказал Илле, расставаясь с другом.

— В какое время?

— Утром, как управимся с домашними делами.

— Ладно!

Но Аркаш не дождался утра. Через час он снова был у Илли.

— Знаешь, новость! — сказал он. — Солдат с фронта пришел. Бежим смотреть!

— Какой солдат? — обрадовался Илле.

— Настоящий фронтовик. Только он не из нашей деревни, — ответил Аркаш. — Хыркасинский дядя Палли, говорят, вернулся с войны и пришел к ним повидаться.

— Дядя Палли? Младший брат Рыжей Мари, что ли? — с некоторым удивлением спросил Илле. — Да ведь он, кажись, в тюрьме? Помнишь, как-то говорили, что его за воровство...

— Видимо, слух был напрасным. Говорят, ранен в левую руку. Стало быть, на войне был. Пойдем, посмотрим. Может быть, он расскажет, как с немцами сражался... Интересно же послушать человека, побывавшего на войне!

Илле ответил ему не сразу, задумался. По правде сказать, ему не хотелось идти в дом Черновых, не хотелось встречаться с Рыжей Мари и ее сыном. Впрочем, Паллю недолго любили все ребята в классе. Никто не дружил с

ним, кроме Кольки — сына продавца, такого же озорника, как и он.

В народе, говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Рыжая Мария сама — настоящий леший, женщина без стыда и совести. В деревне едва ли был хоть один человек, кого бы она чем-нибудь не обидела, кому бы чем-нибудь не досадила. На колхозные работы ходила только для виду, и то больше болтала, чем трудилась. Если ей делали замечание — тут же начинала ругаться. А осенью, когда убирали картофель, она два мешка клубней закинула в свой огород. Это увидели люди и сообщили бригадиру Рыбаковой. Та побежала к ней, заставила вернуть мешки, составила акт и передала в правление. Мари оштрафовали. Чего только она не наговорила потом матери Илли, как только не проклинала ее! Одним словом — несносная женщина. Илле, встречаясь с ней на улице, нарочно притворялся, что не замечает ее, проходил мимо. Как же можно было идти к ним?

— Да ну, пошли! — настаивал Аркаш.

— Нет, я не могу туда идти, сходи один, — все отказывался Илле.

— Вот еще! Разве тебе не интересно послушать о войне?

— Мне не хочетсяшний раз видеть мать Палли, да и его самого.

— Э, нашел о чем думать! — взмахнул рукой Аркаш. — На что они тебе нужны? Ты смотри на того солдата, его слушай! Пойдем, пойдем, одевайся скорее...

Аркаш настойчив, если задумал что-нибудь — его не отговоришь.

— Ладно уж, только ради тебя пойду, — сказал Илле после некоторого раздумья. — Но сидеть там долго не будем.

— Посмотрим! Если будет не интересно, сразу же уйдем, нас ведь никто удерживать не станет, — согласился Аркаш...

Изда Черновых — «на той стороне», за оврагом, разделяющим деревню на две половины. Чтобы попасть к ним летом, надо обходить овраг, а зимой можно пройти через пруд по тропинке.

С берега пруд кажется продолговатым ковшем. Летом в нем копошатся гуси и утки, звенят голоса купающихся ребят, слышится безжалостный стук вальков, которыми женщины отбеливают белье. Но и зимой там тоже шумно. С утра до вечера толпятся ребяташки. Они слетают с кру-

тых берегов оврага на санках, на ледянках, а то и просто... сядут на снег и катятся как попало.

В тот раз на пруду также было много ребят. Одни мчались вниз, другие тащили свои санки и ледянки обратно в гору, которая была гладкой, как стекло. Подниматься было трудно, скользко. Ребята падали и, не успев встать, скатывались обратно вниз. Хохотали, брыкались, кричали:

— Эй-э-эй, посторошись, затопчу-у!..

Илле и Аркаш спускались, осторожно ставя ноги поперец тропинки.

Вдруг на горе, чуть повыше их, закричала какая-то женщина.

— Ай!.. А-ай!..

В тот же момент мимо них промчались санки с двумя мальчишками, а на обледенелом снегу распласталась женщина, от которой, подпрыгивая и звеня, катились два пустых ведра.

— Кого-то с ног сбили! Пойдем, поможем! Может, у нее голова треснула! — быстро сказал Илле и помчался обратно в гору.

— Это опи ее санями сбили! — взмахом руки указал Аркаш. — Надо поймать их, узнать — кто?

Женщина, видимо, сильно ударилась головой и потеряла сознание, она лежала ничком и не двигалась. Ребята осторожно перевернули ее на спину.

— Да ведь это бабушка Маюк! — узнал Илле пострадавшую. Он тут же попытался поднять ее. — Бабушка, вставай, вставай! Давай, мы тебя домой проводим...

Женщина не ответила. Только тихо застонала.

— Илле, — сказал Аркаш, глядя вниз, на пруд, — я сейчас тех негодяев поймаю! Хулиганы сбили с ног старуху и даже не идут посмотреть, что с ней!

— Наверное, они уже убежали, — предположил Илле, слегка тормоша женщину за плечо. — Бабуся, очнись, пойдем домой...

— Не сбежали еще, я их вижу, вои поднимаются на ту сторону. О том, что натворили, и не думают! Надо их проучить хорошенько...

— А ты сбегай, узнай, кто опи, — посоветовал Илле. — Только в драку не лезь, возвращайся быстрее, надо будет ее проводить домой.

— Я мигом!

Аркаш побежал догонять виновников, а Илле остался возле упавшей, стараясь привести ее в чувство.

«Так нельзя, если она долго пролежит на снегу, может и простудиться,— думал мальчик.— Зря я отпустил Аркаша, вдвоем, пожалуй, мы смогли бы довести ее до дому».

Он встал, огляделся вокруг. Невдалеке поднимались в гору, таща за собой санки, две девочки. Окликнул их:

— Эй, скворушки, подойдите быстрее сюда!

— Зачем? — отозвалась одна из них.

— Здесь человеку плохо, надо кого-нибудь позвать на помощь.

Девочки тут же подбежали к нему.

— Кто это? Что случилось? — стали спрашивать они. Но Илле не дал им много разговаривать.

— Бабушка Маюк упала и потеряла сознание, ее надо доставить домой, но я один не могу поднять. Скажите побыстрее кому-нибудь — пусть прибегут сюда! Быстрее! — торопил он девочек.

— Ладно! — сказали те в один голос.

— Летите!

Девочки скрылись. В то же время, запыхавшись, вернулся и Аркаш.

— Ну как? Лучше не стало? — спросил он, мотнув головой в сторону старушки.

— Нет еще. Послал за людьми. А ты как... догнал? Узпал их?

— Как не узнать! Вот и санки их забрал! — Аркаш, сбив шапку на затылок, вытер лоб.

— Кто же они?

— Колька Герасимов с младшим братом.

— Опять Колька?! Только на той неделе ему попало за то, что разбил окно у Васюхи. Значит, все еще не угомонился?

— Угомонишь их с Паллей!

— А что они говорят?

— Что они скажут? Отпираются! Говорят, никого не видали и не слышали... Когда я сказал, что они врут, что я сам видел, как они сбили с ног тетушку Маюк, Колька мне нахально ответил: «У тебя глаза слишком далеко видят, их тебе надо прикрыть». Ну... тогда я не вытерпел и дал ему раза два по затылку.

— Стало быть, не обошлось без драки? — упрекнул его Илле.— А я ведь просил тебя...

— Да как же тут вытерпишь? — резко оборвал его Аркаш.— Он сбил с ног старуху, да еще и меня пугать взду-

мал! Что же, после этого я должен был обнять и поцеловать его, да?

На этом разговор друзей оборвался, потому что наверху, на горе, показались две тени.

— Илле,— послышался сверху женский голос. — Ты, что ли, нас позвал?

— Я,— ответил мальчик.

— Что случилось-то?

— Спускайтесь сюда скорее, сами увидите...

Женщины — матери тех девочек — увидев, что старушка Маюк лежит без сознания, испугались.

— Дышит хоть она? Есть ли пульс? — торопливо спросила одна из них.

— Кажется, дышит,— ответил Илле.— Надо ее быстрее унести и позвать фельдшера.

Вчетвером они отнесли Маюк домой.

Жила она одна-одинешенька. Два сына ее были на войне, сноха вместе с другими колхозниками уехала под Шумерлю на лесозаготовки.

Когда старушку уложили в постель, Аркаш побежал за фельдшерницей, а Илле — за ведрами старушки, оставшимися в овраге.

— Ты уж заодно и воды принеси. Она теперь сама не сможет ходить,— наказала ему одна из жещиц.

— Знаю! — ответил Илле.

Когда он вернулся с полными ведрами, Антопина Клементьевна уже сидела у постели Маюк.

— От сильного удара у нее, возможно, получилось сотрясение мозга, поэтому так долго не приходит в себя,— заключила фельдшерница.— Придется сейчас же отправить в больницу, дома мы ничем помочь не сможем. Надо сказать Назару Егоровичу, пусть велит запрячь лошадь.

В это время председатель колхоза сам пришел к Маюк, узнав о ее беде. Перекинувшись с Антониной Клементьевной двумя-тремя словами, он быстро ушел обратно.

— Я сам ее отвезу в больницу,— сказал он.— Мне завтра все равно надо быть на совещании.

Вслед за ним ушли и ребята.

— Пойдем, что ли, туда? — спросил Аркаш.— Посмотрим на солдата?

— Да уж и не знаю как... — не сразу ответил Илле.

— Раз решили — сходим. Дома теперь все равно делать нечего.

— В таком случае пошли...

ебята шли не через пруд, как вначале, а по переулку, в обход оврага. Шли молча, слышался только скрип снега под их валенками... На улице было светло, как днем, — поднявшись над высокими ветлами, полная луна лила зеленоватый свет на деревню. Снег на избах, на деревьях, в огородах сверкал серебристыми блестками; хорошо был заметен на светлом небе и темный дым, клубившийся из некоторых труб...

Красиво! Но Илле не смотрел по сторонам. Он думал о том, что произошло на его глазах.

— Все же тебе не надо было Кольку трогать, — сказал он Аркашу. — Колька, конечно, виноват, но теперь и тебя можно обвинить за его избивание.

— Не избивал я его, — покачал головой Аркаш.

— Сказал же, что дал по затылку.

— Это для того, чтобы он малость поумнел.

— Он тебе тоже, наверное, сдачи дал?

— Еще что? Разве я позволю ему себя бить? Он сразу же слезу пустил, сказал: «Маме пожалуюсь!» — и удрал домой. А младший, хотя я его не трогал, тоже завизжал, как поросенок. И санки свои бросили...

Слова друга несколько не успокоили Иллю. Он огорченно сказал:

— Они, конечно, уже пожаловались своей матери, а та пойдет теперь звонить по всей деревне. К тому, что было, она прибавит и то, чего не было. Зачем это нам нужно?

— Пусть прибавляет! Я никого не сбивал так, как ее сынки, — пробормотал Аркаш.

— О Кольке обязательно будем говорить и в школе, и на пионерском сборе, так ему это не пройдет. Еще неизвестно, что станет с тетушкой Маяюк...

— И говорить-то не надо, — взять да выгнать его из школы вместе с Паллей! — сердито сказал Аркаш.

— И тебя вместе с ним, что ли?

— Меня-то за что?

— За то, что в драку лезешь, когда надо и не надо.

— Я без причины не трогаю!

— Это все равно. Кто ошибается, тому сначала надо словами разъяснить, а не кулаком.

— Разъяснишь таким, как Палля и Колька! Пока ты им будешь говорить, они тебе шею свернут...

Пребираясь друг с другом, ребята подошли к избе Черповых. Вошли не сразу. Сначала, подтянувшись на решетку палисадника, посмотрели в окно. Илле, будучи ростом выше Аркаша, заметил, что изба полна людей, но никого из них не узнал. Тогда они тихо вошли в избу. Там были старики, ребята и женщины. Все они пришли посмотреть на раненого солдата. Каждому хотелось послушать рассказы вышедшего живым из огня человека.

В переднем углу избы, покуривая трубку, сидел Сар-Тимухха. Ему, конечно, больше, чем кому-либо другому, хотелось повидать героя, побеседовать с ним. Палля у окна маленьким молоточком колот орехи и закидывал в рот. Он был в новой синей ситцевой рубашке, — видимо, мать специально одела его по случаю приезда дорогого гостя.

Все молчали.

— Где же солдат? Может быть, он ушел? — ни к кому не обращаясь, спросил Аркаш.

— Да нет, тут он, — ответил кто-то. — Спит!

С печки доносился раскатистый храп. Люди терпеливо ждали, когда солдат проснется.

В избу со двора вошла хозяйка. Илле и Аркаш, отойдя в разные стороны, дали ей дорогу. Они заметили, что Рыжая Мари несла что-то, прикрывая фартуком. Она тут же прошла в чулан.

— Послушай-ка, Мари, нельзя ли его разбудить? — спросил Сар-Тимухха. — Уж очень хочется поговорить... Я ведь тоже как-никак солдат. Мне завтра утром опять за Волгу надо ехать, прийти еще раз времени не будет...

— Сейчас подниму, его надо накормить, — ответила хозяйка, громыхая в чулане посудой. — Слишком много он пережил, двое суток, истекая кровью, на снегу лежал, поэтому хочу, чтобы он хорошенько отдохнул!

— Правильно говоришь, Мари, героев надо почитать. Я сам когда-то...

— С того времени, как ты солдатом был, прошло сто лет, о том, что было, наверное, уже и не вспоминаешь.

— Э-э, нет, такое и до смерти не забудешь. Только тот не понимает, кто сам там не был. А кто побывал — не забудет, нет...

— Умные слова говоришь, товарищ, правильно! — вдруг слышалось с печки.

Солдат проснулся сам. Он широко зевнул и соскочил с печки. Ребята впелись в него глазами. Это был низкорослый, широкоплечий мужчина, рыжие волосы его острижены наголо. Одет в новую зеленую гимнастерку, ватные штаны. На ногах — новые «фабричные» валенки. Левая рука забинтована марлей и подвешена за шею ремнем.

Сар-Тимухха встал ему навстречу и подал руку.

— Салам, юлдаш¹, с благополучным возвращением тебя...

— Благополучие сам видишь какое: вон как меня отделал Гитлер! — поднял солдат перевязанную руку.

— Что поделаешь, война без этого не бывает, — тяжело вздохнул Тимухха. — И мне в шестнадцатом году их Вильгельм² ногу перебил. С тех пор, как хромой петух, на одной ноге прыгаю...

— Ну, нынешняя-то война во сто раз страшнее прошлой! Сверху самолеты бомбят, внизу танки топчут, со всех сторон пушки бьют, автоматы не дают из окопа голову высунуть...

— Конечно, прежнюю с теперешней не сравнишь. Хорошо научились людей убивать! — согласился Сар-Тимухха.

Солдат сел за стол.

— Закурить есть? — спросил он. — У меня были папиросы, что в госпитале выдали, да кончились.

— У нас тут только «засарайный трест», — как бы смутился Тимухха, вынимая кисет с табаком.

— Пойдет, у меня и такого нет.

— Я тебе, дядя, сколько хочешь накрошу, — вмешался в разговор Палля, собирая ореховые скорлупки с подоконника. — Я под лавкой с полпуда нашел.

— Ты и сам, наверное, куришь, шельма? — с усмешкой посмотрел на него дядя.

— Нет, — замотал головой Палля. — И в руки не беру.

— Зачем врешь, ведь куришь? — лягнула синеглазая Улюк, пришедшая вместе с другими повидать солдата. — Тебя и в школе песколько раз ругали за это!

¹ Юлдаш — товарищ (чувашиск.).

² Вильгельм — бывший кайзер (император) Германии.

— Закрой рот, а то смотри, выкину тебя! — закричал на нее Палля.

— Если ему нравится, пусть курит, — всем на удивление похлопал Паллю по плечу дядя. — Я и сам начал табак сосать с двенадцати лет...

— Вредный же он! — снова подала голос Улюк.

— Для мужчины ничего не значит... Ну-ка, скрути в таком случае, племяш, а то мне одной рукой неудобно.

Палля оторвал кусочек газеты, положил на него большую щепотку табака и, быстро свернув, подал дяде сигарку.

— Молодец, — умеешь! — похвалил дядя. — Ты, Палля, уже становишься мужчиной.

— А в школе плохо учится, — снова заметила Улюк. — Все время двойки получает...

Палля вдруг вскочил, подбежал к ней и дважды ударил по щеке.

— Вот тебе двойка! Вот пятерка! — кричал он. — Уходи! Тебя сюда никто не звал!..

Девочка ничего не сказала, схватилась рукой за щеку и быстро вышла из избы.

— Но-но, это уже лишнее, — пожурил дядя Паллю, чувствуя неловкость перед людьми. — С девочками не дерутся. Если и рассердишься на них, то можно только в темном уголке ущипнуть...

— В другой раз я ей косы выдеру! — сказал Палля. — Научу, как ябедничать!

Рыжая Мари все это видела, но не сказала сыну ни слова.

— Эх, жаль, что это не на улице случилось! — сжал руку друга Аркаш. — Прочил бы я его!

— Помолчи, — прошептал Илле, — придет время — мы ему напомним об этом!

Хозяйка нарезала хлеба, поставила суп, положила ложки, принесла черный чайник и стакан.

— Кушай! И наливай из чайника сам. А я буду пироги вынимать. Наверное, уже готовы.

В чайнике был самогон. Сначала солдат два стакана один за другим выпил сам, затем поднес Сар-Тимуххе.

— Выпей-ка за мое здоровье... За то, что довез свою голову домой.

— Стало быть, пусть будет так, — сказал тот. — Тебя ведь Лукой зовут, если не ошибаюсь?

— Так точно! Лука Лукич Козлов. Наш дедушка всегда держал коз, поэтому его и прозвали «Педер Козлов». Давай, опрокинь!

Он снова выпил сам и вскоре заметно захмелел. Видимо, Тимуххе тоже в голову ударило.

— Ну, Лука Лукич, Расскажи-ка нам, как ты воевал, страсть как знать хочется, — попросил Тимухха. — Как ранен был, уцелел как?

Солдат, насытившись, закурил.

— Если все рассказывать, долго придется говорить, разговор и до утра не кончится, — икая, произнес он.

— Да ты не все рассказывай, покороче! Вот и эти хотят послушать, — показал Тимухха на людей, что были в избе.

— Вы, наверное, слышали о разгроме немцев под Москвой? — спросил Козлов.

— Не только слышали, обрадовались этому не зная как! — хлопнул себя по колену Тимухха. — Это же была наша первая победа!

— Вот, я как раз там и был. В настоящий адовый котел попал! Во втором дивизионе семьдесят седьмого арtpолка. Я ведь был не рядовым, а командиром орудия. Честь имею — старший сержант Козлов! — Солдат встал, приложил руку к виску и снова сел. — Сначала нам много пришлось отступать. И об этом вы слышали...

— Не только слышали, и горевали сильно... Что и говорить! — вздохнул Тимухха.

Козлов выпил еще и вытер губы концом рукава.

— Ну, вот... И до Москвы недалеко оставалось. Нам приказ — ни шагу назад. Умри, а стой на месте! Оборона. День и ночь рыли траншеи, строили блиндажи и тому подобное. Укрепились здорово. Однако немцы рвались вперед и вперед, потому что Гитлер приказал быстрее взять Москву... Каждый день по семь-восемь раз наступали на наши позиции — сбить нас не могли... Да. Как только начнем палить — рассыпаются кто куда. От злости посылают на нас самолеты, бросают бомбы, пытаются пробиться танками — шалишь! Стоим твердо, как сталь, мешаем немцев с землей и все. Так продолжалось недели две... Одно мое орудие сожгло не меньше полсотни танков, а пехоты угробило — нет числа. «Ну, орден тебе обеспечен, старший сержант Козлов, — говорили старшие командиры. — Может, и не одип, а целых два». А я им: «Зачем мне орден? Мне бы врагов побольше уничтожить!..»

— Толково говорил, очень правильно, — кивнул головой Сар-Тимухха. — Врага побыстрее надо уничтожить, а ордена будут!

— Орден и вправду мне дали, приехавший из Москвы генерал своей рукой прицепил его к моей груди. Перед всем полком! Жаль, кто-то украл его, когда я лежал в госпитале. Однако об этом я особенно не печалюсь, до конца войны их можно еще несколько штук заработать... Ну, потом мы пошли в наступление. Вовсю громим фашистов. Бегут, как зайцы. Трофеи берем каждый день — в блиндажах уйма всяких заграничных вин, коньяков разных, закуски... Выпьем, закусим и опять ждем вперед. Нас уже ничто не могло остановить. Прошли от Москвы верст двести. «Вперед — на запад!» — Эти слова Козлов выкрикнул так, будто кому-то давал команду, и ударил кулаком по столу. — А однажды мы остановились на краю леса. Немцы, видимо, нас заметили, стали по нас с воздуха шпарить, мать моя!.. Затем начали лупить из артиллерии. Потом танки пустили. Смотрю, один умирает, другой ранен. Никого в расчете не осталось, один я. Что делать? И думать некогда: три танка лезут прямо на мое орудие. Немцы, видимо, знали, что больше всех им я досадил. Ну, думаю, пришел конец, сейчас из меня лепешку сделают... Но не растерялся, заряжаю орудие и давай стрелять! Угодил в один танк — гусеница разлетелась, другим снарядом второй танк поджег. Третий, видимо, испугался и повернул назад... Ну, думаю, пронесло. Присел к орудью, закурил. Решил немного отдохнуть. Ведь устаешь от этой стрельбы... Снаряды-то тяжелые, помощников у меня никого уже не было, все погибли. То ли минуту, то ли две просидел так, не знаю. Откуда ни возьмись, из траншеи, что была передо мной, выскочили немцы... Пехота! Человек, пожалуй, пятьдесят. Они нарочно следили за мной. Что теперь делать? Взял автомат убитого солдата и застрочил по ним. Половина тут же пала замертво, остальные бросились вспять. А я их сзади строчу и строчу. Ни один в живых не остался... Однако и самого там ранили: откуда-то шлепнулся дурацкий снаряд, накрыл. Больше ничего не помню, только в госпитале пришел в сознание. Одиннадцать осколков засело во мне. Левую руку совсем разбили... — Козлов пошевелил подвешенной рукой.

— А осколки у тебя до сих пор в теле сидят? — спросил Палля.

— Магнитом вынули, но рана на руке еще не затяну-

лась. Доктора не хотели меня выписывать из госпиталя, по я настоял. Родных повидать захотелось.

— Да, душа человеческая всегда к дому тянется, — со-
гласился Сар-Тимухха. — И со мной так же было...

Козлов снова налил себе из чайника полный стакан и залпом выпил.

— Вот так идет моя фронтовая жизнь...

— Много, очень много ты испытал, ничего не ска-
жешь...

— Что поделаешь, война! Война, родной мой!.. Когда
рука поправится, снова стану в строй. Я не такой человек,
чтобы отсиживаться в тылу. Мне нужно воевать, бить вра-
гов. На то я и солдат. И не только солдат — старший сер-
жант. Как только вернусь, наверное, дадут звание лейте-
нанта, потому что у меня теперь опыт большой, кроме то-
го, я и в боях вел себя храбро... Если позволят, я сейчас и
командиром дивизии могу быть. Ничего не стоит!

Козлов вдруг громко запел:

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец...

Люди стали постепенно расходиться. Илле и Аркаш
тоже вышли.

— Ну, как? Интересно ведь? А ты, чудак, не хотел
приходить! — сказал Аркаш, положив руку на плечо друга.

— Слушать-то интересно, однако мне почему-то... не
очень верится, — покачал головой Илле. — Много он хва-
лится. Если ему верить, то выходит, будто он один разгро-
мил фашистов под Москвой.

— Э, ты всегда как-то странно думаешь! — возразил
Аркаш недовольным голосом. — Ведь человек и в самом
деле на войне был, раненым вернулся. Стало быть, что ви-
дел, о том и рассказывает. Такое не придумаешь!

— Видать-то, может, и видел, но...

— Что еще?..

— Так, ничего...

Илле, не досказав свою мысль, повернул к дому.

«Неужели же на войне так могло быть? — удивлялся он
про себя. — Неужели человек, оставшийся один, мог совер-
шить столько подвигов? И вражеские танки он сжигал, и
пехоту косил... Как в сказке! Если это так, то уничтожить
врага не очень-то трудно! Почему же тогда наши отступа-
ли до самой Москвы, почему и сейчас еще не могут про-
гнать фашистов с нашей земли?..»

**ЭТОГО
ПРОСТИТЬ
НЕЛЬЗЯ!**

тром, повесив на коромысло два ведра, Илле пошел на колодец за водой и неожиданно встретил там Антонину Клементьевну. Фельдшерица была в больших подшитых валенках, серой шали. Илле даже не сразу узнал ее. Она сама заговорила с ним:

— Ай-яй! Крепко обжигает сегодня Дед-Мороз! Тебе, Илюш, не кажется?

— Да, холодно,— согласился он.— Интересно, сколько градусов?

— Пожалуй, более тридцати...

— Вчера было не так холодно, мы запросто съездили за Волгу, а сегодня просто дышать невозможно — удвительно!

— Время такое. По-старому говоря, рождественские морозы начались... Мы дома, сидя в теплых избах, не замерзнем, а вот каково нашим там, на фронте!

— Что и говорить, трудно им приходится...

— И все же здорово сражаются! Гонят и гонят фашистов! Ты, конечно, газеты читаешь?

— Для меня теперь они дороже хлеба. Наш Пауль Оскарович тоже, если не прочтет газеты, ни есть, ни спать не может. Каждый вечер вместе читаем...

— Теперь все так, у всех мысли только о фронте.

Фельдшерица, поддев свои ведра коромыслом, подняла их и сделала несколько шагов в гору. Илле вдруг вспомнил о вчерашнем, спросил:

— Антонина Клементьевна, что сказали о бабушке Маюк? Вы, кажется, провожали ее в больницу вместе с Назаром Егорычем?

— Ничего опасного нет, но с педельку, сказали, придется ей полежать.

— А дома как у нее? Скотина, птица... За ними ведь кто-то должен смотреть?

— Пока ухаживают ребята ее соседки Праски, а снохе ее правление послало телеграмму, чтобы вернулась с лесоразработок.

— И все это натворил Колька Герасимов! — с досадой

сказал Илле.— Говорят, не признается, но мы же с Аркашом своими глазами видели...

— Оп, кажись, учится в одном классе с вами?

— Да. После капикул мы еще поговорим с ним. Дадим ему жару!

— Не избить ли вы его собираетесь? Этого нельзя делать...

— Нет,— отмахнулся Илле.— Мы его пристыдим перед всем классом. В стенную газету про него напишем...

От колодца они пошли вместе. Общительная Антонина Клементьевна спросила:

— А как поживают ваши домашние? В последние дни никак не выкрою времени зайти к вам.

— Пока хорошо,— ответил Илле.

— Как маленькая эстоночка?

— Бегаёт! Целыми днями с Марине играет, ни на миг не разлучаются. Другой раз заиграются и даже засыпают вместе.

— Стало быть, перестала чураться?

— Какое там чураться! Эльга с Юули уже знают много чувашских слов...

— Пусть учатся, пусть,— сказала Антонина Клементьевна.— Кто знает, сколько еще придется им прожить здесь.

На перекрестке двух улиц они расстались. Подходя к своим воротам, Илле встретил сельского письмоноса Варьку — небольшую, краснолицую, с удивительно длинными ресницами девушку. На груди у нее висела старая кожаная сумка. Илле спросил:

— Для нас что-нибудь есть?

— Сегодня только газета...

— А писем нет?

— Пишут! — Варька, достав из сумки газету, вручила ему и зашагала дальше. Илле, войдя в дом, опорожнил ведра в кадку, сел к окну и тут же начал читать.

Читать газеты стало радостно. Советская Армия, очищая родную землю от фашистов, шла все вперед и вперед.

«...в результате ожесточенных боев освобождены город Уварово и много близлежащих населенных пунктов,— прочитал про себя Илле.— Хорошо, очень хорошо!»

К нему тихонько подошел старый Пауль.

— Ну как? О чем тут пишут, чем радуют? — спросил он.

Илле показал пальцем на название города, выделенного жирным шрифтом.

— У-ва-рово...— прочитал эстонец и как бы задумался.— Не слышал. Где этот город?

— В Московской области,— пояснил Илле.

— А дальше что пишут?

Рыбаковы русскую газету не выписывали, поэтому Илле каждый раз сообщения Совинформбюро и статьи о событиях на фронте переводил Паулю на русский язык. Тот же о них рассказывал не только своей семье, но и другим эстонцам, проживавшим в деревне.

Как всегда, старый эстонец внимательно слушал то, что переводил ему Илле, кивал головой, радовался нашим успехам на фронтах. Затем, не дожидаясь, когда встанет его семья, пил чай и, одевшись, уходил из дому. Одевался он тепло: Назар Егорович подарил ему свою поношенную шубу черной дубки и старые «кукморские» валенки с разрисованными голенищами. Домашние иногда подтрунивали над ним:

— Тебе в этой одежде только на охоту ходить. Медведь увидит — и тот испугается!

— А мне нарядное не нужно, было бы только тепло,— отвечал им Пауль Оскарлович.

И правда, сейчас ему одеваться надо было теплее. Неделю назад в правлении колхоза был большой разговор о подготовке сельхозмашин к весне. На заседании присутствовал и старый эстонец. Когда председатель сообщил, что для ремонта плугов и других машин в деревне нет ни одного кузнеца, Пауль сразу заявил: «Я механик, ремонт и подготовку машин беру на себя. Дайте только мне одного-двух помощников».

Назар Егорович благодарно пожал ему руку.

— Спасибо тебе, товарищ Киккас! Тогда ты нас спасешь! Не забудем твое доброе дело!..

Сразу же после заседания правления он повел Пауля к себе и отдал ему свою зимнюю одежду и обувь. На другой день старому эстонцу вручили ключ от кузницы, стоявшей с самого начала войны на замке, затем привезли машины, которые надо было «подлечить». С тех пор он с утра до вечера копошился в кузнице.

...Жизнь в деревне шла своим чередом. Люди работали, стараясь дать все для Советской Армии. Настроение народа поднималось. И вдруг поползли возмущающие всех слухи.

— В Чиршкасах ограбили вдову, муж которой погиб на войне, а у нее детей пять душ, мал мала меньше. Воры взломали замок клетки и унесли последний скудный запас муки...

— С фермы Юманайского колхоза сразу украли пять овец. Когда работники фермы обнаружили воров и погнались за ними, те открыли стрельбу. Они были в санях, запряженных парой лошадей.

Поначалу тем слухам никак не хотелось верить. Как могло происходить такое в то время, когда шла невиданная вовеки Отечественная война. В боях с фашистами каждый день гибли тысячи людей. Все жили одной мечтой — скорее очистить Родину от чужеземных захватчиков. Во имя этого даже ребята работали наравне со взрослыми. И в то же время нашлись люди с черной душой!

В один из вечеров, вернувшись с районного совещания учителей, Рина Петровна пришла к Рыбаковым и сообщила:

— Говорят, в одной из приволжских деревень разбойники выужной ночью зашли в квартиру учительницы и начисто ограбили ее. Унесли костюмы, пальто мужа, воюющего на фронте, у самой учительницы — шубу, все продукты, хранившиеся в чулане... Одним словом, человека оставили совсем голым и голодным.

— Ее самой разве не было дома? — спросила мать Илли, слушавшая этот рассказ с затаенным дыханием.

— Дома была!

— Зачем же онапустила незнакомых людей?

— Те обманули ее. Сказали, что они из районной милиции, едут издалека и очень озябли. Позвольте, дескать, обогреться. А когда вошли, сразу сказали: молчи, не буди детей, не двигайся с места, не то сейчас же окажешься на том свете... Она окаменела, а те забирали, что попадалось на глаза. Уходя, пригрозили оружием: если до рассвета выйдешь за дверь — умрешь; мол, один из нас все время будет у твоего крыльца. Ну, та и сидела, дрожа... Кому же хочется умирать?

— Ну тебя, и верить не хочется! — отмахнулась Ульга. — Кто же эти разбойники? Что ни говори, не наши люди, фашисты, наверное!..

— Хуже фашистов! — заметил Илле. — Фашисты враги, а эти нашими прикидываются. Почему же их не ловят?

— Ищут, но не находят пока. Видимо, где-то ловко скрываются, — пояснила Рина Петровна.

— Зимой не так легко прятаться. Летом — другое дело: в лесу, в оврагах сидеть могли бы, а сейчас вот какие трескучие морозы ударили, не скроешься...

— Может быть, им в деревьях кто-нибудь помогает? Может, кто в теплой избе укрывает, гром их порази! Кто знает? Гады еще не перевелись на земле, — гневно сказала Ульга.

После недолгого молчания разговор опять завела она.

— Эти грабители, наверное, здоровые, полные сил, а не хромые и однорукие! — сказала она. — Почему же они не там, не на войне? Нынче каждый способный держать оружие, если он не оставлен военкоматом для работы в тылу, обязан быть на фронте! — Ульга призадумалась. — Когда мы были маленькими, нас, бывало, пугали таргынами, — не такого ли сорта и они?

— Таргынами ведь называли дезертиров? — уточнил Илле.

— Конечно, они дезертиры! И во время той войны с Германией, и во время гражданской войны они часто дожимали народ грабежами...

— В гражданскую войну больше всего дезертировали сынки кулаков.

— Теперь же не должно быть таких! — возмущенно сказала учительница. — Кулаков у нас давно нет, и времена совсем другие. А если теперь и в самом деле есть дезертиры, то на что они рассчитывают? Советские люди не простят им.

— Кто знает, Рина Петровна, кто знает! — задумчиво сказала Ульга. — Разные люди на земле живут: одни за народ всю душу, жизнь отдают, другие — заботятся только о том, чтобы шкуру свою спасти. У таких нет ни чести, ни совести. Они не только Родину — мать-отца продадут!

— Может быть, и воры, появившись в нашей округе, такие же мерзавцы?

— Конечно! Кто же они еще!

— Поймают их, не дадут безобразничать! — твердо сказал Илле. — Даже шпионов — и то ловят! Те скрываются почище бандитов, а попадают!

— Я их... ы-ых! Перед всем народом повесила бы! — со злостью сжала кулаки Ульга. — Пусть все видят, пусть каждый остановится и плюнет на них!

— Если попадутся, конечно, решат, как поступить с ними. Только когда их еще поймают, — сказала Рина Петровна.

— Наверное, уже ищут!..

Рина Петровна ушла, пожелав Ульге и Илле спокойной ночи. Семья эстонцев уже спала. Возвращаясь из кузницы усталым, старый Пауль ложился рано. Но Илле долго не мог заснуть. Сознание того, что подлые подонки обижали и без того живших в горе людей, вызывало в нем злобу, горячее желание отомстить обидчикам.

«...Сейчас миллионы людей сражаются на фронтах, — думал Илле. — Только из нашей деревни более пятидесяти человек ушли на войну. На шестерых из них уже пришли похоронные. Больше десяти человек лежат в госпиталях и по выздоровлении опять пойдут воевать. И вдруг нашлись негодяи, которые вместо того, чтобы воевать против фашистов, грабят наших людей, осиротевшие семьи...»

Илле показалось, будто в облаве на бандитов-дезертиров он участвует и сам. Те с большими черными бородами и вытаращенными кровавыми глазами прячутся в кустах. В руках у них длинноствольные пистолеты и сабли с кривыми рукоятками, некоторые держат тяжелые дубины... Но вот лес окружили милиционеры. Вместе с ними все жители их деревни и сам Илле с отцовской двустволкой.

«Урра-а!» — крикнул кто-то и ринулся на бандитов. Илле тоже устремился вперед, стреляя на бегу из ружья. Бандиты уже ничего не могут сделать, им остается только бросить ружья и поднять руки. Больше они уже не вырвутся. Попались!..

Но это происходило уже во сне...

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

аникулы прошли незаметно, будто их и не было.

Ребята опять приплясали за учебу.

В первый же день после уроков Рина Петровна провела собрание учащихся. Оно прошло очень шумно. Сначала учительница говорила о том, что во втором полугодии все должны учиться еще старательнее, добиваться, чтобы никто не отставал в учебе, что надо помогать друг другу.

— Для этого нам нужна крепкая дисциплина,— сказала она.— Все знаете — мы живем сейчас в очень трудное время. Сейчас нам надо быть особенно сознательными, аккуратными и трудолюбивыми. Баловней и озорников, оставляющих на завтра то, что нужно сделать сегодня, не должно быть вовсе. Это, я думаю, вы все понимаете...

— Понимаем! — слышалось с разных мест.

— Хорошо, если понимаете,— продолжала учительница.— Очень хорошо... Однако среди нас есть и не понимающие этого. Некоторые и в школе, и на улице ведут себя совсем не по-пионерски. вспомните, например, о том, что натворил во время каникул Коля Герасимов.

Все обернулись назад, туда, где сидел Колька. Тот покраснел и опустил голову.

— По его вине чуть не погибла женщина... Только вчера ее привезли из больницы...

вспомнили проделки Палли. Его уже раз десять предупреждали, однако он продолжал озорничать. Некоторые предлагали их обоих исключить из школы. Об этом говорил и Аркаш:

— Честь школы позорят они. Нас позорят. Очиститься надо от таких!

Были и не согласные с этим. Даже Улюк, которую обидел Палля, сказала:

— Прежде чем исключить из школы, надо в последний раз их спросить: думают они исправиться или нет?

Когда Кольке дали сказать слово, он покраснел как пепельный гребень и расплакался. Палля же долго стоял молча, наконец выдал из себя несколько слов:

— Больше ни с кем не буду драться. Но и меня пусть не трогают. Если тронут, буду давать сдачи...

— Тебя никто не трогает, ты сам первый ко всем лезешь! — не стерпев, крикнул Илле.

— Я не дерусь, я только пугаю,— буркнул в ответ Палля и вытер рукавом лоб.

Его слова всех рассмешили, а Рина Петровна, постукивая ладонью по столу, предупредила:

— Не забывайте, без конца прощать вас не будем! Вы уже не маленькие, пора понимать!..

Затем Рина Петровна повела разговор о том, что по всему Советскому Союзу пионеры и школьники организуют тимуровские команды, что хорошо было бы организовать такую команду и в их школе.

— Для этих команд работы очень много,— сказала

она.— Надо помогать семьям фронтовиков, и прежде всего семьям, где нет трудоспособных. К примеру, если бы у тетушки Маюк были помощники, она не знала бы никакой беды. А в деревне таких, как она, немало.

Предложение создать тимуровскую команду и в их школе ребята приняли восторженно, и Рина Петровна решила завершить дело на этом же собрании.

— В совет или штаб тимуровской команды надо избрать человек пять,— подсказала учительница.— Это должны быть смелые, честные, трудолюбивые ребята, такие, как Тимур. Кого же вы предлагаете?

Ребята наперебой стали называть имена. Рина Петровна записывала их. После голосования были избраны из пятого класса Микон и Улюк, из шестого Аркаш, Илле и Петрусь Дорожка.

Потом Рина Петровна собрала членов совета и долго беседовала с ними. С чего начать работу, как ее выполнять?.. Решено было назначить Илью председателем, Улюк — секретарем. Правда, Улюк отнекивалась, говорила, что не справится, боится напутать, но наконец все же согласилась.

— Я тебе, Улюк, дам толстую тетрадь, ты в нее будешь подробно записывать все, что будете делать,— сказала Рина Петровна.— Это будет ваш дневник. Ничего не забываете, все записывайте — когда и что сделали, кому и в чем помогли... Кончится война, ваши отцы и братья вернутся домой — этот дневник дадите им почитать. Пусть узнают, как мы жили, что делали, как помогали победить врага... Так и знайте, об этом они нас обязательно спросят!

— Хорошо, Рина Петровна, мы все будем делать так, как вы сказали,— ответила осмелевшая Улюк.— Отцам доказать не-стыдно будет!

Домой ребята возвращались, весело разговаривая. Они радовались, что им доверили такое большое дело — оказание помощи семьям фронтовиков!

На другой день, в назначенное время, все собралось у Илли и пошли по домам.

Встретившийся на улице Сар-Тимухха не без удивления спросил:

— Куда это так спешит мелкота? Что за бригада?

— Идем по народным делам,— за всех ответил Аркаш.

— Так уж, видимо, заведено у нынешних ребят! — с теплой улыбкой проводил их Тимухха. Потом вдогонку

крикнул: — И у меня есть к вам разговор по народным делам! Приду в школу — поговорим.

— Ладно, приходи! — ответил ему Илле.

...Вечером, возле керосиповой лампы, Улюк села за уроки. Но прежде открыла выданную Риной Петровной тетрадь в черной обложке и сделала такую запись:

«...Сегодня приступили к работе, познакомились, как живут семьи фроптовиков. Были в девяти домах...

Вначале Илюк Рыбаков завел нас к тетушке Маюк. После того как Колька Герасимов сбил ее с ног санками, ее возили в больницу, она там пролежала больше недели. Ее здоровье сейчас неплохое, но она все еще лежит, говорит, доктора так велели. Сноха ее с лесозаготовок пока не вернулась, за бабушкой ухаживает старшая дочь тети Праски — Варька-почтальонка, но у нее очень мало времени. Пока она разносит почту, Маюк лежит одна, ей даже некому воды согреть. Поэтому мы решили с завтрашнего дня направлять к ней своих девочек на дежурство...

Когда мы зашли к ней, в избе было холодно, ни дров, ни воды не оказалось. Она не могла даже сварить картошку. Наши мальчики тут же заготовили дров на неделю, я принесла воды. К тому времени вернулась Варька с почты, затопила печку. Тетушка Маюк нас очень благодарила, даже прослезилась от радости. «Ах, умницы вы мои, ах, золотые вы мои ребята, чем мне отблагодарить вас?» Мы сказали, что нас благодарить не надо, мы делаем то, что должны делать в настоящее время все пионеры. Завтра вместе с девочками опять пойду к ней. Очень она хорошая старушка! Хотя ей уже под семьдесят, и рожь нынче жала, и картошку копала. Говорят, кто-то ей сказал: «Тетушка Маюк, тебе уже и дома сидеть не стыдно, мы и без тебя управимся». А она ему ответила: «У меня два сына на войне, я сама хочу их хлебом обеспечить». И такую добрую старушку чуть не убил противный Колька!..

Потом мы зашли к жене Иливана Ульдити. Она живет на самом краю деревни. Домик маленький, тесный, а у нее шестеро детей, все маленькие, пока только двое из них ходят в школу. Самые младшие сидят на печи. У печки на привязи телянок, под столом — два ягненка.

Хозяйка встретила нас приветливо.

— Заходите, заходите, ребята, — сказала она, как бы стесняясь. — В тесноте, да не в обиде, проходите, проходите. Беда ведь, до войны не успел наш отец новый дом поставить...

Илле сказал ей, зачем мы пришли.

— Э-эй, детки мои, если мне помогать, конца не будет этой помощи,— нараспев сказала Ульдити.— Я же совсем не могу работать. Осенью упала с поветей на колоду и плечо вывихнула. До сих пор правой рукой ничего не могу взять — больно. Не могу даже привезти дрова, данные мне, как солдатке, не могу обмолотить горох со своего огорода — так и лежит в предбаннике. На мельницу не могу съездить, а мука кончилась, уже соседям задолжала. Очень трудно. Дети малые, ни один еще работать не может...

Илле записал все ее нужды.

— Постараемся помочь,— сказал он.

— Да ведь и у вас отцов-то нет, все, как и наш, в солдатах, и у самих, наверное, дома работы по горло? — ответила Ульдити.

— В школе у нас народу много,— сказал Илле,— по очереди будем работать, об этом не беспокойтесь.

Мы уже приготовились уходить, но Ульдити вдруг задержала нас: «Погодите-ка, за то, что вы ходите с таким хорошим делом, я вам хоть по гостинцу дам!» — Она тут же спустилась в подпол и вынесла что-то в подоле фартука. Оказывается, яблоки, замечательный красный анис! Мы вовсе не хотели брать, но она силком вручила каждому по яблоку... Какая добрая! Конечно же, такому человеку обязательно надо помочь. О вывозке дров Илле обещал сегодня же поговорить с Назаром Егоровичем...

После этого были у Педера Маркки. Он — одинокий старик. Старуха его умерла еще лет семь тому назад, и он остался с двумя сыновьями. Старший сын погиб зимой 1940 года на финской войне. Младший сын — пограничник с пачала войды не написал ни одного письма. Все говорят, что он погиб. Одним словом, у старика никого не осталось. По ночам он сторожит сельскую лавку, а днем почти никуда не выходит.

Когда мы вошли, он, сидя перед печкой, чистил картошку, видимо, собирался сварить обед. В избе, куда ни посмотри — мусор, пыль.

Старик очень удивился, что мы ввалились к нему гурьбой. Илле опять пришлось разъяснять, зачем и почему мы пришли.

— Нет, нет, мне ни от кого помощи не нужно, покуда я сам со всем управляюсь,— замахал руками Педер Маркка.

Все же мы его записали в тетрадку, устроили у него субботник, убрали и вычистили в избе.

Так мы ходили почти весь день. Нуждающихся в помощи много. Работы для нас, тимуровцев, хоть отбавляй! Но если взяться как следует, управиться можно...»

ДОБРОЕ ИМЯ

Когда в деревне узнали, что школьники начали такое полезное дело, все обрадовались. Председатель колхоза Назар Егорович и на заседании правления сказал:

— Удивительно смысленные теперь ребята. Надежная смена растет!

Сар-Тимухха добавил:

— Ребята и вправду хорошие... Колхозу нынче много помогли. И сейчас работают. Однако у меня есть мыслишка предложить им еще одно дело...

— Какое? — спросил председатель.

— Вот, посмотрите-ка... — Сар-Тимухха вытащил из кармана шубы газету и расстелил ее перед ним. — Прочти вот это... Тут написано, что в Кольцовке школьники взяли шефство над молодняком. Мальчишки ухаживают за жеребятами, девчонки — за телятами... И у нас на ферме и на конюшне не хватает людей, туго приходится... Пусть ребята помогут...

Назар Егорович призадумался, потом согласился:

— Силком заставить не можем, если же сами пожелают, — пусть возьмутся, вреда не будет, а польза — и им, и нам!

— И я говорю о том же! — хлопнул по столу Сар-Тимухха. — Если жеребят и телят закрепить за школьниками, они с удовольствием будут выхаживать животных.

Старики не ошиблись. Детям предложение очень понравилось. Они быстро создали два звена: одно — мальчиков, другое — девочек.

С тех пор и на конюшне, и на молочной ферме зазвенели ребячьи голоса. Всем своим подшефным они дали новые клички: Самолет, Пулемет, Орел, Сокол, Беркут

(это жеребята), Роза, Маковка, Ласточка (это, конечно, телята). Ухаживали за молодняком, соревнуясь друг с другом. Спорили, чей теленок быстрее вырастет, чей жеребенок будет упитаннее.

Не обошлось и без смешных случаев. Некоторые ребята, стараясь вырастить своих питомцев лучше, стали таскать корма из дома. Один носил овес, другой — вареную картошку. Матери заметили это и по-своему вразумили детей...

Первым попался Аркаш. Для своего темно-серого Сокола он таскал из амбара овес. Это увидел его младший брат и рассказал матери. Аркаш не признался, твердил, что не брал ни зерна, но дня через два мать подкараулила его, когда он с мешочком под полой выходил из амбара, и тут же отхлестала...

И все же польза от помощи ребят была заметная.

У БАБУШКИ

В один из весенних дней, когда солнце поднималось все выше и выше, когда с крыш домов стали падать первые капли, у Рыбаковых отелилась корова. Для сельского жителя отел буренки — что праздник. У семьи будет молоко, масло, простокваша и творог. Поэтому, когда отелится корова, люди приглашают к себе друзей, родных, угощают их молозивом.

Ульга не хотела созывать гостей и все-таки через три-четыре дня после того, как в избе поселился теленок, сказала Илле:

— Слетай-ка ты сегодня после уроков к бабушке. Привези ее отведать молозива. Давно ее не видели. Пусть хоть недельку поживет у нас...

— Хорошо, мама, съездить туда мне ничего не стоит, — сказал Илле.

О поездке к бабушке Илле думал давно. Ведь осенью, когда ездил в Ильинку за эвакуированными, ему не удалось зайти к ней. Поэтому поручение матери его обрадовало. Наконец-то он заберет фрицевские вещи, привезенные с фронта дядей Педюк!

Из дому он выехал в полдень и, быстро погоня лошадь, через полтора часа был в Ильинке у ворот бабушкиного дома. Его встретила Чернушка — маленькая мохнатая собачонка: она просунула под ворота голову и так зло лаяла, что казалась, лопнет от натуги. На лай собаки выбежала бабушка — высокая, широкоплечая, с квадратным смуглым лицом женщина. Увидев у калитки внука, она радостно всплеснула руками:

— Это ты, внучек? Ай-яй, молодец, что приехал! А я уж думала, вы обо мне совсем забыли! С каких пор не виделись... Давай, распрягай лошадь и ставь под навес.

— Распрягать не стану, бабушка, времени нет!

Илле рассказал о цели своего приезда.

— До вечера нам надо обратно вернуться.

Бабушка засуетилась:

— Ой, да как же так получается? С пустыми руками я к вам никак не могу поехать! Что-нибудь надо сварить. Хоть вареники приготовлю!

— Не беспокойся, бабушка, ничего не нужно. Хлебушко у нас и у самих пока есть! — сказал Илле.

— Ой, внучек, не дело говоришь! — с удивлением посмотрела на него бабушка. — С каких пор не виделись, да разве я поеду без гостинца?

Бабушка принесла муки, насыпала в корытце и стала месить тесто. Сама все время спрашивала:

— Как вы там поживаете?

— Хорошо пока...

— Говорят, беженцев содержат? И сейчас они еще у вас живут?

— Куда ж они денутся до конца войны? Живем, как одна семья. Люди они хорошие.

— Конечно, заботиться о них надо. И в нашей деревне есть несколько семей. У одних четверо детей, в большой нужде живут. Мать больная. Посмотришь — прослезисься. Я и сама иногда отношу им гостинцев... Эх, война, война! Сколько народу гибнет, а сколько мучается! И в нашу деревню, поди, приходят «похоронные»?

— Приходят... И раненых много.

— Часто ли пишет отец? Здоров ли?

— Недели две назад был жив-здоров, а после писем не было...

— Только бы живым был! Ой, боже, боже... Войнс-то и конца-краю не видать еще!..

— А где дядя? — спросил Илле.

— В Совете! Где же ему быть еще! День и ночь там. Тысяча разных дел находится для него. Бегает, как гончая собака.

— Мне с ним надо было бы поговорить...

— Может, придет еще. Обедать ему надо. Хотя ипой раз весь день голодным ходит. Совсем извелся.

Во дворе вдруг послышался лай Чернушки, потом звякнула защелка калитки.

— Вот безгрешный человек, легок на помине — кажется, пришел! Посмотри, сынок, не дядя?

— Он! — ответил радостно Илле.

Дядя был в солдатской шапке со звездой, в ватной фуфайке, в синих галифе и в сапогах. На левом его боку висела старая полевая сумка. Настоящий солдат, не хватало только одной руки. Пустой рукав был заткнут за пояс.

— О-о, наш герой, оказывается, прибыл! — сказал он, как всегда, радостно и подал племяннику левую руку. — Как поживаешь, товарищ Рыбаков?

— Хорошо, — ответил Илле, почему-то вдруг покраснев. — Приехал звать к себе бабушку на молозиво.

— Молозиво — хорошая вещь! Когда мы были маленькими, помню, ждали его, как пасху...

Раздевшись, он сел у стола и одной рукой скрутил сигарку. Илле тут же вспомнил, как искусно вертел ее Палля для своего раненого дяди. В какой-то момент и ему захотелось помочь своему дяде, но постеснялся: еще подумает, что он научился курить.

— Мама, Иван Махмут раненый прибыл, — сказал дядя, повернувшись в сторону кухни. — Только сейчас заходил к нему, разговаривали...

— Совсем, что ли, вернулся? — спросила мать.

— Нет, только на три месяца. У него осколком разбита плечевая кость, но, видимо, не так опасно.

— Значит, ему опять придется идти?

— Как поправится, пойдет. Рука-то у него цела.

— Я бы раненого однажды человека второй раз вовсе не пускала на войну. Пусть идут те, кто там не был. Когда ездила в город, видела — такие там ходят жеребцы, хоть в плуг запрягай. Они небось не только на войне не были, но и ружейного выстрела не слышали! Вот собрать всех таких и послать...

— Некоторых специально оставили в тылу, мама, они готовят для фронта оружие, разные машины... Без этого

ведь тоже нельзя. Если каждого раненого совсем отпустить домой, кто же воевать будет? В армии теперь уже каждый третий ранен.

— У нас тоже недавно был раненый фронтовик, — вступил в разговор Илле.

— Из вашей деревни, что ли? Кто такой? — спросила бабушка.

— Нет, хыркасинский, младший брат Рыжей Мари, что живет за оврагом. Приходил к сестре на несколько дней. В левую руку ранен. Я тоже ходил посмотреть на него, слушал, что он о себе рассказывал. Только... мне показалось, что он слишком хвалился: и немецкие танки уничтожал, и солдат ихних много убил...

— У некоторых есть такая привычка: дела сделают на копейку — слов скажут на рубль, — засмеялся дядя. — Особенно, когда «огненной воды» глотнут... Начнут врать — и остановиться не могут.

— И он за четыре дня ни разу, говорят, трезвым не был. Сестра его все время самогонку гонит, а ему это как раз на руку. Каждый вечер, напившись, выходил на улицу, кричал: я фронтовик, я за народ кровь проливал! Почему мне не выпить?! Потом почему-то пел тюремные песни...

— Таких горлопанов немало. Посмотришь, раны не больше кошачьих царапин, а тоже кричат: «За что кровь проливали?!»

— Люди ж разные бывают, — заметила бабушка, выходя с большой миской из чулана. — Каждый на свой манер с ума сходит. Покушайте-ка, сынки, супу, а я буду делать вареники...

Дядя и племянник ели сначала молча. Разговаривать было и невозможно: горячий суп обжигал губы, все время приходилось дуть на ложку. Первым заговорил Илле:

— Дядя, а могут в наше время быть дезертиры? Ну, кто убегает с войны или прячется от мобилизации? Могут или не могут?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — перестав есть, уставился на него дядя.

— Так просто... Пришла в голову такая мысль...

— Нет, ты не зря спрашиваешь, не ври! — сказал дядя. — Какая-то причина у тебя есть.

— Недавно с учительницей мы беседовали. Вот и вспомнилось, — выложил правду Илле.

— О чем вы говорили?

— Ходят слухи, будто какие-то люди там и тут нападают на людей и грабят... Мы решили, что эти разбойники — мерзавцы, скрывающиеся от войны. А с другой стороны, не хочется и верить, что в наше время могут быть дезертиры...

Дядя, после минутного молчания, ответил:

— Правильно вы думаете! Есть еще типы с подлой душой. И дезертиры, и предатели. Они же и грабители.

— Кто такие, что они за люди, дядя?

— Разные могут быть: преступники, вышедшие из тюрьмы, кулацкие последыши...

— Рина Петровна с мамой тоже так говорят. Настоящий человек и с войны не сбежит, и грабителем не станет. Так ведь?

— Правильно. У настоящего советского человека сейчас единственная цель — врага разбить.

Илле, наевшись, вышел из-за стола.

— Бабушка, нам пора ехать, до вечера надо домой добраться, — сказал он, глядя в окно.

— Сейчас, сейчас, внучек. Вареники уже в котле, скоро сварятся! — подала голос суетившаяся на кухне бабушка.

Затем Илле спросил дядю:

— Ты мне в прошлый раз говорил о каких-то немецких вещах, помнишь? Если они тебе не нужны...

— Э, и в самом деле! — щелкнул пальцами дядя. — Об этом я совсем забыл, черт возьми! Забирай, забирай, мне они ни к чему, а вам спектакли ставить пригодятся!

Он быстро вышел в сени и через минуту принес зеленый солдатский вещмешок.

— Вот они, все тут, выбирай, что тебе нужно!

Дядя вытащил черную немецкую каску.

— Посмотри, как саданули! — Каска была прострелена как раз на уровне лба. — Здорово попали, а? Навылет!

— Пулей, что ли, продырявили ее? — удивленно спросил Илле.

— Не комком земли, конечно, — усмехнулся дядя.

Затем из мешка были извлечены две немецкие пилотки, китель, маскировочный халат, разрисованный под древесные листья, и два «железных креста» — ордена фашистов.

— Заверни, — сказал дядя. Но Илле что-то медлил.

— Пиджак-то ведь годен. Ты его себе...

— Не дури! — не дал ему договорить дядя. — Я еще не

спятил, чтобы натягивать на себя фашистскую шкуру! Меня даже при одном виде этих вещей тошнит.

— Тогда ладно. Как ты говоришь, спектакли ставить в самом деле пригодится.

— Давай, давай! Удивляй своих односельчан...

Готовясь в дорогу, Илле повернул лошадь к воротам. Бабушка в передке саней пристроила горшок, завернутый в старую шубу, в нем были горячие вареники. Рядом поставила бидон, наполовину наполненный душистым медом. Нашлось в саях место и для мешочка с осенними ярко-желтыми орехами. Старой женщине хотелось порадовать свою дочь и внучат, с которыми давно не виделась.

Бабушка и Илле удобно уселись в сани, хотели уже тронуться в путь, но тут дядя Педюк, вспомнив что-то, закричал им:

— Погодите-ка, постойте! У меня еще гостинец есть!

— Что еще? — недовольно взглянула на него бабушка.

— В амбаре рыба лежит, заберите ее! Нынче они, пожалуй, свежей рыбы еще не пробовали.

— Не надо, дядя. Бабушка и так чего только не набрала! — смутился Илле.

— Не помешает, вещь не тяжелая, заberi! Пусть и ваши эвакуированные попробуют волжской рыбы. Для себя мы всегда наловим. Волга-то под боком!

Дядя наполнил старый мешочек мерзлой рыбой и бросил его к передку саней.

— Ну, а теперь можете ехать! — Он настезь распахнул ворота.

— Счастливо доехать, смотрите, не наткнитесь на медведя! — пошутил он.

— До свидания, дядя Педюк. К нам приезжай!

СТРАШНАЯ ВСТРЕЧА

скоре они выехали из деревни. К вечеру значительно похолодало. С востока дул встречный ветер, сильно щипал лицо. Дорога шла через широкое, ровное поле. Кругом лежал ровный, кипенно-белый снег. Илле взгля-

нул на солнце, светившее за их спиной. «Как только оно скроется за заволжским лесом, станет темнеть быстро. Дорога не близкая, надо торопиться».

Он рванул вожжи и погнал лошадь. Расставленные по обеим сторонам дороги еловые ветви-вехи, быстро мелькая, оставались позади. Казалось, что сани двигались назад.

Илле вспомнил, как несколько месяцев тому назад по этой же дороге он вез эстонцев. Тогда только что выпал снег, колеса телеги подпрыгивали на мерзлой земле и грохотали, как трактор. Так же дул встречный ветер, старый Пауль держал на коленях завернутого в одеяло внука. Тогда они для Илли были совсем чужими людьми, он едва набрался смелости заговорить с Паулем Оскаровичем; а теперь они — как родные.

«Когда кончится война, расставаться с ними жалко будет, но они, наверное, все равно уедут, — думал Илле. — Сердце каждого человека тянется на родину. Я и сам, если бы мне, как этим эстонцам, пришлось где-то жить в чужой стороне, обязательно вернулся бы в свою родную деревню...»

Дорога шла немного в гору, впереди виднелся лес. Он казался каким-то синеватым — видимо, потому, что весь был покрыт ивеем. Лесом им надо было проехать километра четыре: сначала через густой молодняк, потом через могучий, подпирающий небо «казеённый» лес. Там и днем бывает темно. Даже в ясный день солнце редко достигает земли.

Лес приближался. До него уже не оставалось и двухсот метров. Лошадь бежала крупной рысью, под полозьями однообразно похрустывал снег. Илле вдруг стало страшно. Как только въедем в большой лес, погоню во весь опор. Скачущую лошадь никто не сможет остановить, подумал он, вспомнив разговор о разбойниках.

Илле ничем не выдал своего беспокойства молчавшей всю дорогу бабушке. Зачем волновать ее? Ничего не должно случиться. Дядя ведь давеча сказал: «Наверное, их уже выловили». И Илле вспомнил о дезертирах только потому, что о них недавно говорили...

Но когда, миновав мелколесье, они въехали в большой лес, Илле все-таки встал на колени и начал хлестать лошадь по спине вдвое сложенными вожжами. Лошадь резко рванулась, бабушка, сидевшая спиной вперед, чуть не выпала из саней.

— Зачем так быстро гонишь? — обернувшись, спросила она внука.

Илле не ответил, будто не слышал ее вопроса, и продолжал подгонять лошадь. Сани летели так быстро, что, казалось, их полозья совсем не касались земли.

— Потише, пожалуйста, Илюш! А то на раскате вылетим! — крикнула бабушка.

Илле опять промолчал. Стоя в передке, он все время подстегивал лошадь и вглядывался вперед. Хотя все больше и больше темнело, глаза его видели далеко. Дорога шла прямо-прямо и на ней — ни души. Было тихо. Слышался только стук копыт и скрип полозьев на неровностях дороги.

Оставался один поворот направо, а оттуда было недалеко и до поля...

— Не гони же так быстро! Задохнется лошадь и упадет! — прокричала бабушка.

Наконец дорога свернула направо. На повороте сани занесло и едва не опрокинуло. Вместе с санями покачнулась лошадь и пошла шагом. Может, и устала. Ведь животное — не мотор. И в этот момент из-за огромного дуба, что стоял справа от дороги, выскользнули две тени. Одна из них сразу же схватила лошадь за узду.

— Стой, милай, не спеши!

Запыхавшаяся лошадь стала.

— Почему остановил? — сказала бабушка, не оборачиваясь. — Или лошадь распряглась? Говорила тебе, не гони быстро!

Илле не подал голоса... Он не мог произнести ни слова — будто язык отнялся, сердце, казалось, тоже перестало биться.

В глазах потемнело.

«Вот и пропали!» — мелькнула у него мысль. Он медленно сполз на нахлестку саней. В то же время другая тень придвинулась к саням и хриплым голосом спросила:

— Чего везете?

— Ничего у нас нет... — прошептал Илле.

— Не ври, щенок! А тут что? — Страшный человек сразу же заметил вещи в передке саней и стал их ощущать.

Чужой голос услышала и бабушка. Она быстро повернулась, сообразила, что их остановили недобрые люди, но тоже сразу ничего не могла сказать. Однако выдавшая в

жизни виды женщина быстро взяла себя в руки. Она проворно привстала на колени и резким голосом крикнула:

— Что тебе нужно? Почему пристаешь, бесстыдник! Проходи своей дорогой, не задерживай, тебе до нас нет никакого дела!

Бандит подошел поближе, в упор посмотрел на нее.

— Закрой рот, квашня трескучая, не то сейчас же сверну тебе шею! — прошипел он по-змеиному и замахнулся.

— Бей, бей, если у тебя вместо сердца висит кусок черного мяса! — закричала она. — Бесстыдник, бессовестный, черт с рогами! Такие молодцы, как ты, на войне головы кладут за народ, а ты, значит, живешь в лесу, скрываясь, как волк, и грабишь старух и детей?

— Молчи! Смотри, стяну тебя и воткну в снег вверх ногами! — снова замахнулся бандит.

— Что ты там рассусоливаешь с этой ведьмой? — крикнул тот, что держал лошадь. — Стукни ее по зубам, чтоб последние вылетели!

— Ты у своей матери их вышибай, поделом ей будет за то, что родила да вырастила такого подлого сына! А меня бить у вас нет права! — еще громче закричала бабушка. Совсем позабывшая о страхе, не думая о том, что с ней может случиться, она разносила бандитов в пух и прах...

Илле сидел ни жив ни мертв. Не столько от испуга, сколько от удивления. Он никак не мог поверить тому, что видел... Когда подошедший к саям бандит произнес первое слово, Илле показалось, что голос ему знаком. Но где и когда он его слышал, сразу не мог вспомнить. Когда же тот бандит пригрозил бабушке, закричал на нее и, сжав кулаки, близко наклонился к ней, Илле, хотя и было довольно темно, узнал его. Узнал и не поверил своим глазам. Разбойником оказался дядя Палли, тот, который изображал из себя раненного на войне старшего сержанта...

«Вот тебе и вояка, вот тебе и «герой», уничтоживший под Москвой уйму фашистов! Тогда у сестры он спьяну без всякой меры хвалился и болтал, что, как только поправится рука, снова пойдет на фронт. А теперь что? Дезертир он! Разбойник! Бандит! И на войне-то он не был, и рука его вовсе не ракена! Выходит, он все врал, нас, дурачков, обманывал!»

Да, Илле не ошибся. Это был Лука Козлов, дядя Палли. Это он вытворил такие дикие дела, о которых люди с честной душой и подумать не могут.

Сердце Илли стучало словно молоток. Если бы хватило сил, он бы что угодно сделал с этими бандитами.

Между тем Козлов вытащил все, что находилось в саях: и горшок с варениками, и бидон с медом, и мешочек с орехами, и свежую рыбу.

— О! Тут есть для нас кое-что! — радостно крикнул Козлов своему дружку, стоявшему возле лошади. — Хороший ужин будет...

— Не смей трогать, бродяга! — вцепилась бабушка в руки бандита. — Не для тебя приготовила гостинцы! Я для больных детей везу!

— Ничего, и нам они желудки не испортят! — ответил тот.

— Положи обратно! Положи, говорят! — настойчиво твердила бабушка. — Змей не буду кормить!

Но тут бандит высвободил правую руку и резко ударил старушку под подбородок. Она опрокинулась назад и ударилась головой о сани.

— А-ааа! Не бей бабушку! Не убивай! Что она тебе сделала? — вцепился в Козлова Илле. Собрав все силы, он сильно толкнул бандита в грудь. Тот зацепился ногой за нахлестку саней, упал на дорогу, но тут же вскочил и схватился за Илле.

— А-ах, щенок, паршивый! И тебе захотелось, да?! — зло сказал он и, стянув мальчика с саней, стал бить его по голове, по груди, по бокам...

— Не бей, гад, не трогай! — защищался руками, пытаясь спрятать лицо, Илле. — Я тебя знаю! Ты дядя Палли... Козлов... Лука... Ты в нашей деревне был... Не трогай!..

То, что парнишка знает его имя, ошарашило дезертира. Он даже отпрянул в сторону. Но тут же вновь набросился на мальчика.

— Знаешь, да?!

— Знаю! Я слушал, как ты рассказывал о войне... — пытаясь подняться с земли, кричал Илле.

— Если знаешь, я сделаю так, что никого узнавать не будешь! Н-на! — Козлов ударил мальчика по голове. — Сообщи на том свете, что узнал меня.

Твердыми, как клещи, пальцами Козлов схватил Иллю за горло. Мальчик отбивался руками и ногами, старался

оттолкнуться. Бесполезно. Козлов, придавив его коленом к земле, стал душить еще сильнее.

— Лука, брось возиться! — вдруг закричал другой бандит. — Сзади подводы идут, бежать падо!..

Козлова как ветром сдуло. Он вскочил и кинулся к вещам на саях, одни передал дружку, другие захватил сам. И они тут же пырнули в лес.

Придя в себя, Илле схватился за сани, шатаясь, подпаялся на ноги и подошел к лежавшей без движения бабушке.

— Убежали, кажется, — сказал он. — Бабушка, ты слышишь? — И стал испуганно тормошить старушку, жива ли?

— Наверное, все забрали? — слабым голосом спросила бабушка, очнувшись.

— Радуйся, что сами живы остались.

— Пусть земля их поглотит, пусть волки разорвут!..

— На волков понадеешься — дело не выйдет, — сказал Илле. Он подобрал упавшие под ноги лошади вожжи. — Сейчас надо побыстрее вернуться к вам и рассказать обо всем дяде. Он сообразит, что делать...

Вскоре к ним подъехали и остановились несколько подвод с сеном, шедших из-за Волги.

Увидев, что Илле разворачивает лошадь, ехавшая на передней подводе женщина громко спросила:

— Что случилось, почему возвращаешься?

— Чему надо было, то и случилось, — ответил Илле.

Миновав возы по глубокому снегу, Илле, как и давеча, встал на колени и рванул вожжи.

— Как можно быстрее надо доехать до дяди!

Лошадь снова пустилась вскачь.

**ИЛЛЕ
ПРОПАЛ**

но — задержалась на заседании правления. Решали вопрос о заготовке дров для больницы и для эвакуированного изпод Ленинграда детского дома.

Подходя к дому, Ульга заметила, что у них в окнах нет света.

«Наверно, все уже легли спать,— подумала она.— Мама и Илле, конечно, продрогли в дороге, а после мороза в тепле хорошо спится...»

В избу она вошла тихо, чтобы никого не разбудить. Разделась, нашла в печурке спички и зажгла на кухне коптилку. Прежде чем поужинагь, пошла в чулан посмотреть, хорошо ли устроилась мать. Чулац, к удивлению Ульги, был пуст.

И на печке никого не было.

— Неужто все трое спят на полотах? — подумала Ульга, уже подозревая что-то недоброе. Сердце ее стало биться быстро-быстро. Она встала на скамью и заглянула на полати. Там спала одна Марице, свернувшись клубком.

Ульга испугалась. «Что это? Почему Илле и бабушка до сих пор не приехали? — гадала она.— Или бабушка заболела? Если и так, Илле же все равно должен вернуться! Не случилась ли какая беда? И зачем я отпустила его одного?..»

Достав из печки остатки обеда, Ульга села есть, но где там! На душе у нее было беспокойно.

«Почему, почему не вернулся Илле? Что с ним? Где он сейчас?!» — эти мысли огнем жгли сердце женщины.

Услышав возню Ульги на кухне, из передней тихо вышел старый Пауль и подошел к ней.

— Илли-то нашего нет, не приехал,— тихо сказал он.— Весь вечер думаю, уснуть не могу... Что будем делать?

— Я и сама голову ломаю, не знаю, что и сказать,— тяжело вздохнула Ульга.— То ли там почему-либо започевал, то ли в дороге что стряслось...

И так и этак прикидывали старый эстонец и Ульга, но не пришли ни к одной мысли, которая могла бы их успокоить.

— Ничего не поделаешь,— сказала потом Ульга.— Утром сама поеду к маме.— И тут же вспомнила: — Вот беда, а мне же завтра в лес надо!..

Не придумав ничего, она легла, но уснуть не могла. Лежала, прислушиваясь сквозь дремоту: не заскрипят ли сани, не зацокает ли лошадь копытами, не откроются ли ворота? Прошла и полночь, затем наступил час ночи, три часа... Но Илли все не было...

Измотавшись за день, Ульга под утро забылась в тяжелом сне...

...Проводив мать и племянника, Педер Бурлаков взял свежую газету и, решив немного отдохнуть, прилег на самодельный диван. На фронтах шли бои «местного значения».

Но уставший от множества забот, навалившихся на него в те дни, незаметно задремал. Спал он беспокойно. Во сне, как всегда, видел войну. Летели самолеты, шли танки, пьяные гитлеровцы с вытаращенными глазами, жутко галдя, бросались на него в атаку...

— Уфф, шайтан! — тяжело вздохнул он, потирая лоб ладонью. — И привидится же... такая муть!

Он встал, нашел в кармане спички и зажег лампу. До его слуха вдруг донесся торопливый топот лошади, а затем и скрип ворот. Залаяла Чернушка...

— Что это такое? — подбежал к окну Бурлаков. — Кто-то, кажется, приехал?

Во дворе он увидел небольшого человека и сразу узнал его.

— Да ведь это Илюшка! Что случилось? Почему вернулись обратно?

Он как был в одном белье, так и выскочил во двор, помог Илле завести лошадь и сразу догадался: вернулись неспроста.

— Бандиты напали... — хрипло доложил Илле.

— Бандиты? На вас?

— На нас, конечно. В Большом лесу.

— Ой, сынок, не знаю, как живы остались, — приподнимаясь, протонала бабушка.

Войдя в избу, Илле сбивчиво, но ничего не пропустив, рассказал, что произошло. Во время рассказа Илли бабушка кое-что добавляла и ругала разбойников последними словами. Лицо дяди вдруг изменилось, стало будто каменное, только края губ временами вздрагивали.

— Значит, ты того, Козлова, и вправду узнал? — строго спросил он, когда Илле кончил рассказывать. — Не ошибся? Может быть, тебе только показалось?

— Нет, дядя, не ошибся, очень даже хорошо признал, — подтвердил Илле. — Это он, брат Рыжей Мари!

— Это он, шайтан, конечно! — подтвердила бабушка.

— Да, может статься... — Бурлаков задумался, заку-

рил и быстро оделся. — Ладно, вы посидите, а я схожу и сельсовет, поговорю кое с кем в районе...

После ухода сына бабушка, охая, забралась на печку. Она упрашивала и бога, и черта «обломать разбойникам руки-ноги, разбить им головы, вспучить их животы так, чтобы они лопнули...» Она предложила лечь и Илле, но он, если бы даже его связали, и то не смог бы заснуть. Он ждал дядю — что скажут, что ему предложат предпринять «районные»? Может, они сейчас же поедут по следам бандитов? Сделают облаву? Но... они же не знают того места, где на них напали. Это может показать только один он. О том, что у него болит горло и плечо от побоев, он решил никому не говорить. Только бы поймать этих извергов! Если бы Илле поручили, он бы сам расстрелял бандитов и рука бы ничуть не дрогнула! В газетах же пишут, что в партизанских отрядах такие ребята, как он, героически сражаются с врагом.

Дядя вернулся примерно через час.

— Переговорил? — сразу спросил Илле.

— Переговорил кое-как, — ответил Бурлаков, раздеваясь. — Очень плохо слышно. Да еще сначала начальника не было, пришлось ждать, пока позовут.

— Что же они будут делать?

— Сейчас приедут сюда, поедем в лес, по следам. Тебе придется тоже поехать. Ты ведь запомнил, в каком месте бандиты в лес скрылись?

— Очень даже хорошо запомнил!

— Тогда до их приезда ложись, отдохни немного.

— А мне совсем не хочется спать...

И вправду, как заснешь? Илле очень волновался. Ему предстояло вести милиционеров ловить скрывавшихся в лесу дезертиров-бандитов! Это было большое и опасное дело!

...Районные не заставили себя долго ждать: через час-полтора после того, как Бурлаков вернулся из сельсовета, примчались на трех санях. В избу — друг за другом — вошли пятеро.

Один — приземистый русский человек, одетый в шубу черной дубки, — видимо, старший. Поздоровавшись с хозяевами, он прошел вперед, сел за стол и стал расспрашивать Иллю о происшедшем. И мальчик снова, уже спокойно, а не так, как давеча дяде, рассказал все по порядку...

— Ну, ладно! Теперь ты, сынок, веди нас, покажи то

место, — сказал начальник. — Только оденься потеплее, в поле ветер, как бы тебе не простудиться.

Повернувшись к Бурлакову, начальник что-то тихо сказал ему. Илле не расслышал, но ответ дяди понял: «Ладно, лошадь у нас есть, сейчас запрягу».

Из милиции прибыли не пять, а шесть человек. Шестой оставался во дворе с собакой. Увидев ее, Илле обрадовался: раз привезли собаку-ищейку, бандитов обязательно поймают! Не допустят, чтобы они сбежали!..

— Ты, сынок, садись со мной на передние сани, — сказал начальник, похлопывая Иллю по плечу. — Будешь указывать дорогу, а то мы еще заплутаемся...

— Дорога-то совсем прямая, нарочно и то не собьешься, — ответил Илле, усаживаясь с ним рядом.

— Ну, Степанов, поехали, — распорядился начальник, тронув сидевшего на облучке милиционера за полу. — Полный ход!

Сани друг за дружкой двинулись по темной улице, а выйдя в поле, помчались быстро-быстро.

Илле в тот день четвертый раз пересекал знакомое поле — дважды ехал туда и обратно. Но последний раз он ехал по особо важному, волнующему сердце делу...

В его голове все время крутилась мысль: что будет, сумеют ли выследить бандитов?.. Несколько раз он намеревался спросить молча сидевшего рядом с ним начальника милиции, но не набрался смелости. Только проехав значительное расстояние, заговорил.

— Эта собака у вас ученая, да? Такая, как у пограничников?

— Точно такая, — ответил начальник.

— А много воров она изловила?

— Немало. И раненой была. И медаль у нее есть...

— Медаль? — удивился Илле. — Неужели...

— Ты хочешь сказать — и собакам дают медали? — повернувшись к нему, улыбнулся начальник. — Дают, сынок! Специально устраивают выставки собак и, учитывая, на что каждая способна, дают оценку. Не слышал?

— Не слышал... Удивительно...

— Может, ты не знаешь и того, что самым резвым лошадям, коровам, дающим много молока, присуждают медали?

— Об этом я читал в «Календаре колхозника»...

— Так вот, знай: и собаки получают награды. Конечно, если они приносят пользу...

За таким разговором они въехали в лес.

— Следи зорче, — сказал начальник. — В каком месте они на вас напали?

— Это подальше, когда начнется большой лес, — ответил Илле, немного привстав и глядя вперед.

Первая лошадь бежала быстро, не отставали и другие. Место встречи с бандитами все приближалось. Илле вглядывался в местность до боли в глазах. Там, где воры остановили их, должны были быть следы!

Они ехали еще минут пятнадцать-двадцать.

— Остановите! — наконец тронул Илле за плечо сидевшего на облучке милиционера и сам тут же соскочил с саней. Вгляделся в снег. — Тут, вот на этом самом месте! — он указал на перетоптанный снег.

Другие тоже сошли с саней, у кого-то в руке зажегся электрический фонарь. На снегу четко виднелись следы недавнего происшествия.

— Куда же они потом направились? — спросил начальник.

— Вот туда... — Илле показал рукой в сторону огромных деревьев.

— Вот, смотрите, следы!

Начальник милиции сделал по следам двадцать-тридцать шагов и остановился. Затем подозвал своих товарищей и дядю Илли. Тихо сказал им что-то. От группы тут же отделились дядя Педюк и два милиционера. Они подошли к Илле.

— Вот что, родной мой, — сказал дядя, положив свою единственную руку на плечо племянника, — ты уже свое дело сделал. Теперь тебе надо добираться домой. Вместе с тобой поедут вот эти два товарища. — Он кивнул на милиционеров. — Когда придете в деревню, ты их проводи к сестре Козлова, а сам иди спать. Мать, наверно, ждет тебя.

По правде, Илле не торопился домой, но возражать дяде не стал. Кроме того, он понял, что его отправляли по поручению начальника милиции. Илле нехотя сел в свои сани и взял вожжи.

Лошадь шла быстро. Милиционеры подняли воротники. Казалось, что они заснули. Однако, когда проехали километра два, один из них, сидевший спиной к передку саней, тихо спросил:

— Что это за человек Рыжая Мари? Говорят, один из бандитов — ее родной брат?

Илле рассказал все, что знал об этой женщине.

— Вот, оказывается, какая она птица, — сказал милиционер. — От таких всего можно ожидать!

В деревню они въехали в четыре часа утра. Как велел дядя, Илле повернул лошадь в переулок и, доехав до избы Рыжей Мари, остановил.

— Вот ее дом...

Слезая с саней, один из милиционеров, тот, что разговаривал по дороге с Илле, наклонился к нему, погрозил пальцем:

— Смотри, о том, что мы сюда приехали, — молчок! Никому... и домашним — ни слова! Понял?

— Понял!..

— Теперь валяй!

Милиционеры пошли к воротам дома. Илле же, развернув лошадь, быстро погнал ее к конюшне.

«Интересно, зачем они приехали? — ничего не понимая, думал Илле. — Хотят забрать мать Палли? Расспросить о ее брате-бандите?»

Через несколько минут он, сдав лошадь конюхам, добежал до дома и постучался. Мать, видимо, не спала, сразу же вышла на крыльцо и громко спросила:

— Кто там?

— Это я, мама...

— Ой, боже, наконец-то! Чуть со страху не умерла я в эту ночь...

То, что мать сильно взволнована, Илле понял по ее голосу. Когда они вошли в избу, из передней торопливо вышел старый Пауль. Он тоже, видимо, не спал, вид у него был усталый.

— Почему... почему так поздно, мой мальчик? — спросил он.

— Я не виноват. Так получилось, — сказал Илле, пытаясь замерзшими пальцами развязать малахай. — Очень интересно, как в сказке. Потом расскажу...

Мать быстро разожгла железную печь:

— С голоду помираешь, наверное?

Хлебая горячий суп, Илле рассказал обо всем, что с ним случилось в ту ночь...

Спал он как сказочный богатырь. Приехавший на другой день дядя Педюк долго тряс его за плечо, пока добудился. Наконец мальчик открыл глаза, увидел дядю.

Тот, облокотившись на полати, ласково смотрел на него и сказал:

— Ай-ай, и здоров же ты спать! Унеси тебя за сто верст, и то бы не почувствовал! Полчаса тебя будил!..

Илле быстро поднялся.

— Ну... как? Нашли их? Поймали?— сразу спросил он, вспомнив ночное происшествие.

— Все в порядке, племяш! — ответил дядя.

— Обоих взяли?

— Не обоих, а четверых. Сразу четырех волков поймали. В лесу, в землянке жили, дьяволы...

— А теперь они где?

— Забрали. Я с ними тоже был в районе. Сейчас только оттуда. Нарочно сделал круг, чтобы повидать тебя. Козлов, тот, знаешь, кто был?

— Откуда я могу знать?— заморгал глазами Илле.— Говорил нам, что вернулся раненым с фронта, а потом в лесу на нас напал...

— Ни на каком фронте он не был! За грабеж пять лет отсидел в тюрьме. Когда истекал срок заключения, его, вместе с другими, решили послать на фронт. Обмундировали, обучили. Однако он и не думал защищать Родину. По пути к фронту на одной станции спрыгнул с эшелона и сбежал, а чтобы сразу не задержали, притворился раненым солдатом. Маскировался, значит. Вот каким «фронтовиком» он был!

— Одним словом, бандит... Однако же о войне он здорово рассказывал, люди верили. Говорил так, как будто на самом деле там был!— сказал Илле.

— Все это он от кого-нибудь слышал,— махнул рукой дядя.— Или читал. Теперь о героизме наших солдат, о жарких боях в каждой газете пишут.

Илле задумался: и правда, какой он мерзавец! В то время, когда народ отдает все силы для победы над врагом...

— Ну, ладно, слезай! — оборвал его мысли дядя.— Четыре часа дня. На дворе уже темнеет. Мать твоя пришла из правления, уху варит. Я ведь ту рыбу отобрал у бандитов... Да, забыл: начальник милиции просил поблагодарить тебя и передать привет.

— Самого его надо благодарить за то, что словил тех, лесных,— сказал Илле, подвигаясь к краю полатей.— Слушай, а зачем милиционеры приезжали к матери Палли?..

— А они в засаде были. Думали, что Лука Козлов может заявиться к сестре...

— Вы-то его поймали не у нее?

— Нет, не у нее, но милиция приезжала не зря: при обыске в доме Мари нашли много краденых вещей.

— Правда?! — удивился Илле.

— Правда, конечно. В глубокой яме под клетью было спрятано много всякой одежды, овчин, валенок. Из подпола вытащили несколько четвертей самогона. Видимо, Мари только что нагнала. Ее тоже забрали.

— А Палля как же?.. Один, что ли, жить будет? — озаботился Илле.

— Этого я не знаю. У родных, наверное, будет жить.

— В деревне у них нет никого.

— Если так, то этим займется сельский Совет. Куда-нибудь поместят.

Снизу, из кухни, послышался голос Ульги:

— Хватит вам лясы точить, слезайте, уха готова.

— Мам, ты же говорила, что в лес поедешь? — сказал Илле.

— На сегодня нашлась замена. Из-за тебя не поехала.

...О страшном событии, происшедшем с Илле и его бабушкой в лесу, говорили недели две не только в колхозе «Новое время», но и по всему району. Всех радовало то, что разбойники были пойманы.

— Молодцом оказался парнишка! — хвалили Иллю. — Смотри-ка, даже после того, как на них напали и ограбили, не струсился, не помчался домой, сломя голову, а вернулся обратно и сделал так, чтобы сообщили куда надо!

— И следы в лесу сам показал!

— Другой бы и сознание потерял, без языка бы остался, а этот не растерялся...

Илле не загордился от похвал. Ему казалось, что он ничего особенного не сделал. «На моем месте каждый бы так поступил, — думал он. — Если ты своими глазами увидел и узнал дезертира, врага народа, то как же об этом не сообщить, не помочь поймать его?»

После того как изловили дезертира Козлова и его дружков, в округе больше не стало слышно о том, чтобы кто-нибудь грабил и обижал людей.

огда арестовали мать, Палля запер избу па замок и куда-то удрал. Он, видимо, думал, что его тоже будут обвинять. Куда делся — никто не знал. Только через несколько недель кто-то из колхозников «Нового времени», возвращаясь из Чебоксар, видел его, везшего на санках дрова из Хыркасинского леса. Решили, что он живет в Хыркасах у своей бабушки. Но вскоре Назар Егорович, рано утром проходивший мимо избы Рыжей Марии, увидел, что из трубы идет дым, и очень удивился: что это могло значить? Кто мог затопить печку в пустом доме?..

Он сразу решил проверить, зашел во двор, поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Она не открылась: дверь была подперта изнутри. Постучал. Никто не отозвался. Снова постучал.

— Кто в доме? Откройте, иначе взломаю двери! — пригрозил председатель колхоза.

Послышались шаги, затем кто-то снял с двери накладку, и Назар Егорович увидел перед собой Паллю, одетого в полушубок и мохнатую шапку из бараньего меха.

— Ты... значит, дома? — спросил он удивленно.

— Дома... — несмело ответил Палля.

— Вроде, говорили, что ты живешь у бабушки?

— Бабушка умерла.

— Как это так вдруг умерла?

— Она еще до моего прихода болела...

— Когда же ты вернулся?

— Вчера вечером... Ночью чуть не замерз.

— Почему ж не пошел к соседям? Тут же можно простудиться и заболеть!

— Не посмел...

Палля разговаривал, понурив голову, не смея взглянуть председателю в глаза, голос его дрожал. Назар Егорович вошел в избу, за ним и Палля.

— Вот какие, оказывается, у тебя дела... — Назар Егорович сел на холодную лавку, вздохнул и закурил трубку. Он от души пожалел мальчика, который стоял у печки и старался получше разжечь сырые дрова. Палля в самом

деле ни в чем не виноват. Во всем виновата его мать! Она и в колхозе работала кое-как, и с соседями никогда не ладила, торговала самогонкой и наконец связалась с грабителями... Этого ей, конечно, не простят, это ясно. Но почему должен мучиться мальчишка? Кто теперь будет за ним смотреть, кто будет воспитывать его, учить жизни?..

— Как дальше-то будешь жить, сынок?— ласково спросил его Назар Егорович.— Ты об этом думал? Мать тебе оставила хоть какой-нибудь наказ?

— Она мне только велела пойти к бабушке...

— Больше у тебя родственников нет?

— Нет.

— Так и думаешь жить один?

— Что же мне делать? Как-нибудь проживу. Картошка есть. Мука тоже. Дров на зиму хватит.

— А кто тебе будет варить? Кто будет обстирывать, убирать в избе?

— Сам буду...

— Нет, паренек, так у тебя дело не пойдет. Надо что-то придумать получше. Видимо, тебе придется к кому-нибудь перейти.

Палля недоверчиво и с некоторым испугом посмотрел на старика. После долгого молчания горестно вздохнул и произнес:

— Я ведь... сам знаешь...

— А что ты? Кто ты такой?— недовольно повысил голос Назар Егорович.— Мальчишка ты и есть мальчишка. Как и все другие! Не хуже, не лучше.

— Вот то-то и оно, что не как все... Об этом я много думал, дядя Назар... В школе я учился так себе, и дрался частенько. В конце концов оказался родственником бапдита. Мне теперь и на улицу боязно выходить: ребята сразу же начнут издеваться надо мной. Я теперь самый несчастный человек...

«Смотри-ка ты, свои ошибки стал сознавать. Очень хорошо...» — подумал про себя Назар Егорович. И тут же ответил мальчику:

— Это ты зря болтаешь. Обижать тебя нет никаких причин. Во всем виновата твоя мамаша,— это она всегда шла неправильным путем и тебя добру не старалась учить. Но ты парень не глупый. Думаю, что ты и учиться можешь, и в труде от других ребят не отстанешь. Так ведь?

Палля промолчал. Он, должно быть, пытался разгадать, куда гнет Назар Егорович.

— Мы всем так скажем: за Паллей никакой вины нет, обижать его нельзя! И учиться тебе надо во что бы то ни стало. Нынче человек без учения — не человек. Вот когда я был мальчишкой, учиться и правда было тяжело: каждый день, в любую погоду, шагали мы в Чиреккасы за семь верст. Школа наша тогда помещалась в захудалой церковной сторожке, а учителем нашим был вечно хмельной дьячок. Приходит, бывало, пьяненьким и вместо того, чтобы учить нас читать и писать, целыми днями заставлял петь «Отче наш». Если наше пение ему не нравилось, то нещадно награждал пинками и пощечинами. А теперь... что и говорить! Хотя идет такая страшная война и народу приходится очень тяжело, все равно государство не забывает о детях, обучает, заботится об их будущем...

Слова эти Назар Егорович произнес призадумавшись, как бы про себя. Палля внимательно слушал старика и, видимо, принял его разговор близко к сердцу.

— А с тобой мы поступим так,— продолжал Назар Егорович, снова разжигая потухшую трубку.— Давай, переходи жить ко мне...

— Куда?— удивленно посмотрел Палля на старика.

— Говорю же — ко мне. Места хватит, живем мы только вдвоем со старухой. Правда, в передней избе у меня двое эвакуированных, но это не в тягость.

— Ты это... вправду говоришь, дядя Назар?— взволнованно спросил Палля. Он и думать не мог о том, что такой уважаемый всеми человек, председатель колхоза, позовет его к себе жить!

— Конечно, вправду. Время сейчас не такое, чтобы шутить. Сегодня же переходи ко мне, не то окоченеешь тут. Картошки оставим только для твоего пропитания, а лишнюю продадим государству. Хлеб, если он у тебя есть на самом деле, взвесим и положим на хранение. Мне твоего и зернышка не надо, у меня свое пока есть. Договорились?

Палля все еще колебался. И не потому, что не был согласен, а по другой причине...

— Это ты так говоришь, дядя Назар,— ответил он несмело.— А будет ли согласна бабушка?

— Моя старуха? Урине?

— Да, бабушка Урине. Года два назад я сдуру навел

в ваш огород ребят, и мы обобрали все грядки с огурцами и морковью... За это она приходила ругать меня к нам домой, а мать тогда вытолкала ее за ворота. Этого, конечно, бабушка Урине не забыла.

— Э, за это не бойся! Кто же весь век всякую мелочь помнит? Характер у моей старухи — золото, она всегда готова помочь людям в беде. Скажу ей — поймет.

— Если так...

— Да, да, сынок. Все будет в порядке.

Так, совсем неожиданно, Палля стал приемным сыном Назара Егоровича. Многих это весьма удивило: как же это такой строгий, не терпящий лишнего шума-гама, почтенный человек, как Назар Егорович, мог пустить в свой дом сына самой бедовой женщины, настоящего хулигана?..

Когда эта весть пошла по деревне, больше всех обрадовалась Рина Петровна. Ведь Палля был учеником ее класса, за судьбу этого мальчика и она была в ответе.

У Рины Петровны появилась надежда, что мальчик исправится.

Она не ошиблась. Ошиблись те, которые сомневались в пользе доброго поступка Назара Егоровича. После того как Палля перешел к нему, он будто родился снова, изменился неузнаваемо. Прежнего бахвальства, озорства и заносчивости как не бывало. Он снова стал ходить в школу и учился прилежно, от общих работ не уклонялся, как прежде, и по дому трудился.

Бабушка Урине, когда Назар Егорович в первый раз заговорил о Палле, действительно была против.

— Не валяй-ка ты, старик, дурака, не выживай из ума! — замахала она обеими руками. — С ним потом беды не оберешься!

После долгих пререпарателств Урине все же согласилась взять Паллю, но некоторое время относилась к нему недоверчиво и отчужденно. А недели через две, видя, что Палля ведет себя хорошо, стала ухаживать за ним, как за родным сыном. Когда соседки спрашивали о нем, говорила лишь хорошее:

— Осуждать мальчика не за что. Живут с Назаром, как отец с сыном.

Так резко изменилась жизнь Палли.

...Шло время. Солнце пригревало все больше и больше. Колхоз готовился к весеннему севу. Старый Пауль Киккас к той поре привел в порядок все плуги, бороны,

сеялки. Женщины со стариками и школьниками целую неделю вывозили на поле навоз. Ребята два воскресенья подряд ходили по дворам, собирали золу, птичий помет.

Занятия в школе шли нормально. Дети эвакуированных тоже учились хорошо, многие стали понимать русскую речь, немного разговаривали и по-чувашски.

— Это хорошо, очень хорошо,— сказал старый Пауль, услышав, как его внучка Эльга разговаривала с Марине по-чувашски.— Будет знать три языка: эстонский, русский и чувашский...

Амалия, готовя вечерами подарки для солдат, учила деревенских девушек кроить, шить. Она была большой мастерицей этих дел. Вместе со старшими к рукоделию стали привыкать и школьницы. Приятно создавать своими руками красивые вещи!

Рина Петровна, взяв на десять дней отпуск, съездила в Саратов к лежавшему в госпитале брату. Вернулась радостной — ее брат уже выздоравливал. Его, оказывается, за подвиги в боях с фашистами наградили орденом Красной Звезды.

Поездка была нелегкой, иногда поезд, на котором ехала Рина Петровна, простаивал на станциях по полсуток, но и об этом она рассказывала с радостью:

— По всем дорогам к фронту спешат воинские эшелоны. Сколько я их видела! Без конца едут солдаты, идет техника — танки, пушки, автомашины... Душа поет, как посмотришь на них! Гитлер давно бахвалился, что-де они уничтожили Советскую Армию, что у нее больше нет ни резервов, ни оружия. Однако смотришь — все есть у нас! Неиссякаема наша сила! Никто не одолеет ее!..

— Никто, дочка, никто. Это точно,— поддержал ее Пауль Киккас.

— Когда я рассказала о вас и передала привет, Федя, кажется, обрадовался этому больше, чем моему приезду,— сказала Рина Петровна, повернувшись к старому эстонцу.— Замучил меня расспросами. Как они доехали до нас? Все ли здоровы? Как дети? Учатся ли? Есть ли вести об Ильмаре? Обо всем спрашивал! Перед выездом наказал мне передать всем вам большущий салам, поцеловать всех ваших детей. И еще вот для вас прислал свою фотографию — снялся в госпитальной одежде...— Рина Петровна достала из сумки небольшую фотокарточку и вручила Паулю.

— Спасибо, дочка...— сказал старый эстонец, глядя на одетого в полосатую пижаму, опирающегося на два костыля знакомого парня. Глаза старика увлажнились.— Сынок...— Он поцеловал фотографию и передал ее Амалии, та долго всматривалась в нее, потом передала Яну.

— Ону Федья...— тихо улыбнулся Ян.

В избу к Рыбаковым вошла фельдшерца Антопина Клементьевна. Была она в мужской шапке, ватной фуфайке, на ногах — большие кожаные сапоги, в руках, как всегда, зеленая сумка с красным крестом.

— Проходи, Тоня, садись с нами,— приветливо встретила ее Ульга.— Рина Петровна нам о своем брате рассказывает, посиди и ты, послушай...

Фельдшерца повесила на гвоздь одежду, медленно прошла вперед, устало опустилась на табурет и тяжело вздохнула. Лицо ее было бледное, усталое.

— Что-нибудь случилось, Антонина Клементьевна? Не заболела ли ты? Вид у тебя какой-то... нездоровый,— с беспокойством спросила Рина Петровна.

— Я-то здоровая, со мной ничего не случилось,— покрасневшими глазами посмотрела на нее фельдшерца,— но меня постигло большое горе, не знаю даже, куда себя деть...

— Горе? Какое еще горе?

— Не с войны ли плохая весть пришла?— спросили одновременно Рина Петровна и Ульга.

— С фронта я вестей не жду, мой Сандор лежит в Перми в госпитале...

— Что ж тогда?

— Час тому назад умерла белоруска Аксана Дорожка...

— Умерла?! Как умерла?— испуганно вскрикнули женщины.

— Мать Петруся умерла, что ли? Которые живут у Мазяковых?— вскочил на ноги Илле, загрохотав табуретом.— Да ведь я только дней пять назад видел ее, как она в речке белье полоскала!

— То было пять дней назад, а сегодня вот... умерла... Я уж в правление сообщила, чтобы гроб сделали.

— Никак нельзя было спасти, да?

— Ах, и не говорите...— Антонина Клементьевна снова всей грудью горестно вздохнула.— Что было в мо-

их силах, я все сделала... Но спасти не смогла. Опоздала. Надо было раньше приняться за лечение. Неделю назад она была у меня, жаловалась на головную боль. У нее тогда начинался грипп. Я ей дала порошки и велела до выздоровления никуда не выходить. Но разве мы слушаемся врачей? Посидела она дома день, другой, видимо, почувствовала облегчение, постирала белье. Разогрелась, конечно, вспотела... Затем полоскать на речку пошла. Как случилось, не знаю, то ли голова у нее закружилась, то ли невзначай поскользнулась на льду... Угодила в прорубь. Ушла по грудь в ледяную воду. Женщины, бывшие на речке, тут же вытащили ее. Она побежала домой, надела сухое белье и, чтобы лучше согреться, легла на горячую печку, однако ее скоро бросило в жар. Хозяйка дома ночью прибежала ко мне. А я как раз в тот день в район, в аптеку, ездила. До половодья хотела лекарствами запастись. Так получилось, что возвратилась я лишь на вторые сутки ночью. Как только мне сказали, что несколько раз прибегал сын Аксаны, я тут же пошла к ним. Аксана лежала, как в огне, и бредила. Послушала я ее — пневмония, двухстороннее воспаление легких. Принялась лечить, старалась сбить температуру. Пользы получилось мало. Больная ненадолго успокаивалась и опять начинала бредить, метаться в постели... Около трех суток сидела я возле нее. Из сил мы с Алдати выбились, глаз не смыкали, а спасти вот не сумели. Сердце, видимо, не выдержало...

Антонина Клементьевна замолчала. В избе было тихо. Никто не мог вымолвить ни слова. Страшная весть, сообщенная фельдшерницей, выбила всех из колеи. Слишком уж неожиданно свалилось это горе!

— Завтра придется хоронить...— сказала Антонина Клементьевна после долгого молчания.— Что будем делать с ее детьми? Их у нее двое: сын лет тринадцати и дочка лет восьми,— кто их воспитает? Родственников у них нет...

— Петрусю уже пятнадцатый год. Это он из-за малого роста кажется моложе. А Калерии, его сестренке, девять,— сказал Илле, хорошо знавший белорусскую семью.

— Кто воспитает? Нам придется воспитывать, колхозу,— вздохнула Ульга.

— В Ишлеях есть эвакуированный из Ленинграда детский дом, можно попытаться устроить их туда, но там

и так на одной кровати спят по четверо,— заметила Рина Петровна.

— Сами воспитаем,— твердо и решительно повторила Ульга.— В нашей колхозной семье они не будут спронтами...

ПУТИ-ДОРОГИ

середине апреля, в начале половодья, в колхоз «Новое время» снова прибыла «райкомовская девушка» Нина Кулюкова. Она сразу же направилась на квартиру к Рине Петровне, с которой подружилась еще осенью. Обрадованные встречей, девушки крепко обнялись и поцеловались.

— Каким это добрым ветром занесло тебя в такое время? Не побоялась, что утонешь в какой-нибудь яме?— с улыбкой спросила Рина Петровна.

— Есть срочное дело. Опять нужна твоя помощь,— сказала Кулюкова.

— Если сумею — с удовольствием помогу!

Рина Петровна быстро подогрела чай, и они вдвоем уселись за стол. Нина сообщила:

— Ты, наверное, слышала, что в нашу республику из районов военных действий эвакуировали несколько заводов и фабрик,— сказала она.— Некоторые из них уже смонтировали и пустили в ход. Но для работы на этих предприятиях не хватает людей. Им требуется много квалифицированных рабочих, а где их найдешь? Надо набрать молодежь и срочно обучить. В городе открывают сразу две школы ФЗО. Одна будет готовить рабочих для электроаппаратного завода, другая — для текстильной фабрики. В первую будут принимать главным образом мальчиков, во вторую — девочек. Ткать материю — это ведь издавна было женским делом. Через шесть месяцев они станут разрядными рабочими... Вот и послали меня отбирать людей для этих школ.

— Сколько же человек ты хочешь у нас взять?

— Человек пять. Занятия начнутся после первого мая, поэтому откладывать дело нельзя. Как думаешь, найдем столько?

— Подумать надо. Пожалуй, найдем.

Девушки в тот же вечер пошли в правление колхоза. Когда они сообщили Назару Егоровичу о цели своего прихода, старик сказал:

— Так, значит, хотите готовить рабочий класс? Умно придумано. Нужно, очень нужно! Конца-то войны пока не видать. Кому работать? И в колхозе страдаем от недостатка рабочих рук. Но на заводах, конечно, особенно тяжело. Это понятно. Первого встречного к станку не поставишь... Хорошо, девушки, завтра поговорим с людьми.

Утром председатель позвал бригадиров, исполняющую обязанности директора школы Рину Петровну, комсомольского секретаря Виталия и провел совещание. Решали один вопрос: кого рекомендовать на учебу в ФЗО?

— Значит, прежде всего надо направлять детей фронтовиков, сирот, не так ли?— спросил Назар Егорович Кулюкову.

— В инструкции так сказано.

— Умно сделано. Матерям облегчение — там кормят, одевают, а когда окончат учебу, и деньгами им помогать будут. Что касается сирот, то они станут там квалифицированными рабочими...

У Назара Егоровича была привычка думать вслух. И в этот раз он, оглядев собравшихся людей, проговорил про себя: «Соображайте, товарищи. Это ведь важное государственное дело!»

— Нет ли сирот среди эвакуированных?— вдруг спросила Кулюкова.— Их тоже не надо забывать...

Все сразу вспомнили о Петрусе Дорожке.

— У него на днях мать умерла, они остались вдвоем с сестренкой,— сообщил Виталий «райкомовской девушке».

— Как, товарищи?— спросил Назар Егорович.— Помоему, будет хорошо, если направим его. А девочку сами содержать будем.

Никто не стал возражать. Вспомнили и эстонскую девочку Ильзу — отца нет, мать нездорова.

— И ее надо послать,— сказал Назар Егорович. Потом продолжил: — А если и моего Паллю? Как думаете? Я говорю не потому, что хочу освободиться от мальчика. Нет, я уже полюбил его, парнишка толковый, но мне хочется сделать из него настоящего человека. Пусть на всю жизнь получит специальность.

Когда Назар Егорович, вернувшись домой, расска-

зал в нескольких словах о ФЗО, Палля обрадовался. — В городе жить придется? И работать будут учить? И одевать, и кормить будут? Поеду!.. — сказал он твердо. — Только, чтобы без обману!

— Правда, сынок, но помни: вести себя надо будет примерно, учиться тоже усердно. Шалтай-балтаев за счет государства содержать не станут, сам должен понимать, — предупредил Назар Егорович.

— Об этом и разговору нет. Понимаю, — сказал Палля.

Петрусь Дорожка тоже, когда узнал, что его направляют на учебу, обрадовался. Вечером он с Алдати — матерью Аркаша — говорил как взрослый.

— Нам с сестренкой теперь надеяться не на кого... Мать умерла, где отец — не знаем, жив ли он, может, давно погиб? Окончив школу, я начну зарабатывать деньги и смогу помогать Калерии.

— Правильно думаешь, сынок, — согласилась Алдати. На ее глаза навернулись слезы. — Что поделаешь, если жизнь так обернулась... О сестренке ты не беспокойся. Я ее никуда не отпущу, буду растить как свою дочь. Об этом я и Назару Егоровичу сказала. Надежно будет...

— Ты очень добрый человек, тетя Алдати. Мы век тебе будем благодарны... — у Петруся показались слезы, и он, чтобы их не заметили, отвернулся к окну и стал смотреть на улицу.

Аркаш молчал. Он сидел грустный-грустный. За год белорусский мальчик стал для него почти родным братом. И вот им приходится расставаться. Но ничего не поделаешь, пути-дороги у людей бывают разными...

...На следующий день Назар Егорович запряг в телегу пару надежных лошадей и, посадив пятерых ребят, повез их в Чебоксары. Двое суток провел он там. А когда вернулся, позвал Рину Петровну и Виталия, удовлетворенно сообщил:

— Всех устроил. Мальчики будут рабочими по части электричества, а девочки — ткачихами. Заходили и в школы, и в общежитие. Приличные, как у солдат. Каждому дали койку, матрац, подушку, одеяло — все, что надо! Уже всех одели. Такими молодцами стали наши ребята — и не узнаешь. Но когда меня провожали, опечалились, бедные... Конечно, не привыкли еще жить на чужбине. Девочки со слезами просили: будете в городе — пожалуйста, не уезжайте, не повидавшись с нами. Как умел, успо-

коил их: сказал, что через полгода привыкнете к городской жизни и забудете деревню. Нет, говорят, нет, родной дом вовек не забудем... Одним словом, от нашего колхоза будет пятеро рабочих...

...Мальчики первое время сильно скучали по дому, но постепенно привыкли. Утром их выводили на физзарядку, затем они умывались, заправляли постели и строем отправлялись в столовую. После завтрака их усаживали за учебу — пять часов каждый день. На стенах класса повсюду висели чертежи разных станков и их частей. На уроках преподаватели — заводские мастера, инженеры — чертили на доске разные схемы, фигуры. Приходилось слышать и запоминать никогда не слышанные слова: станина, бабка, подшипник, суппорт... Заучивать названия инструментов: резец, кронциркуль, штангенциркуль, индикатор...

Как-то в один из первых дней, во время перемены, Палля подошел к Петрусью, тихо спросил:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не очень, — сказал Петрусь.

— А я ничего не понимаю. Сижу, как дурак. Если и дальше так будет, придется бросить учебу и уехать. Какая польза? Лучше уж в колхозе работать...

— А ты не пугайся, понемножку начнем понимать. Люди же учатся.

— Значит, люди умнее меня. У меня голова, видать, как у дурного барана, ничего в нее не лезет.

И правда, вначале учеба им давалась трудно. Преподавателей они слушали внимательно, выданные им учебники читали усердно и все-таки многого не понимали. Но когда их повели на завод и показали, как работают станки, ребята сразу как бы прозрели. Оказывается, не очень-то страшно!.. Недели две-три наблюдали за тем, как на токарном станке работали старые рабочие. А потом они стали приучать к делу «фабзайчат»: показывать, как надо устанавливать на станки чугунные отливки, зажимать резцы, пускать станки в ход, измерять в ходе работы и доводить детали...

Для обучения были выделены подержанные станки. Они были довольно высокими, поэтому ребята пониже ростом подставляли под ноги деревянные ящики. Видя, как мальчишки работали, взобравшись на ящики, рабочие пошучивали между собой:

— Скоро, наверное, в цехе зыбки повесим. Будет очень

хорошо: эти мальцы порабатают-поработают и в зыбку — соску сосать...

— Ничего, вырастут! Еще перегонят нас! — говорили другие. — У них же все впереди!

...Девочек, прибывших вместе с ними в город — Саньку Иванову, Ильзу Ребане и Аню Чумбар, — Петрусь и Палля не видели около месяца. Они не знали, где жили девочки, где расположена их фабрика.

— Хорошо было бы навестить девчат, — не раз говорил Петрусь.

Недолюбливавший девчонок Палля не очень-то тяпулся к ним.

— Э, что делать с этими плаксами! — отмахивался он.

В один из воскресных дней, после завтрака, девочки сами заявили к ним.

— Нашли наконец! — радостно закричала Санька, девочка с черными, как спелая черемуха, глазами и остреньким носом. — Почему вы прячетесь от нас? Нигде вас не встретишь! Мы уже думали, что вы бросили учебу...

— Ничего не прятались, — ответил Петрусь. — Вы сами не показываетесь.

— Нет, не мы, а вы сами нарочно не хотите с нами встречаться. Мы вечерами и на улице выходим, и на Волге бываем. Три раза в кино ходили.

— У нас времени нет шляться по городу, — сказал Палля, косо поглядывая на незваных гостей. — Заняты.

— Ой, работяга нашелся, — скривила губы Санька. — Ты что, и сейчас, как дома, жить отдельно от народа хочешь?

Бойкая девочка потянула Паллю за нос.

— Уйди! Тоже мне народ... — Палля засмеялся.

— Ну, как живете-то? Привыкаете? Что вас заставляют делать? — стал расспрашивать Петрусь.

— Нас заставлять не надо, мы сами к работе рвемся! — шутиливо сказала Аня. — А обучают нас цолотно ткать. Когда в первый раз пришли в цех, голова кругом шла, очень испугались. Станков по двести стоят в каждом ряду и все страх как шумят — стук-стук, стук-стук... — Аня показала руками, как быстро работают станки. — Люди разговаривают друг с другом, крича прямо в ухо... В цехе мы были только с час, пока нас старые работницы знакомили с правилами техники безопасности, а потом до вечера гул стоял в ушах: стук-стук, бум-бум... На другой день то же самое было... «Мы здесь или сойдем с ума, или

навек останемся глухими», — сказала я тогда своим девочкам...

— Я тоже так думала... — улыбаясь, сказала эстонка Ильза.

— А потом как же? — спросил Петрусь.

— Дней через десять привыкли. Каждую из нас прикрепили к отдельным ткачихам. Сначала мы наблюдали за тем, как они работают сами, что и как делают. Больше всего надо следить за ходом ниток, вовремя замечать обрыв и быстро связывать порвавшую нить. Если хоть одна порвется, хорошей ткани не будет, — объяснила Сапка. — Вся трудность в том, что нельзя упустить ни одной секунды, так как станок не останавливается, все время тянет нитку вперед...

— Э, да ты совсем стала мастером! Похоже, ты скоро других начнешь обучать? — усмехнулся Палля.

— А что особенного? — резко повернулась к нему Сапка. — Думаешь, не стану? Все мое время. Об этом нам уже говорили. Фабрика будет расширяться, и людей понадобится много. Осенью у нас откроется текстильный техникум, вечерами можно будет учиться... Годика через два или три все равно мастером будут. Вот увидишь!

— Молодец, Санюк! Правильно говоришь! — поддержал ее Петрусь. — Я тоже хочу учиться. И у нас поговаривают об открытии техникума. Хорошо было бы!

...Долго сидели ребята вместе, дружно беседуя между собой. К вечеру, по предложению Петрусы, все вместе пошли в кино.

ВСЕМ НАРОДОМ

езаметно сошел снег, под теплыми лучами солнца созрела земля для посева яровых и посадки овощей. Назар Егорович и бригадиры в те дни совсем не давали людям отдыха: всех выпроваживали в поле. Собственно, людей и принуждать было нечего — каждый сам горел желанием быстрее завершить весенние работы. Поэтому в колхозе не осталось ни одного метра нераспаханной и незасеянной земли.

Школьники тоже трудились, не зная покоя. После уроков быстро бежали домой и, наскоро пообедав, спешили в поле. Некоторые мальчики пахали, боронили; девочки сажали картофель, овощи. И не только это. По просьбе Рины Петровны Назар Егорович разрешил распахать гектар залежной земли в низине, которая раньше совсем не использовалась. Ребята посадили там капусту, помидоры, несколько грядок клубники, посеяли огурцы и морковь.

— Пусть это будет у нас «фронтной огород», ребята, — предложила Рина Петровна. — Когда овощи и ягоды созреют, мы их отдадим Советской Армии...

Детям эта мысль очень понравилась. Все лето они хлопотали в низине, никто не пропустил своей очереди. Поскольку огородить участок было невозможно, дети сами сторожили «фронтной огород», чтобы посадки и посевы не повредила скотина.

...Летние месяцы 1942 года опять были тяжелыми для нашей страны. Дикая мечта гитлеровцев ворваться в Москву зимой не осуществилась, советские воины сокрушительным ударом разгромили и отогнали фашистов от столицы на сто пятьдесят — двести километров. В Ленинград гитлеровцы тоже не сумели войти — героический город стоял как стальная крепость, своим мужеством удивляя весь мир. В течение зимы у немецких захватчиков и на других фронтах особых успехов не было. Но, собрав новые силы, летом Гитлер бросил своих головорезов на юг Советской страны. Нашим войскам во многих местах снова пришлось отступить.

В сводках Совинформбюро все время следовали щемящие душу сообщения: «После ожесточенных боев наши войска оставили...»

Но, как бы ни было тяжело, советские люди не теряли надежды очистить родную землю от фашистской погани, вернуть обратно свое счастье. Нет, не теряли! Те, что были на войне, сражались еще отважнее, еще более мастерски, а те, что остались в тылу, работали, не зная ни дня, ни ночи. Рабочие заводов неделями не уходили из цехов, изготавливали оружие. Колхозники давали для фронта хлеб, мясо, шерсть, кожу для одежды и обуви.

— Все для фронта, все для победы!..

В тот год надо было сдать хлеба намного больше, чем в прошлом, потому что врагу удалось захватить наиболее хлебные районы.

Люди это понимали очень хорошо. Убрали хлеб с по-

лей до зернышка. Дети тоже не стояли в стороне, каждый случайно упавший колос аккуратно собирали в мешки.

Одни жали рожь, другие молотили, третьи, погрузив на подводы мешки, отвозили их в Чебоксары на заготовительный пункт. Этим руководил комсомольский секретарь. Хлеб возили чаще всего мальчики. Мешки они поднимали втроем-вчетвером.

Илле с Аркашом тоже раз пять ездили с хлебом. Выезжали рано, с восходом солнца, а возвращались вечером, когда с выгона пастухи гнали стадо. К счастью, погода стояла хорошая. Если бы шли дожди, пришлось бы очень туго. От деревни до шоссе километров шесть, дорога в ямах и рытвинах, на пути два оврага.

Однажды, в Чебоксарах, ехавший на передней подводе Виталий остановил лошадь у «зеленого базара».

— Погодите-ка, ребята. Видите, квас продают? Давайте, выпьем по кружке! — сказал он, спрыгивая с телеги. — Наверное, все пить хотите?

Он угадал. У ребят, полдня пробывших на солнцепеке, давно пересохло в горле. Предложению своего «старшего» они очень обрадовались, Виталий брал кружку за кружкой и передавал ребятам. Первым получил Аркаш. Он осушил кружку залпом.

— Э-эх, какой хороший! — сказал он и вытер губы рукавом. — Я бы целое ведро выпил!

— Не слишком ли много, сынок? — сказал подошедший к киоску давно небритый солдат. — Оставьте и мне, коли так вкусно...

Все обернулись к нему. У солдата были забинтованы рука и щека. Ребята с удивлением смотрели на него. Те, что держали кружки, даже перестали пить. Было ясно, что солдат возвращался с фронта.

Солдат подошел к киоску и, достав деньги, сунул в окошко.

— Доченька, — сказал он, — налей-ка и мне кружечку.

Только он произнес это, как стоявший в оцепенении Аркаш кинулся к нему и громко закричал:

— Папаня!

Отца он узнал по голосу. В тот же миг и солдат узнал Аркаша, обнял его здоровой рукой, прижал к себе.

— Сынок! Аркаш! Вот как мы с тобой встретились...

У солдата хлынули слезы. Он несколько раз поцеловал сына...

— Счастливые! — сказала какая-то женщина, вытирая платком глаза. — Везет же людям! А у меня там три сына и ни одной весточки... Как в воду канули...

Наконец отец отпустил Аркаша и посмотрел на других ребят.

— Да тут, кажись, весь наш колхоз? Сразу-то и не заметил...

— Все свои, Матвей Ильич! Салам тебе! — протянул руку Виталий. — Хлеб возим. Каждый день приезжаем вот этой ребячьей командой.

— Молодцы! Солдат без хлеба не воин...

Ребята, осмелев, окружили бойца и наперебой стали его расспрашивать:

— Нашего батьку там не видел, дядя Матвей? Я сын Большого Арсентия.

— Не встречал ли Смирнова Николая?..

— Нет, ребята, односельчан видеть не довелось, — вздохнул солдат. — На войне народу много. Попробуй, отыщи знакомого. Правда, иной раз бывает. В госпитале со мной лежал парень из Кинер. Он и сейчас еще там...

— А ты насовсем, что ли? — спросил Илле. Он от души был рад за друга и в то же время завидовал ему: Аркаш глаз не спускает с отца, а его батька... Где-то он?

— На побывку, — ответил солдат. — На два месяца, пока рана не заживет...

— А потом опять на фронт? — вздрогнул Аркаш.

— Да, сынок! — погладил его по голове отец. — Нам надо драться до победы.

— А когда война кончится, дядя Матвей?

— Как побьем всех фашистов, так и кончится.

— А когда их побьем?

— Это трудно сказать. Но в это надо верить!

Во время разговора фуфайка на солдате немного распахнулась, и ребята ахнули.

— Ой, дядя Матвей! У тебя орден! — воскликнул Илле.

— Как видишь.

— Покажи, покажи! Еще никто из наших деревенских не приходил с наградой...

Все уставились на грудь отца Аркаша, на новенький орден Красной Звезды.

— Ух, папка! — прижался к отцу Аркаш. — Вот какой ты у меня...

В этот момент у Илли мелькнула мысль: «Может, и наш отец получил орден...»

Когда возвращались домой, на передней подводе сидели четверо: Аркаш с отцом, Виталий и Илле. Всю дорогу — около сорока километров — старший сержант Матвей Ильич Мазяков рассказывал об ожесточенных боях, о том, как он был ранен и как его спасла храбрая девушка-санструктор.

— Тяжело, тяжело нам, сынки, — сказал он напоследок, — но умные люди говорят: скоро на фронтах произойдут очень большие перемены. Не зря, думаю, говорят. Чую, готовятся у нас мощные силы...

САДУ ЦВЕСТЬ...

старший сержант Мазяков прожил дома не два, а все четыре месяца. Рука поправлялась медленно. Дважды он был на комиссии в райвоенкомате, и каждый раз ему продлевали отпуск на месяц.

— Пока твои пальцы не будут играть, как пальцы гармониста, ты — не солдат. Кормить тебя казенным хлебом не стоит, — шутливо сказала ему на второй комиссии женщина-врач.

Привыкший сызмальства к труду храбрый фронтовик, хоть и был ранен, ни одного дня не сидел дома, старался чем-нибудь помочь колхозу. В первое время был учетчиком, а когда заболел один из бригадиров, заменил его. Осенью, когда копали картошку, Мазяков несколько раз сопровождал в город обозы со «вторым хлебом».

Но самая большая его подмога колхозу была в другом.

Дня через три после приезда Матвей Ильич пошел в Волчий лог, что за деревней. Там до войны колхоз на нескольких гектарах заложил сад. Выхаживать деревца помогал учитель биологии Иван Фомич. И Матвея Ильича прирастил он к садоводству.

«Растет ли наш сад?» — думал Матвей Ильич по дороге. Пришел... Первая военная зима была такой суровой, что молодые яблоньки сплошь вымерзли. Три

года кропотливого труда Матвея Ильича пошли прахом.

Очень расстроился солдат. Он сел на склоне оврага и задумался. Перед его глазами вставали цветущие белым цветом яблони. Затем он представил их склонившимися до земли от тяжести плодов. Об этом мечталось Матвею Ильичу, когда он целыми днями работал здесь, в Волчьем логе.

Он сидел долго, потом встал и медленно побрел домой. Отойдя немного, обернулся и еще раз посмотрел на то место, где был сад...

— Сад-то наш погиб, сынок,— сказал он Аркашу, придя домой.— Сейчас только был там...

— Да, папа...

— Очень жалко!

— Жалко, да что поделаешь?

— Что-нибудь надо делать, Аркаш,— произнес он затем.— Кто у нас в деревне комсомолом заправляет?

— Виталий.

— Кликни-ка его вечером. Мне надо потолковать с ним.

С того разговора все и началось. До прихода Виталия к Мазяковым зашел Назар Егорович,— это было еще лучше.

— Колхозный сад надо возродить, дорогие мои,— сказал Матвей Ильич.— Хотя бы половину его! Посадочный материал найдем. В Цивильском плодпитомнике у меня есть старый знакомый, он мне поможет. Но прежде всего территорию надо кругом огородить, без этого нового сада не будет. Как думаете?

— Мысль хорошая, да рук не хватает,— неуверенно сказал Назар Егорович.

— Вот их позовем,— кивнул Матвей Ильич в сторону Аркаша.— Сад-то для них будет, пусть они постараются!

— Для изгороди досок не найдем.

— В Телячьем логу много старых ветел. Штук пять срубим, распилим, расколем и обтешем,— сказал Виталий.

Так и договорились.

...Через месяц изгородь была готова. Работали не только ребята, но и взрослые. Даже пионерский «подшефный» Педер Маркки целых две недели не выпускал из рук топора: с утра до вечера тесал планки для изгороди.

Осенью Матвей Ильич, взяв с собой Аркаша и его неразлучного друга Иллю, привез из Цивильска на двух

подводах молодые саженцы. Ребята вырыли ямы и рядами посадили деревца. Матвей Ильич не отходил от детей ни на шаг, учил их, как и что надо делать.

Так в «Новом времени» родился новый сад, и все единодушно назвали его «Садом Победы».

Слова Матвея Ильича о предстоящих в ближайшее время переменах на фронтах подтвердились. Девятнадцатого ноября 1942 года наши войска начали контрнаступление под Сталинградом и вскоре взяли фашистские войска в железное кольцо. А через два месяца радио сообщило:

«Немецкая трехсоттысячная армия в Сталинграде наголову разбита, командующий армией генерал-фельдмаршал Паулюс вместе со своим штабом взят в плен и капитулировал...»

В первую военную зиму весь народ был обрадован вестью о разгроме немцев под Москвой. Во вторую зиму такую же радость принесло сообщение о разгроме фашистских войск под Сталинградом. После этого Советская Армия стала неуклонно продвигаться на запад, нанося врагу удар за ударом.

— Скоро мы вернемся, разгромив врага! — сказал Матвей Ильич, уходя после выздоровления опять на фронт. — Живите тут хорошо, ждите нас!

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

а год семья Киккасов совсем привыкла к местной сельской жизни. Старик стал уважаемым в колхозе человеком. Встречаясь с председателем, он подолгу говорил с ним о неотложных делах. Назар Егорович и сам любил советоваться с ним — толковый старик! Амалия работала на ферме. Эстонские дети стали свободно говорить по-чувашски, от деревенских ребят они отличались лишь своими белокурыми волосами и ярко-синими глазами.

Ян никогда не разлучался с Илле. Аркаш даже малость ревновал Илле к Яну. Юули и Эльга заметно подросли. Юули вместе со сверстниками стала помогать колхозу.

Одно горе было в семье старого Пауля: они долго не знали, где их Ильмар. Не проходило дня, чтобы семья не вспоминала о нем. Вечерами, когда все собирались дома, Киккасы вынимали фотографию, подаренную Ринной Петровной, и долго рассматривали ее. Амалия тихо плакала:

— Где ты, любимый мой человек? Хоть что-нибудь знать бы о тебе! Если ты жив, конечно, вспоминаешь нас, видишь во сне... Ах, Ильмар, Ильмар, наше счастье, наша радость! Неужели ты погиб!..

Проходил день за днем. Печаль в сердце не таяла. И вдруг пришла радость...

В начале января, когда приболевший старый Киккас один-одинешенек лежал дома, откуда-то вернулся Илле. Вместе с ним заглянул и Виталий.

— Можно, Пауль Оскарович?— спросил Илле, постучав в дверь передней.

— Конечно! Что это ты спрашиваешь словно посторонний человек?— удивленно ответил Пауль.

— Да я не один...

— Заходите, заходите!

Илле и Виталий прошли вперед, Виталий тепло поздоровался со старым Киккасом. Затем Илле и Виталий сели на табуреты и почему-то переглянулись.

— У вас, молодые люди, кажется, что-то есть сказать мне?— догадался Пауль.

— Есть! — выпалил Илле и вскочил с табурета.

— Тогда говорите.

— Виталий, читай! — как бы подавая команду, сказал Илле.

Виталий достал из кармана сложенную вчетверо газету и, положив ее на колени, расправил рукой.

— Опять хорошие вести в газете?— Пауль поднялся с постели и сел на табурет.— Какие города еще взяли наши?

— Вот услышите,— сказал Илле.

Виталий посмотрел на него, потом на Пауля и, не торопясь, прочитал:

— «После ожесточенных боев... войска Калининского фронта полностью освободили город Великие Луки...»

— Очень хорошо, очень! — радостно кивнул головой Пауль.— Еще какие города упоминаются?

— «В этих боях активно участвовала эстонская дивизия...»

— Что, что? — вскочил на ноги Пауль.

— «Активно участвовала эстонская дивизия», — еще раз прочел Виталий.

— Ой, неужели есть такая дивизия? — удивился старик. — Наша, эстонская дивизия? Вот это здорово! Это хорошо!

— Если написано в газете, значит есть! — вставил Илле. — Читай, Виталий, дальше!

— «В эстонской дивизии особенно...» — Виталий остановился, посмотрел старику в глаза и стал перечитывать снова: — «В эстонской дивизии особенно отличился в боях батальон капитана Ильмара Киккаса. Его батальон первым ворвался в город...»

Старик вдруг изменился в лице и, пятясь назад, снова сел на постель, прошептал:

— Ильмар... Ильмар Киккас? Сын мой!

— Конечно, ваш! — уверенно сказал Илле, увидев, как сильно взволнован старик. — Вот он у вас и нашелся!

— Прочтите-ка еще раз...

Виталий охотно выполнил его просьбу. Затем старик взял газету из его рук и, торопливо надев очки, стал читать сам. Газета в его руках дрожала, как на сильном ветру. Потом он сунул ее в карман, надел подаренные Назаром Егоровичем полушубок и шапку из телячьей кожи, выбежал из дома.

— На ферму пошел, сноху порадовать, — тепло улыбнулся Илле, посмотрев в окно.

— Кто же не обрадуется, если вдруг найдется пропавший человек?

...В тот день в доме был настоящий праздник. Амалия и Ульга приготовили хороший обед. Назар Егорович принес бутылку ягодного сладкого вина. Пауль пригласил живших в деревне двух своих земляков и Рину Петровну с Антониной Клементьевной. Долго сидели гости, радостно и шумно беседуя. Разговор шел о войне, о родственниках, что находились на фронте, о победах наших войск над врагом. Старый Пауль несколько раз перечитывал газету, где упоминалось имя его сына, смеялся и плакал от радости.

— Завтра же напишу в Москву, в Комитет обороны, запрошу адрес эстонской дивизии, — сказал он. — Скажу: так и так, мой сын сражается там., Попрошу адрес. Дадут же они мне ответ?

— Известно, дадут, — согласился Назар Егорович.

Эту мысль все одобрили. Если найден след человека, то можно разыскать и его самого.

Письмо утром составила Рина Петровна.

Через неделю семья Киккасов начала ждать ответа. Старый Пауль почти ежедневно спрашивал Варьку-почтальонку:

— Мне ничего нет?

— Пока нет, видимо, еще пишут, — подшучивала почтальонка, но ее шутки не обижали человека, жившего надеждой. При встрече он снова спрашивал:

— Девушка, мне письма нет?..

Прошел месяц, начался второй, а ответа из Москвы все не было. Киккасов снова охватила тревога. Старый Пауль поник, стал неразговорчив, ходил, что-то бормоча себе под нос. Амалия спала с лица, по ночам часто всхлипывала. Ульга, как могла, старалась ее успокоить:

— Таких писем, как ваше, наверное, туда приходит очень много, где же всем сразу успеют они ответить? Коли столько ждали, подождите еще немножечко, ответ обязательно придет...

Старый Пауль не вытерпел, пошел к Рине Петровне, попросил написать еще одно письмо.

— Кто знает, может быть, то письмо затерялось?

— И такое может случиться, — согласилась учительница.

Они снова написали в Комитет обороны. Но второе письмо не пришлось отправлять — в тот же день Варька встретила Пауля на улице и вручила ему пакет с сургучной печатью. Пауль дрожащими руками вскрыл его и тут же застыл. Письмо пришло не из Москвы, а с фронта, из эстонской дивизии. В нем было написано:

«Капитан Ильмар Киккас в одном из боев был тяжело ранен и отправлен в тыл. О местопребывании его в настоящее время командование дивизии не знает...»

Пауль долго сидел задумавшись, потом положил письмо в карман и, как в тот раз, пошел на ферму — сообщить снохе. Вечером обе семьи — Киккасы и Рыбаковы — об этом говорили допоздна. Как, куда ранен? Не останется ли без рук и ног? И таких ведь немало... И куда его отправили, в каком городе лежит?

— Если бы знали адрес, как-нибудь свиделись бы с ним, — сказал старик. — Вон, Рина Петровна благополучно

съездила к брату... И мы бы так сделали. Пешком пошли бы!

— По-моему, сейчас особенно беспокоиться нечего, — сказала Ульга. — В госпитале обязательно его вылечат...

— И это правильно, — согласился Пауль. — Надеяться надо.

«ШАЙТАН» В УПРЯЖКЕ

олхоз опять готовился к весеннему севу — к встрече второй военной весны. Было ясно, что нынче будет труднее, чем в прошлом году. Правда, у Назара Егоровича посевного материала было достаточно, он его еще осенью, сразу после молотбы, отобрал и очистил. Из этого драгоценного фонда не израсходовали ни одного зерна. Пугала вспашка и обработка земли. В колхозе резко уменьшилось количество лошадей — среди зимы пришлось отправить для фронта еще целый десяток. А для армии берут лишь самых сильных лошадей. В колхозе остались только старые клячи да стригунки.

С районного совещания, где шел разговор о весеннем севе, Назар Егорович вернулся в очень плохом настроении.

— Видимо, нынче нам МТС ни одного трактора не даст, — сообщил он, собрав бригадиров. — Директор сказал, чтобы мы и не надеялись, и не ждали...

— Почему же так? — удивились те.

— Говорят, что у нас еще есть лошади, управимся своими силами, а в некоторых колхозах осталось всего по три-четыре коня, да и те еле ноги таскают.

— И у нас нечем похвалиться... Старые да недоростки...

— С сегодняшнего дня не запрягайте ни одной лошади. Пусть отдохнут, наберутся сил. Вся надежда на них. Жеребят-двухлеток надо приучать к упряжке, с борной ходить будут — и то старым лошадям облегчение...

— Кое-где запрягают быков, почему бы и нам не запрячь своего? Зря болтается по деревне, — сказал Сар-Тимухха.

— Я об этом уже думал, пожалуй, придется попробовать запрячь этого шайтана...

— Однако связываться с ним опасно, как к нему подойдешь? Может пырнуть и кишки выпустить,— подтрунивая над Назаром Егоровичем, подмигнул Тимухха.— Мы и запрячь-то его не сумеем.

— Нагрузим потяжелее, не пырнет,— председатель притворился, что не заметил насмешки.— А ходить в упряжке научит его Павел Оскарович, у них в Эстоши, говорят, на быках так же работают, как на лошадях.

— Попросим его в таком случае, пусть поможет.

— Я с ним уже говорил. Он сказал, что надо запрягать не только быка, но и яловых коров.

— Ну, это уже лишнее, коров трогать не надо,— вдруг вступила в разговор Ульга.— Что же это получится? И молоко пьем, и ездим на них? Как говорят старики, грех будет. Эдак вы договоритесь до того, что и коз надо запрягать!

— Запрягать коз никто не думает, ты это зря болтаешь,— ответил Назар Егорович довольно сердито.— А если станем запрягать яловых коров, никакого греха тут не будет. Молока от них на три копейки, а корма пожирают наравне с другими. Пусть работают!

...Дня четыре улица гремела. Ребята кричали, смеялись, визжали, бегали. По поручению Назара Егоровича мальчики запрягали жеребят в легкие сани и приучали ходить их в упряжке. Те, перепугавшись, то пятились назад, то вдруг кидались вперед, мчались, как бешеные, и, сбившись с дороги, тонули в снегу. Больше всего ребята смеялись над Аркашом. Он несколько раз опрокидывался вместе с санями. Извальный в снегу так, что ни лица, ни глаз не было видно. Напоследок, не в силах заставить жеребенка слушаться, он посадил на сани других ребят, а сам повел его под уздцы. Но и так дело не пошло, кто-то стегнул жеребенка прутом, и тот, отскочив в сторону, затянул Аркаша в сугроб...

Несмотря на трудности, все же объездили, обучили несколько жеребят ходить в упряжке.

Илле вместе с Паулем Оскаровичем, Назаром Егоровичем и еще двумя колхозниками взялся приручить быка. Его запрягли в большие дровни, на дровни положили два кряжа. Глаза быка сразу налились кровью, он дико замычал, встал на колени, потом сел на задние ноги, как собака, а когда его крепко хлестнули кнутом, вскочил и,

помчавшись, налетел на ворота из жердей, вдребезги разбил их и забежал во двор. Когда попытались вывести его оттуда, он лег на бок и ни за что не захотел вставать... С большим трудом, потягивая за продетое в ноздри кольцо, быка подняли на ноги и вывели на улицу. Но тут он сломал оглоблю...

— Вот негодник! — рассердился Назар Егорович. — Бывает же такое животное! Сдать его надо заготовителям... на мясо.

— Не волнуйся, хозяин, все равно одолеем его, — возразил Пауль. — Через несколько дней будет как шелковый!

И правда, через два дня грозного быка сделали послушным, и он немало поработал потом для колхоза. Все большие тяжести перевозили на нем. Озорничать и пугать людей перестал, стал смирным, как теленок.

— Не знал, не знал, — сказал Назар Егорович, посмеиваясь. — Давно надо было его обломать в упряжке! Озорничают, оказывается, от безделья!

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

едалеко от «Нового времени», на одном из участков шоссе на дороге Казань—Горький, работал другой пожилой эстонец Мадис Ноот. Он был дорожным мастером. Одиноким человек. Во время эвакуации его жена умерла прямо в поезде. Старик был молчалив и только в работе отводил душу.

Однажды Мадис Ноот узнал от кого-то, что в колхозе «Новое время» живут его земляки, и, взяв на два дня отпуск, отправился в путь. Когда он прибыл в «Новое время» и расспросил, где проживают эстонцы, его сразу же направили в дом Рыбаковых, потому что Пауль Киккас в деревне был известен больше, чем другие. Старика, все время стучавшего в кузнице и часто ходившего вместе с председателем колхоза, знали даже малыши.

Собираясь после обеда пойти на работу, Пауль вышел на улицу, и они встретились у ворот. Узнав по лицу, что

этот старик не из чувашей, Мадис Ноот сразу же поприветствовал его по-эстонски:

— Тэрэ-тэрэ!

Пауль сильно обрадовался человеку, говорящему с ним на родном языке, и первым протянул ему руку:

— Тэрэ-тэрэ, родной...

Земляка он радушно пригласил в избу. Они познакомились, Пауль быстро вскипятил чай, положил перед неожиданным гостем затвердевшие конфеты-подушечки, нарезал хлеб, и между ними начался долгий-долгий разговор.

До установления в Эстонии Советской власти Мадис Ноот работал у одного таллинского капиталиста. Тот, взяв у тогдашнего буржуазного правительства подряд на строительство и ремонт дорог и мостов, нанял две тысячи человек и страшно разбогател. Работа строителей была невыносимо тяжелой. Они добывали камни, возили песок, варили и настилали асфальт, но заработка едва хватало на пропитание.

— Да, такая была наша жизнь при буржуях,— тяжело вздыхал Пауль, слушая этот рассказ.— Мы трудились до изнеможения, а они на деньги, нажитые нашим горбом, строили дворцы, ездили на самые лучшие курорты мира... Что и говорить!

Рабочие более десяти раз подавали петиции с требованием повысить заработную плату, но у «короля дорог» был один ответ: «Кто не хочет работать у меня, того я не задерживаю. Вместо одного человека сегодня же найду двадцать».

Наконец рабочие направили к хозяину в Таллин делегацию из десяти человек. В их числе был и Мадис Ноот. Хозяин прикинулся приветливым. Когда прочел петицию, сказал: «Нам нельзя друг с другом жить в ссоре, я понимаю ваши нужды, поэтому со следующего месяца приказу повысить плату». Делегация, поверив ему, даже поблагодарила его, но у выхода из дворца рабочих уже ожидали полицейские. Как только делегаты вышли на улицу, они схватили их, бросили в закрытую машину и сразу отвезли в тюрьму. Через неделю состоялся суд. Всем десятерым, обвиненным «в призыве рабочих к восстанию против правительства», дали по три года тюремного заключения.

Более двух лет отсидели рабочие без всякой вины и вышли на свободу только в июне 1940 года, когда было

свергнуто буржуазное правительство и установлена народная власть. Мадис Ноот и его товарищи хотели изловить своего бывшего хозяина и поставить его перед судом. Но он, погрузив свои богатства на корабль, успел сбежать в Швецию...

— При Советской власти меня сделали председателем союза дорожных рабочих, — рассказывал Мадис Ноот, отхлебывая остывший чай. — Я старался делать все, что мог, для улучшения их жизни. Не хвалясь скажу — любили меня рабочие. Но вот... началась война. От бомбежки погибла моя единственная дочь Пооли. Она ехала в трамвае, в который угодила бомба. Никого не осталось в живых... — Мадис Ноот горестно вздохнул. — Затем немцы захватили Таллин, пришлось бежать в Россию. Может, я там и остался бы, пошел бы в партизаны или еще куда, по моя жена после гибели дочери тяжело болела, ее нельзя было оставить одну. Всю дорогу мучился с ней. Нам надо было в Свердловск, но она умерла не доезжая Казани, и мне поневоле пришлось сойти с поезда. Похоронил я ее кое-как... Затем стал искать работу. Пошел в городской комитет партии, рассказал, что я был и дорожным мастером, и трактористом, и шофером. И меня направили на строительство дороги Казань — Горький. Когда закончили дорогу, пришлось тут и остаться. Куда поедешь? Известно, скучно... Знакомых нет. Все время вспоминаются Пооли и жена, иной раз готов утопиться, ей-богу! Когда узнал о том, что в этой деревне есть эстонцы, немного ожил. Как бы то ни было, решил повидаться. Подумал, что, повидав своих людей, немного успокоюсь.

— Правильно ты сделал, — сказал Пауль. — Когда живешь далеко от родных мест, встреча с земляками дороже всего, будто с отцом-матерью побудешь. Я это хорошо знаю, сам много жил на чужбине...

Затем Пауль Киккас поведал новому другу о себе, о том, как узнал о потерявшемся сыне Ильмаре, которого пока так и не смог разыскать. Показал и газету, где написано про Ильмара.

Мадис Ноот этому очень обрадовался.

— Значит, и сыны Эстонии бьют фашистов? Очень хорошо, очень!

— Видишь, в газете так и написано: «Эстонская дивизия!» Не рота, не батальон и даже не полк — дивизия! А ты знаешь, сколько в дивизии человек?

— Я ведь не бывал в армии, — ответил Ноот,

— В прежнее время, когда я служил, в дивизии было четырнадцать тысяч. И сейчас, конечно, не меньше. Это же огромная сила!

— Может, такая дивизия не одна, и еще есть?— радуясь вместе с Паулем боевым успехам сынов своего народа, сказал Ноот.

— Конечно, может быть! — откликнулся Пауль.

Когда разговор зашел о здешней жизни, Пауль сообщил, что работает в кузнице, старается скорее подготовить к севу плуги и другие орудия. Тут же выразил и сожаление.

— Трудно придется нынче,— сказал он,— лошадей мало у колхоза. В МТС заявили, что дать тракторов не сумеют. Не хватает. Видимо, за войну многие попортились, а новых, конечно, сейчас нет. Если бы нам дали хоть один трактор, мы бы всем колхозом радовались. Да где его взять? Нет ведь...

Мадис Ноот задумался, потом свернул сигарку, закурил и, отгоняя густой дым рукой, неторопливо сказал:

— Одна мыслишка пришла мне в голову... Кажется, я смогу вам чуть-чуть помочь...

— Каким образом?— заинтересовался Пауль.

— Знаешь, на моем дорожном участке есть старый газогенераторный трактор, работающий не на керосине, а на дровах. Мы им пользовались на строительстве дороги, а теперь, как непригодный, поставили в сарай. Но мне кажется, он не совсем разбитый... Я проверю, нельзя ли его пустить в ход? Если есть возможность починить, сразу же сообщу тебе. Ведь мы оба с тобой механики...

— О-о, это было бы большим счастьем для нашего колхоза! Но дадут ли нам его? Не возразит ли твой начальник. Скажет, государственное имущество, то да се, я за него в ответе...

— Кто же будет против того, чтобы починить и пустить в работу старую вещь? Ведь трактор вам нужен не для свадьбы, а для того, чтобы пахать и сеять? Чтобы хлеб вырастить? Какой тут может быть разговор!..— распалился Ноот.

— В таком случае постарайся помочь нам, родной. А вдруг в самом деле будем с трактором, а?— потирая от радости руки, сказал старик.

— Все силы приложу...

Мадис Ноот ушел от Киккасов только утром, а через три дня Варька принесла старому Паулю коротенькое

письмо. «Трактор проверил, отремонтировать можно, соберись и приходи дня на три», — писал Мадис.

Пауль пока не говорил Назару Егоровичу о тракторе. Сам еще не надеялся, что дело выйдет. Но как только получил письмо, сразу же пошел в правление. Когда он доложил, что его друг-эстонец обещал колхозу для весеннего сева отремонтировать железного коня, председатель от радости не знал, куда себя девать.

— Да ведь это золото, упавшее нам с неба! Если и вправду получится так, как ты говоришь, я этого человека сто раз расцелую! — ликовал Назар Егорович. — Лети скорее, Пауль Оскарович, ни минуты не задерживайся, лети! Я сейчас же велю запрячь лошадь. Продукты захвати и для себя, и для него. Когда работаешь, надо быть сытым...

Уходя из дому, Пауль наказал Илле:

— Через два дня будет воскресенье, ты не учишься. Приходи ко мне, может, понадобится... Тут недалеко ведь — всего шесть-семь километров. Деревню Юманлых ты, конечно, знаешь?

— Знаю, Пауль Оскарович, бывал я там. В воскресенье рано утром прикачу!

**НУЖНЫ
ЧУРКИ**

Илле рассказал Аркашу, что два старика эстонца готовятся починить для колхоза старый трактор.

— Мне Пауль Оскарович наказал прийти к нему. Не хочешь сбежать вместе со мной? — предложил он другу.

— Если даже захочешь оставить, и то не отцеплюсь, — ответил ему Аркаш.

В воскресенье, сразу же после завтрака, друзья встали на лыжи и побежали в Юманлых — напрямик, по блестящим на солнце белым полям, через овраги. Когда Илле на минутку остановился у опушки леса, разгоряченный Аркаш перегнал его и, не видя, что впереди, нырнул в глубокий овраг. Хорошо еще, что внизу был мягкий снег. Он и сам не разбился, и лыжи не сломались. Но обратно

мальчик еле выкарабкался. Подошедший Илле до упаду смеялся над ним:

— Вот оно, поспешишь — людей насмешишь!..

В Юманлых они дошли к полудню. Место, где работали Пауль Кяккас и Мадис Ноот, разыскать было нетрудно — постройки дорожного участка были всего метрах в ста от шоссе. Старики полностью разобрали трактор, осталась только одна коробка. Как говорил Аркаш, у трактора были вынуты все «кишки-мишки». По всему сараю было разбросано железо: шестерни, гайки, болты и все прочее.

Пауль очень обрадовался приходу мальчиков, отложил инструменты и сразу заговорил с ними.

Илле выложил из кошелки гороховые блины и бутылку топленого молока. Старик еще более повеселел.

— Большое спасибо твоей маме! Добрый она человек!..

Половину блинов и молока Пауль отдал Мадису Нооту и снова обратился к Илле:

— Как вы там без меня живете? Все ли живы-здоровы?

— Хорошо живем, — ответил Илле. — Сами-то вы как? Почините трактор? Пойдет он? Председатель вчера вечером опять к нам приходил. Они с мамой только о тракторе и говорили.

— В таком случае, как вернешься домой, передай им: трактор будет! И еще скажи: пусть сейчас же начипают готовить чурки. Куски дерева вот такой величины... — Пауль подкинул на ладони кусок железа длиной в семь-восемь сантиметров.

— Зачем они? — с удивлением спросил Аркаш.

— Это у нас будет горючее, — сказал Пауль. — Когда-нибудь ты видел, как самовар кипятят щепками?

— Я и сам много раз кипятил, у нас же есть самовар, — все еще не понимая что к чему, ответил Аркаш.

— Вот и наш трактор, как самовар, работает, когда в нем жгут куски дерева, — мягко улыбнулся Пауль. — Они вместо керосина. Понял?

— Сообразил, — кивнул головой Аркаш и почесал затылок.

— Дрова должны быть очень сухими, иначе трактор не то что пахать, и с места не сдвинется. Скажи Назару Егоровичу, если не найдет сухой древесины, пусть в жаркой печке насушит...

— Много, что ли, их, чурок, потребуется? — спросил Илле.

— Немало, конечно, ведь надо вспахать до ста пятидесяти гектаров. Сейчас точно не могу сказать, но, пожалуй, придется нарубить до двадцати кубометров дров. — Старый Пауль поговорил с Мадисом Ноотом на своем языке и еще раз утвердительно сказал: — Да, да, примерно двадцать кубометров.

После обеда старики снова принялись за дело: примеряли и подгоняли железку к железке, некоторые детали, зажав в тиски, обтачивали напильником, затем опять примеряли. Ребята долго наблюдали за тем, как они работают. Им и самим страсть как хотелось поработать вместе со стариками. Но пристроиться к совсем незнакомому делу не было возможности...

— Ну, дуйте домой, сынки, а то стемнеет и еще заблудитесь, — сказал Пауль часа через два.

— Хорошо, Пауль Оскарович, мы пойдем, — сказал Илле. — Значит, председателю сказать только о чурках?

— Да, да, скажи сразу, как приедешь, пусть готовят... И сюда надо немного привезти. Без чурок мы ни проверить, ни пригнать трактор в деревню не сможем.

— До свидания, Пауль Оскарович...

Друзья, как на крыльях, устремились домой. Обрато они шли не напрямиком, а вдоль шоссе, по затвердевшей, гладко накатанной весенней дороге. Лыжи катились сами. Дорога шла под гору. Оттолкнувшись палками один раз, они катились метров пятьдесят. Аркаш, хотя был и меньше ростом, шел все время впереди. Когда они отошли от шоссе километра два, стемнело. Из-за волжских лесов выплыла похожая на огромную раскаленную сковороду луна, и на покрытые снегом поля лег розоватый свет. В поле стало как в волшебной сказке...

— Эх, если бы я был художником, нарисовал бы всю эту красоту, — произнес Илле, глядя вокруг.

Вскоре ребята вошли в свою деревню и направились к Назару Егоровичу.

Председатель колхоза жил недалеко от околицы, домов через пять. Мальчики, сняв лыжи, поставили их у ворот, очистив варежками приставший к валенкам и одежде снег, вошли во двор.

Назар Егорович ужинал. Как только мальчики вошли в избу, он отложил ложку и вышел из-за стола.

— Ну, как там? — озабоченно спросил он. — Получает-

ся у них что-нибудь? Что передал Павел Оскарович? Радоваться мне или плакать?

Ребята, перебивая друг друга, ответили:

— Радоваться! Скоро, может, и поплясать придется! Трактор будет, Назар Егорович!

— Они его по частям разобрали, ничего внутри не оставили, но скоро будут собирать обратно.

— Пауль Оскарович наказал готовить деревянные чурки. То есть горючее. Как для самовара...

— Он предупредил, что чурки должны быть сухие, а то трактор не пойдет.

— Сказал, что потребуется кубометров двадцать.

— Сам-то трактор и вправду, что ли, будет?— еще раз спросил председатель.— Можно надеяться, да?

— Можно! Другой эстонец тоже подтвердил. Если бы не было надежды, старик не говорил бы о чурках.

— Хорошо! Очень хорошо!— Назар Егорович снова сел за стол, но взялся не за еду, а закурил трубку.— Ну, спасибо вам, ребята, за хорошую весть. Если трактор пустят в ход, со своей стороны мы все сделаем. За чурками дело не станет, для нас это не великий труд! А теперь идите отдыхать. Доброй ночи!..

На другое утро Назар Егорович запряг лошадь и сам поехал туда, где Пауль Киккас и Мадис Ноот ремонтировали трактор. То, о чем рассказали вечером ребята, его сильно обрадовало, и ему захотелось своими глазами посмотреть на «железного коня», которого ставили на ноги для колхоза, захотелось самому поговорить и с мастерами о том, какую «пищу» лучше приготовить для трактора.

Ребята рассказали ему все правильно: два старых эстонца по-настоящему «лечили» трактор и надеялись на его нормальную работу после ремонта. Испорченные детали выбросили, вместо них поставили новые, недостающие делали сами. Через недельку, заверили старики, трактор своим ходом сможет покинуть сарай.

— Не знаю, как и благодарить вас, товарищи,— сказал Назар Егорович.

— Никакой благодарности нам не надо, родной, лишь бы дело получилось,— ответил Пауль.— Ведь это же для всего народа, а не только для тебя. Мы тоже народ. Разве мы не едим выращенный вами хлеб? Разве не за нас сражаются солдаты, которых наш колхоз снабжает хлебом? Поэтому надо еще подумать, кто кого должен благода-

рить, родной мой, Назар Егорович! — Старик приветливо улыбнулся.

— Правильные слова твои, Пауль, — вступил в разговор Мадис Ноот. — Мы вас, Назар Егорович, больше, пожалуй, должны благодарить, потому что вы дали нам возможность жить по-человечески. Кто был голоден — накормили, кто был раздет — одели, кому было холодно — обогрели. О том, сколько вы добра для нас сделали, мы до самой смерти не забудем...

— Это сейчас брать в расчет не нужно, — возразил Назар Егорович. — Ведь мы же советские люди! Как же можно не помогать друг другу? Если бы мы сами попали в такую беду, ведь и вы бы нам так же помогли?

— Конечно, помогли бы, — сказал Пауль, снова принимаясь за работу.

Вернувшись домой, председатель вечером совещался с бригадирами.

— Где найдем сухих чурок для трактора? Не пустить ли под пилу старую конюшню, что у Кривого оврага? Ведь так, без пользы гниет она? Я уже заметил, что ее кто-то растаскивает по бревнышку. Одна стена намного стала ниже другой...

Перед началом войны колхоз построил на окраине деревни новую большую конюшню. Когда лошадей было много, старая тоже использовалась, но сейчас пустовала. Ни крыши, ни окон, ни дверей у нее уже не было. Сложенная лет пятнадцать назад из кулацких конюшен, она пришла в негодность. Однако ее сухие бревна в очаге горели бы как сера. Поэтому бригадиры сразу же согласились с предложением председателя.

Так нашлась новая работа для ребят.

У разобранной взрослыми конюшни каждый день после уроков копошилась детвора. Одни распиливали бревна на короткие отрезки, другие топорами кололи их, третьи наполняли чурками мешки, складывали на санки и отвозили в пустой сарай.

Когда ребята получили это задание, Назар Егорович, встретив Иллю, наказал:

— Ты будешь старшим. Вроде бригадира. Все время проверяй, пусть не пилят слишком длинные чурбаки и колют не крупно.

— Хорошо, Назар Егорыч, все будет в точности! — бойко ответил Илле.

Аркаш, конечно, стал помощником Илли. Он любил

езде распоряжаться, вел себя как настоящий командир. Подходил к одним — велел пилить покороче, подходил к другим — браковал колку, и сам показывал, как это надо делать.

Затем вдруг начинал торопить:

— Что это вы, как осенние мухи, еле двигаетесь? Неужели нельзя быть порасторопнее? Если так будем работать, не только к весеннему, но и к осеннему севу не подготовим горючее!

Это Аркаш говорил зря. Ребята и без понуканий работали хорошо. Через пять-шесть дней все бревна старой конюшни превратились в красивые, как белые пряники, чурки.

Туда, где чинили трактор, Назар Егорович съездил еще раз. Сборка машины завершалась. Дел оставалось совсем немного.

— Завтра пришли топливо, Назар Егорович, — попросил старый Пауль. — Будем запускать мотор. Самому все время ездить не надо. У тебя и без этого работы по горло, чурки может привезти и наш Илюшка.

Но разве в такие места Илле мог поехать один? Он взял с собой и Аркаша. Тому ведь тоже хотелось посмотреть, как работает трактор, подобный самовару! Кроме того, Аркаш заслужил это. Он немало постарался, когда готовилось «горючее» для трактора.

К их приезду мастера уже уложили на место все «кишки-мишки» большой машины, почистили ее и спаружи. Все блестело. Механики сидели на обрубках дерева у сарая, раскуривая трубки. Оба довольные, улыбчивые.

— Привезли? — спросил Пауль, встав с чурбака.

— Так точно, Пауль Оскарович. Пять мешков!

— Дайте-ка их сюда...

Ребята перетащили мешки в сарай. Пауль и Мадис тут же развязали один из них, высыпали чурки в бункер «самовара», зажгли смоченную керосином тряпку и сунули ее в отверстие на дне бункера. Сразу же за клубился черно-желтый дым. Ребята попятились к воротам сарая.

Вскоре чурки в бункере разгорелись. Послышался веселый треск. Мадис сел в кабину, включил генератор, после чего чурки запылали еще сильнее. Так прошло минут двадцать-тридцать, и в бункере накопился газ для работы мотора. Ребята ждали, что трактор вот-вот тронется, но он пока не двигался, а только чадил дымом. Че-

рез некоторое время Мадис выскочил из кабины и закрыл крышку бункера. Затем открыл капот, несколько раз потянул за веревку «пускач» — маленький мотор, служащий для пуска в ход основного. «Пускач» сразу же заработал: тук-тук! тук-тук! Мадис соединил его с основным мотором, однако тот не издал ни звука. Мадис еще раз проверил соединение двух моторов, пощупал там и тут, постукал — бесполезно...

— Мотор не заводится! — крикнул он Паулю.

— Странно, почему бы это? — также крича, спросил тот. — Кажись, все собрали как надо?

— Кто его знает!

— Стало быть, еще надо проверить...

— Придется, что поделаешь!

Ребята, услышав их разговор, сильно забеспокоились: значит, может ничего не выйти! Мотор не заводится, а без мотора трактор работать не будет. Ах, какая беда! Смогут ли они исправить?

Старые мастера копались в моторе, пожалуй, больше часа. Ребята хотели поближе посмотреть, что они делают, но их попросили не мешать, отойти подальше, и они вышли из сарая.

— Что будем делать? Домой, что ли, поедем? — тихонько спросил Аркаш своего друга.

— Подождем немного, может, еще заработает! — возразил Илле. — Интересно же...

— Если мотор не заведется, интереса мало. Что зря мерзнуть? Да и вечер скоро...

— Езжай, кто тебя держит? — сердито сверкнул глазами Илле. — Я могу прийти пешком, не сто верст!

— Глупый ты, — сказал Аркаш. — Зря не горячись!

— А ты очень умный.

— Я не знал, что ты такой, лучше бы не ехал с тобой.

— И не ехал бы. Не очень-то мне приятно с тобой, с нытиком!..

Собрав мотор, мастера снова соединили его с «пускачом» и включили. Большой мотор вдруг запыхтел. Выстрелил как из ружья раза три, потом зафыркал, как лошадь... и опять затих...

— Не заводится, окаанный! — досадуя, выругался Аркаш. — Почему же не работает?

— погоди, еще запускают, — прошептал Илле. Они уже забыли о том, что поссорились...

Ожидание оказалось не напрасным: через две-три минуты мотор трактора загудел громче, чем раньше, снова несколько раз стрельнул, чихнул и — заработал. Мадис, стараясь отрегулировать работу мотора, то добавлял, то сбавлял газ. Мотор гудел бесперебойно...

— Пошел ведь! Заработал! — хлопнул Илле Аркаша по спине.

— А я что говорил! Но ты слишком не ликуй, а то еще сглазишь, — ответил Аркаш.

Нет, трактор не «сглазился». Его мотор рокотал равномерно. Вскоре Мадис Ноот, вскочив в кабину, крикнул ребятам: «Посторонитесь!» — и двинул трактор с места. Он медленно выполз из сарая, затем повернул направо и, поднявшись на шоссе, пошел в сторону Чебоксар. Несказанно обрадованные ребята бежали рядом. Пауль Оскарович торопливо вышел из сарая на обочину дороги. Его лицо вдруг помолодело, засияло довольной улыбкой...

Когда трактор с гулом прошел по шоссе метров двести, Мадис Ноот повернул машину обратно. Аркаш тут же вскочил на трактор и, громко крича, замахал шапкой стоявшему вдали старому Паулю.

...В «Новом времени» не было никого, кто бы умел водить трактор. Все трактористы ушли на фронт, поэтому пришлось и пахать просить того же Мадиса Ноота. Назар Егорович специально ездил с просьбой к дорожному начальнику, туда, где работал старый мастер.

— Помогите, пожалуйста, — сказал он начальнику, — разрешите товарищу Нооту поработать у нас пять-шесть дней во время сева. Мы за это для вас что хотите сделаем... Хлеб-то ведь вовремя надо сеять, иначе может не уродиться. А его мы все едим — и солдаты на фронте, и мы, и вы...

Начальник разрешил. И Мадис Ноот на славу поработал на колхозном поле. Это и спасло «Новое время». Если бы трудились только старые и малые, то сев растянулся бы на три-четыре недели, а так управились за шесть дней.

Во время страды и школьники сделали многое. Они пахали участки, неудобные для трактора, боронили, возили семена, сеяли. С раннего утра до позднего вечера были в поле. И никто не жаловался на усталость, ни один не уклонялся от работы.

— Наши дети как-то сразу стали взрослыми, — сказа-

ла однажды Ульга матери Аркаша, посмотрев вслед сыновьям, шедшим в поле рано утром.

— И не говори, Ульга,— вздохнула Алдати.— Очень жалко их, но что поделаешь, если жизнь так сложилась? И все из-за этого проклятого Гитлера! Пусть слезы наши будут ему отравой!

После весенней страды ребятам порядочно пришлось повозиться на своих приусадебных участках. Кроме того, они трудились на «фронтвом огороде», помогали и семьям фронтовиков, где не было трудоспособных.

Весна — самая лучшая, самая красивая пора. Весной и солнышко греет ласково, и все зеленеет, растет, радуя душу. Но детям военного времени было не до красоты. Они работали изо дня в день не покладая рук...

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

тец Илли писал домой довольно часто, хотя бы десять слов, а все-таки присылал в солдатском треугольнике: «Я здоров. Голова и руки-поги целы, всех обнимаю, желаю здоровья!.. Ваш отец Ивап Рыбаков». И короткие письма с фронта приносили большую радость. Дороже всего то, что человек жив и здоров! Но однажды сержант Иван Рыбаков написал письмо на двух страницах тетрадного листа, в котором сообщал: «...Вчера наша разведка прошла очень удачно: нам было приказано достать «языка», и мы приволокли немецкого фельдфебеля, за что нас всех наградили. Мне дали Красную Звезду».

В тот же день Илле побежал к Аркашу поделиться радостью:

— Наш отец тоже орден заслужил. Он разведчик.

— Наш теперь в артиллерии,— похвалился Аркаш.— У противотанковой пушки первым номером стоит.

— Часто пишет?

— В месяц получаем раза два...

Но после весеннего сева от Ивана Рыбакова не было письма больше месяца. Дома сильно забеспокоились: почему не пишет?..

Пауль, ничего не знавший о своем сыне, тоже волновался.

— У вас же есть его адрес, — посоветовал он, — напишите командиру части, спросите, что случилось с сержантом Рыбаковым, почему не пишет. Мы не знаем, где напИльмар, поэтому не можем ничего поделать, а вам переживать нечего, через неделю-другую получите ответ...

— И верно, напиши командиру, — сказала мать Илли. — Сколько же нам можно так беспокоиться? Сердце разорвется...

Но они написать не успели: дня через два после этого разговора пришло ожидаемое письмо.

«...Вы, наверное, обо мне сильно беспокоились, простите, — писал отец, — но я не виноват: нас посылали в далекую командировку, а там почты нет... Теперь вернулся, больше так волновать вас не буду. О том, где был, расскажу по возвращении домой, после войны. Ах, скорее бы ее закончить!»

«Неужели и на войне бывают командировки? — удивленно подумал Илле. — Где же это они бывают?»

Он не мог и подумать, что его отец — прославившийся на всю дивизию разведчик Иван Рыбаков — ходил с тремя товарищами за линию фронта и больше месяца пробыл в тылу врага. Оттуда их возвратилось только двое...

После этого письма Рыбаковы немного успокоились. Пауль тоже был рад за них. Но не было дня, чтобы он не вспоминал своего сына. Как-то сошлись они вместе со снохой и внуками и начали строить разные предположения.

— Может быть, он уже выздоровел и снова находится на фронте? — сказала Амалия.

— В письме же командира было сказано, что он тяжело ранен. Неужели за это время он успел вылечиться? — не соглашался Ян.

— Солдатские раны быстрее заживают, некогда долго валяться в постели, воевать надо... — поддержал Амалию Пауль.

— Кто знает, может, еще что случилось?..

ГОСТИНЦЫ ДЛЯ ГЕРОЕВ

огода в ту весну стояла хорошая.

То шли дожди, то снова яркое солнце обогривало землю. Посевы взошли ровно, покрыли поля зеленым ковром.

— Нынче уродится и для себя, и для фронта... — радовались колхозники.

На пионерском «фронтвом огороде» в конце июня созрела посаженная прошлой осенью клубника, да такая сочная, крупная — каждая ягода с большой палец! Но никто до нее не дотрагивался. Только сама Рина Петровна иногда угощала ею дежуривших в огороде ребят.

В те дни в газетах писали о колхозах, где были организованы «фонды здоровья для защитников Родины». В тот фонд сельские труженики вносили яйца, молоко, картофель и овощи. Прочитав об этом, Рина Петровна с удовлетворением сказала появившейся в их школе Нине Кулюковой:

— Мы тоже не в стороне от этого дела... И у нас есть овощи, чтобы внести в «фонд здоровья».

— Пионерская организация нашей республики взяла шефство над госпиталями, находящимися в наших городах, — сообщила Нина. — Ребята отвезут раненым всякие гостинцы и подарки, организуют там концерты...

— Где они, эти госпитали? — спросила Рина Петровна. — Я что-то совсем не слышала...

— В Чебоксарах, Канаше, Алатыре. В Чебоксарах две школы заняты под госпитали. Там лежит немало раненых...

— Тогда и нам надо что-то сделать!

— Я и пришла нарочно поговорить об этом. У вас на «фронтвом огороде» ягод нету?

— Зреют уже. Дня через три-четыре можно сделать первый сбор. Есть редиска... Тоже витамин. Остальные овощи пока еще не созрели...

— На первый раз и этого достаточно! — обрадовалась Нина. И тут же добавила: — Может быть, ребята заодно и ящик яиц соберут? Тогда пусть человек десять отвезут все это в один из госпиталей.

- Почему человек десять? Зачем так много?
- Так ведь концерт надо дать для раненых...
- А-а... Я об этом не подумала.

— Это очень нужно! Раненые с радостью принимают ребят. Должно быть, при виде их вспоминают своих детей, сестренек, братишек. Я это заметила. На прошлой неделе водила в госпиталь пионеров из Синьял. Когда дети выступали, у многих солдат на глазах были слезы...

— Конечно же, они тоскуют. Но у нас нет ничего готового для концерта.

— Отбери из старых номеров. Для раненых и они будут новыми. Эстонский мальчик, тот, что играет на скрипке, еще здесь?

— Где же ему быть? Ходит заниматься к Ананию Яковлевичу.

— К учителю пения?

— Да. У нас в деревне больше ни у кого нет скрипки.

— Очень хорошо, возьмешь этого мальчика.

— Его сестренка Юули поет хорошо...

— Тогда забери обоих. У вас, помню, и плясуны были. Вот тебе и программа готова! Большую и не надо, всего минут на двадцать.

Они условились так: Рина Петровна все подготовит к поездке в госпиталь и позвонит Кулюковой, а та договорится в Чебоксарах, в какой госпиталь им ехать.

...Решение побывать у раненых солдат все одобрили.

— От колхоза тоже пошлем гостинцы, — сказал Назар Егорович, — у нас сохранилось немного прошлогоднего меда и еще у колхозников, думаю, кое-что соберем.

Дети группами по три-четыре человека ходили по дворам, собирали гостинцы. Узнав, что гостинцы предназначены для раненых на фронте солдат, никто не отпускал их с пустыми руками — хоть пяток яиц, а давали все. Так мальчики и девочки собрали целый воз продуктов.

До поездки в госпиталь Рина Петровна провела несколько репетиций с участниками концерта. Ребята повторяли полузабытые стихотворения, Ананий Яковлевич разучивал с ними песни, с тремя девочками и тремя мальчиками Виталий готовил чувашский народный танец. Все готовились как к большому празднику. Разве же можно выступать кое-как перед героями войны?

Накануне поездки в Чебоксары в «Новое время» снова пришла Кулюкова.

— Ну как, дорогая, у тебя все готово? — спросила она усталым голосом Рину Петровну.

— Все! — ответила учительница. — Сегодня набрали четыре ящика клубники, приготовили три корзины яиц. Достали пять килограммов масла, четыре килограмма меда. Завтра утром председатель обещал нарезать барашка.

— О, богатые гостинцы будут у вас! — удивилась Кулюкова, а сама почему-то была печальна.

— Ты очень устала, Нина, поешь и отдохни, — предложила Рина Петровна. — Из города небось пешком пришла?

— А кто мне даст лошадь? — ответила ей Кулюкова. — Всегда хожу пешком. За лето прошагала, наверное, не меньше тысячи километров. Но это ничего не значит. Другое огорчает...

— Что такое? — посмотрела ей в глаза Рина Петровна.

— Ничего разве не слышала?

— Нет, ничего... У нас же нет радио...

— Немцы начали большое наступление со стороны Орла и Белгорода на Курск. В наступление пустили тысячи танков и самолетов. Наши отступили во многих местах...

— Опять!.. — У Рины Петровны задрожали губы.

— По радио передавали. Там теперь вся земля горит.

— Неужели фашист, даже после разгрома под Сталинградом, снова сумеет продвинуться на восток?

— Кто знает, кто знает...

Как и в летние дни 1942 года, пятого июля сорок третьего фашисты вновь начали большое наступление. Они мечтали смять нашу оборону, захватить Орел и Белгород, Курск, закрыть в котел нашу армию, стоявшую на «Курской дуге» и уничтожить ее. По словам историков война, таких сильных и страшных боев никогда и нигде еще не было. В тех боях как с нашей, так и с немецкой стороны участвовали тысячи танков, самолетов, пушек, минометов, огнеметов и еще много всякого вида орудий. Фашисты выставили десятки новых дивизий как наземных, так и воздушных... В первые дни врагу действительно местами удалось продвинуться вперед, но вскоре наши героические войска не только приостановили немцев, но и погнали их назад. «Последним боем германской победы» называли гитлеровцы бои на Курской дуге, но победили не они, а мы, победило наше оружие. В честь этой знаме-

нитой победы в столице нашей Родине — Москве пятого августа был дан салют двенадцатикратным залпом из ста двадцати орудий...

После разгрома гитлеровцев на «Курской дуге» наши войска начали освобождать город за городом и ежедневно очищали от врага сотни населенных пунктов. Они форсировали реки Десну, Сож, Днепр, Припять и продвигались дальше на запад. В нашей победе над фашистской Германией уже никто не сомневался...

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Чебоксары пионеры прибыли в полдень на трех подводах. Свернув около почты направо, они поднялись на два квартала по Ленинградской улице и остановились у спрятавшегося под развесистыми деревьями длинного здания школы. Нина Кулюкова и Рина Петровна велели ребятам подождать на подводах, а сами пошли в здание. Дети сидели и внимательно разглядывали проходивших мимо людей.

— Все же в городе очень много народу живет, — заключил Аркаш. — И все хлеб едят! — глубокомысленно добавил он.

— Они не только едят, но и работают, — возразил Илле. — Кто в такое время станет кормить бездельников?

— Где же они работают?

— Мало ли где! На заводах, в учреждениях...

— А дети? Мы хоть в колхозе трудимся...

— Они учатся и тоже помогают взрослым.

Пока ребята ожидали Рину Петровну и Кулюкову, из дома напротив одна за другой вышли молоденькие девушки. Все в одинаковых коричневых халатах, в белых платочках.

— Это еще что за команда? — спросил Аркаш.

— Да ведь тут текстильная фабрика, разве не знаешь? — сказал Илле. — Наши девочки — Санька, Аня и Ильза тоже тут работают...

— Неужели?!

— Правда. Мне Назар Егорыч говорил, когда мы с ним в прошлый раз приезжали.

— Может, и они в этой группе? Давай-ка, посмотрим...

Девушки, шумно разговаривая, как раз шли в ту сторону, где стояли подводы «Нового времени». Не прошло и минуты, как остроглазый Аркаш узнал своих односельчанок.

— Санька-а! Анька! Ильза! — закричал он и, соскочив с телеги, бросился через дорогу. Девчата, услышав, что их окликают, остановились. Аркаш пулей домчался до них и, схватив Саньку за руку, начал тараторить:

— Салам, девчонки, большой салам! Мы в госпиталь приехали, раненым солдатам гостинцев привезли, концерт дадим. Пойдемте вместе с нами! Нас много, вон, все сюда смотрят...

Аркаш, не дожидаясь согласия девочек, потянул их к подводам. Все очень обрадовались встрече — ведь так давно не виделись! Сразу начались расспросы:

— Как живете?

— Почему ни разу не приезжали домой? Заняты? Или не пускают?

— Как вы здорово выросли!

— Видать, городской хлеб вкуснее...

Из госпиталя вышли Рина Петровна и Кулюкова. С ними вместе были две санитарки — в белых халатах и в таких же шапочках. Когда они подошли к телеге, Рина Петровна объяснила:

— Сейчас «тихий час», раненые после обеда отдыхают. Мы пока занесем свои гостинцы на кухню, перемоем ягоды... Ух ты, и наши девочки тут! — заметила она подошедших. — Здравствуйте! Вас и не узнать! Вы не уходите, поговорим!

Пока возились на кухне, прошло больше часа. Раненые проснулись. Ходячие больные вышли в сад и во двор. Молоденькая светловолосая сестра подходила к отдельным группам, сообщала:

— Приехали сельские пионеры, привезли вам гостинцев, собирайтесь в зале...

Раненые не заставили себя долго ждать. Вскоре большая комната в пижнем этаже наполнилась людьми в серых халатах и полосатых пижамах. Усаженные на сцене дети смотрели на них, затаив дыхание. У некоторых солдат лица были забинтованы так, что их почти не было видно.

У других были привязаны к подставкам руки, они торчали, словно крылья самолетов, третьи стучали костылями. Были и такие, которых подвозили в креслах на колесиках. Но удивительно! — ни у кого из раненых не было на лице печали, все весело переговаривались друг с другом, тут и там слышался смех.

Когда заместитель начальника госпиталя — сухощавый, низкорослый, с заправленным за пояс пустым рукавом вышел на край сцены и поднял руку, зал утих.

— К нам сегодня приехали в гости пионеры, — сказал он. — Все они дети таких же солдат, как и вы, у всех отцы на войне. Сами знаете, жизнь у детей теперь трудная. Все работы в колхозе выполняют женщины и они. Наши гости тоже растят хлеб для фронта. Но это еще не все. Они в своем колхозе специально завели «фронтной огород», где выращивают для воинов ягоды и овощи... Надо сказать прямо: молодцы ребята!

После этих слов майора кто-то хлопнул в ладоши, и в тот же миг зал наполнился громкими аплодисментами...

— Теперь передаю слово их учительнице, — сказал майор, когда аплодисменты утихли.

Сидевшая вместе с детьми Рина Петровна подошла к трибуне и дрожащим от волнения голосом начала говорить:

— Уважаемые бойцы и командиры, батыры-фронтовики! От имени наших колхозников горячо приветствую вас и от всей души желаю быстрого выздоровления! Колхоз наш небольшой, но с начала войны мы дали фронту немало хлеба и картофеля, мяса и молока, много раз отправляли подарки, потому что мы все, как и вы, живем одной мечтой — скорее разбить ненавистного врага — фашизм!

Солдаты снова зааплодировали...

— Желание чем-нибудь помочь фронтовикам, сделать для них добро никогда не оставляет нас. Поэтому наши ребята так заботливо ухаживают за своим «фронтным огородом». Вот сегодня мы привезли вам ягоды первого сбора. Попробуйте их, пожалуйста...

Майор махнул рукой санитарке, стоявшей у двери. Дверь тут же распахнулась, и из палаты вышло несколько девушек с подносами в руках. На подносах зеленые кружки, а в них — красивые, сочные ягоды. Всем сидевшим в зале девушки преподнесли по кружке.

— Прошу, дорогие товарищи, отведайте! — сказала Ри-

на Петровна и сама раскраснелась, как ягода.— Специально для вас собирали...

— Спасибо вам!

— Очень сладкие, во рту так и тают...

— Пусть еще лучше уродятся ваши ягоды! — зашумели раненые.

Все съели клубнику с большим удовольствием, после чего майор объявил:

— Эти ребята привезли для вас не только ягоды, но и яйца, масло, мед. Все это мы попробуем позже...

— Еще раз спасибо им!

— Молодцы ребята!

— А теперь они вам покажут свое искусство, дадут небольшой концерт,— сообщил майор.— Прошу тишины и внимания!

— Очень хорошо! Послушаем!

...Концерт ребята начали боевой песней, которую разучили еще в начале войны. Как только Рина Петровна взмахнула рукой, хор ровно и звучно запел:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

В третий год войны эта песня не была новой, солдаты и сами немало ее пели, много раз слышали в исполнении артистов, приехавших на фронт, и по радио, но она им ничуть не надоела. Она всегда доходила до сердца, поднимала боевой дух. И в этот раз они внимательно и взволнованно слушали ее, исполнявшуюся еще неокрепшими детскими голосами...

Потом хор спел еще несколько песен на русском и на чувашском языках. Песню о героических партизанах «Ой, туманы мои...» раненые заставили спеть два раза. После этого Рина Петровна объявила, что ученик седьмого класса Аркадий Мазяков прочтет стихи.

Аркаш, как всегда, смело подошел к рампе, поближе к слушателям. Оглядев всех сидевших в зале, поправил рубашку, легким кашлем прочистил горло и спокойно объявил:

— «Наказ сыну», стихотворение Исаковского...

Это стихотворение на русском языке он выучил не-

сколько дней назад, готовясь ехать в госпиталь. «Среди них будут разные люди, не все понимают по-чувашски, а по-русски все поймут», — сказал он Илле. «Это верно, — согласился с ним его друг. — Прочешь стихотворение на русском языке — это хорошо, но не забывай, что ты — чуваш...»

Декламировать он начал с большим задором:

— Мой сын родной! Прильни к земле скорей,
Услышь
Слезами залитое слово.
Мой сын родной! У матери твоей
Теперь ни хлеба, ни земли, ни крова.
Пришли они, как черная чума,
Пришли
И кровью нашей упивались,
Угнали скот и подожгли дома,
Над старым и над малым надругались...

По-русски у Аркаша не все выходило правильно, он путал звонкие согласные с глухими, другой раз, наоборот, глухие произносил звонко, но этого никто не замечал. Стихотворение захватило воинов своим содержанием. Солдаты сидели тихо, ни один не шелухнулся. Сгрудившиеся в дверях сестры и санитарки вытирали платочками глаза...

Конец стихотворения Аркаш прочел еще выразительнее, подняв сжатые до боли в пальцах кулаки:

— Уничтожай поганое зверье,
Пали огнем, дави его машиной —
И в том благословение мое,
Которое навеки нерушимо!

Аркаш поклонился солдатам, и сразу же раздался гром аплодисментов.

— Теперь по-чувашски! По-чувашски прочти! — крикнул кто-то сзади. Среди раненых были и чуваша — это попросили они.

Аркаш торопливо стал припоминать: «Которое же рассказать? Тут бы нужно что-нибудь посмешнее...»

— Про Гитлера... — подсказала Рина Петровна шепотом. И в ту же минуту мальчишке вспомнились слова стихотворения, не раз смешившие людей на разных вечерах.

— Как у болтливого Гитлера-глупца распускается клубок из вранья! — крикнул Аркаш. Потом перевел дух и начал:

— Бан! бан! бан! — пустой барабан
Барабанил из Берлина...

Знавшие чувашский язык тут же засмеялись, по мере чтения стихотворения смех все усиливался. Не понимавшие языка стали спрашивать у чувашей: о чем стихотворение, чему смеются? Когда же им объяснили, они тоже захолопали.

— Молодец парень! Из него хороший артист может выйти! — хвалили Аркаша раненые.

Рина Петровна подошла к краю сцены, и в зале снова утихло.

— У нас в колхозе уже третий год живут эвакуированные с детьми, — сказала она. — Сейчас двое из них — дети из братской Эстонии — исполняют народные песни...

От хора, стоявшего на сцене, отделились мальчик и девочка.

— Ян и Юули Киккасы исполняют на своем языке песню «Красное солнышко», — объявила Рина Петровна.

Но как только Ян положил смычок на струны, вдруг случилось нечто удивительное, поразившее всех присутствующих...

У левой стены зала, в коляске с высокой спинкой сидел белокурый, худощавый, с забинтованной головой человек. У него была ранена не только голова, но и ноги, он самостоятельно даже не мог передвигаться, поэтому его и привезли в коляске. Он, как и другие, с аппетитом поел ягод, во время концерта вместе со всеми аплодировал. Но когда Рина Петровна назвала имена Яна и Юули, он вдруг закричал во весь голос:

— Я-ан! Ю-ули!.. Дети мои! — забыв, что не может ходить, он поднялся с коляски, но, не сделав и шага, упал как подкошенный. Несколько человек, сидевших в передних рядах, кинулись к нему. Подбежал и однорукий майор:

— Что случилось, капитан?

Упавшего быстро подняли и усадили на место.

— Товарищ Киккас, что с тобой? Голова, что ли, закружилась? Может, тебя отвезти в палату?

Но все объяснилось само собой: к капитану, спрыгнув со сцены, подбежали Ян и Юули, прильнули к нему и, обливаясь слезами, стали целовать его.

— Иса, каллис иса! — повторяли они.

— Дети мои! Золотые мои!.. — обнял отец обоих сразу.

¹ Иса, каллис иса! — Отец, дорогой отец! (эстонск.).

— Мы так долго искали тебя,— сказал Ян через некоторое время,— но никак не могли найти...

— Я тоже искал вас...

Поневоле пришлось прервать концерт и объявить антракт.

В перерыве все только и говорили о счастливой встрече. Потом, когда раненые снова собрались в зале, Ян и Юули выступали удивительно хорошо. Скрипка в руках Яна звучала как никогда душевно, Юули пела как настоящий соловей. Другие ребята, взволнованные тем, что их друзья нашли своего отца, плясали особенно задорно.

...После концерта пионеры сразу же должны были отправиться домой. Но видя, что раненый капитан — отец Яна и Юули — никак не может расстаться с ними, Рина Петровна решила немного подождать.

— Вы поговорите со своими детьми, а я в это время покажу ребятам город,— сказала она Ильмару Киккасу.— Не будем вам мешать...

— Большое вам спасибо, товарищ, большое спасибо,— несколько раз кивнул головой раненый капитан.— Сами понимаете... Я их больше двух лет не видел, так соскучился...

— Понимаю, очень хорошо понимаю, Ильмар Паулевич! — Рина Петровна приветливо улыбнулась.— Большое счастье выпало сегодня на вашу долю. И для вас, и для вашей семьи. От души радуюсь!.. Очень хорошие у вас дети.— Рина Петровна погладила Юули по голове.— Пауль Оскарович тоже хороший человек, и Амалия Саариковна замечательная женщина. Мы с ними живем очень дружно, почти каждый день видимся...

— И за это тоже вам спасибо. Людям, живущим далеко от родных мест, дружба особенно нужна, без нее им бывает очень трудно!

— А знаете ли вы...— Рина Петровна немного смутилась.— Дружба между нами, оказывается, началась еще до приезда вашей семьи в наши края. Правда!

— Не совсем понимаю,— сказал Ильмар Киккас.

— В сороковом году, когда вы после тюрьмы вернулись домой, у вас жил один советский лейтенант...

— Да, помню его...

— Так вот, это был мой родной брат, Федор Молгачев. Я — Молгачева, его сестра.

— Правда?! Ну, это уж совсем удивительно! Как в сказке! — хлопнул руками Киккас.

— Есть и фотография, на которой вы сняты все вместе...

— Помню, что снимались, помню!

— Эту фотокарточку,— сказал Ян,— Рина Петровна отдала нам...

— А где сейчас ваш брат?

— Где же ему быть? На войне. Недавно вышел из госпиталя и снова ушел на фронт...

— Передайте ему от меня привет, большой привет.

— Спасибо...

Когда Рина Петровна ушла, Ильмар Киккас, обнимая сына и дочь, заставил их подробно рассказать обо всем, что им пришлось пережить, начиная с того страшного утра 22 июня 1941 года; расспросил об Эльге, об отце и жене. Временами он тихо, только углами губ улыбался, и глаза его увлажнились, а руки беспрестанно ласкали детей.

...Вернувшись вечером домой, Ян и Юули рассказали дедушке и матери о счастливой встрече. Те сначала не поверили, но, убедившись в том, что дети говорят правду, они так взволновались, что невозможно и описать. Пауль и Амалия всю ночь не смыкали глаз. Им хотелось в тот же час, немедленно помчаться к Ильмару. Чуть свет старый Пауль пошел и разбудил Назара Егоровича. Тот, думая, что случилась какая-нибудь беда, испугался: в такую рань человек с добром не придет. Но тут же страх его прошел...

— У нас очень большая радость, родной! Мой сын, мой Ильмар нашелся! Не знаю, куда девать себя...— потирая руки, шагал по комнате старик.

— Это большое счастье. От души поздравляю, Пауль Оskarович! — крепко пожал его руку председатель.— А как нашелся? Письмо прислал?

— Не письмо! Вчера его дети встретили. Лежит в госпитале в Чебоксарах... Поэтому я так рано и пришел к тебе, не стерпел, прости за это. Дай, пожалуйста, какую-нибудь лошадь съездить в Чебоксары, повидаться с Ильмаром.

— Не одну, хоть две запрягай, для такого случая ничего не жаль! — ответил Назар Егорович.— Пойдем, сейчас же запряжем...

— Спасибо тебе, родной!..

...Когда из-за старых ветел медленно выползло большое ярко-красное солнце, вся семья Киккасов, усевшись в телегу, выехала в Чебоксары.

— От нас привет передайте, пожелайте вашему Ильмару скорейшего выздоровления,— говорила Ульга.

— Спасибо! — помахав рукой, весело крикнула в ответ Амалия. В тот момент, пожалуй, не было человека счастливее ее.

ЗА «ЯЗЫКОМ»

В последние дни августа начались ожесточенные бои за город Севск, расположенный на вершине «Курской дуги». В этом древнем русском городе гитлеровцы заранее подготовили крепкую оборону. Перед городом по низине протекает довольно широкая река Сев. Подходы к реке затруднены озерами и болотами. Враг, расположившись на высоте с многочисленными траншеями и дотами, огороженными несколькими рядами колючей проволоки и минными полями, простреливал из пушек и пулеметов всю местность по эту сторону реки.

Чтобы точнее разведать, где враг установил свои орудия, каковы его укрепления, наши выслали группы разведчиков.

Однажды, в темную дождливую ночь, группа разведчиков Ивана Рыбакова, переплыв Сев на лодках, добыла «языка». Вначале операция шла успешно. Но когда воины возвращались обратно, дождь вдруг перестал, облака рассеялись, и вражеские наблюдатели быстро заметили маленькую лодку. Они тут же открыли по ней огонь из минометов и крупнокалиберных пулеметов. Разведчики налегли на весла, но мины рвались совсем близко, поднимая огромные столбы воды. Иван Рыбаков, сидевший на связанном гитлеровце, все время торопил гребцов:

— Быстрее, ребята, быстрее!

До нашего берега оставалось не более пятидесяти метров, когда совсем рядом с лодкой разорвалась мина и лодка, вдруг подпрыгнув вверх, перевернулась. Все сидевшие в ней оказались в воде...

Прежде всех вынырнул Иван Рыбаков.

— Где фриц? Фрица спасайте! — крикнул он, огляды-

ваясь вокруг. Для разведчиков, ездивших специально за «языком», он сейчас был ценнее всего.

Из воды показались еще две головы.

— Где немец? Немца ищите! — еще громче закричал Рыбаков. В то же время он почувствовал, что его нога коснулась чего-то мягкого.

— Вот он, немец! — сообщил сержант друзьям. — Тащите, а то еще утонет, холера!

Рыбаков нырнул, но через миг его голова снова показалась из воды. Лево́й рукой он держал немца за волосы, правой греб к берегу. Плыть ему было неимоверно трудно, туша немца тянула вниз. Захлебываясь, он крикнул:

— Шарипов, Петренко, ко мне! Помогите вытащить «языка» на берег!

К нему сразу подплыли двое. Один схватил немца за рукав, другой подтолкнул его сзади. Мины стали рваться реже и падали в отдалении, но пулеметы строчили как бешеные.

Разведчики плыли тихо. Люди думали только о том, как бы скорее доплыть до берега. Командир группы беспокоился и о захваченном «языке» — как бы не умер с перепугу! Тогда все старания пойдут насмарку!

Наконец их ноги коснулись земли.

— Быстрее, быстрее! — торопил Рыбаков. — Фрица надо встряхнуть вверх ногами, выкачать из него воду!

Они вытащили «языка», как тяжелый мешок картошки, схватив за руки и ноги.

— В лес, скорее в лес! Бегом!

Только успел Рыбаков сказать это — его правый бок, чуть пониже лопатки, дважды чем-то резануло. Он ткнулся головой в берег, но тут же вскочил и, взобравшись на него, снова упал.

— Немца... откачайте... в штаб доставьте... живым... — простонал он...

Опасаясь, что вражеские пулеметы снова нащупают их, разведчики быстро подняли Рыбакова и потерявшего сознание немца, бегом понесли их в чащу.

ронт все время продвигался к западу. Народ радовался. Но и печального было много, потому что война, особенно при наступлении, не бывает без потерь. Каждый день, каждый час кто-то умирал, кого-то ранили. Почтальоны в один дом приносили письма с сообщением: «Я пока здоров, сражаюсь, мечтаю дождаться счастливого дня — полного разгрома врага», а в другой дом вместе с ними приходило неутешное горе: «...Ваш сын, сражаясь за нашу Советскую Родину, пал смертью храбрых...» Вместо человека — кусочек бумаги. Много слез вызывала эта маленькая бумажка: заставляла горевать неделю, месяц, год, всю жизнь... Вина в этом был только озверелый враг, пришедший к нам с войной. Надо было быстрее разгромить, уничтожить его.

За это и сражались солдаты. Для этого дни и ночи трудился народ. Трудился для победы, для счастья!

Семья Рыбаковых опять долгое время не получала никаких писем. Снова все затревожились. Особенно беспокоилась Марине. Когда Варька-почтальонка приносила отцовские «треугольники», первой их вскрывала и читала Марине. Она же «разносила» поклоны тем односельчанам, которым наказывал передать отец. Если кто спрашивал, о чем пишет папка, она охотно и подробно рассказывала...

— Ах, что же случилось, что случилось? — говорила мать. — Если он жив, здоров, должен же сообщить!..

Илле старался не показывать своего волнения. Ведь он уже был не маленький, ему шел шестнадцатый год. Голос его окреп, на верхней губе появился темный пушок — незаметно пробивались усы.

— Наверное, его опять послали в дальнюю командировку, где нет почты, — сказал он матери. — Может, написать его командиру?

На этот раз сержант Иван Рыбаков был не там, откуда не приходят письма. В начале октября все-таки пришла от него весточка, но не с фронта, а из города Красноярска, где он лежал в госпитале. Рапа была тяжелой, однако он

писал, что опасность миновала, здоровье пошло на поправку.

— Где этот Красноярск? — спросила Ульга, прочтя письмо.

— Далеко, в Сибири, — сказал Илле, хорошо знавший географию. — Дальше Свердловска и Новосибирска.

— Почему же его направили в такую даль? Неужели в ближних городах для него не оказалось места? — горестно вздохнула мать. — Был бы поближе, может, съездили бы к нему. Когда выздоровеет, его, конечно, снова отправят на войну. И свидеться не сможем...

— Это ничего, мама. Хорошо то, что жив...

— Это, конечно, так, но ведь повидать хочется! Пауль Оskarович и Амалия теперь почти каждую неделю ездят к своему Ильмару...

— Придет время — и мы встретимся...

Той осенью семья Киккасов и Рыбаковых увеличилась еще на одного человека — из чебоксарского госпиталя выписался Ильмар. Раны его зажили, но для военной службы он уже не был годен, так как его правая нога совсем не сгибалась. Не желая сидеть без дела, он через неделю пошел в райком, его устроили в военкомате и поручили вести работу по организации помощи семьям фронтовиков. Районный центр был невдалеке, и он часто бывал дома. Рассказывая о положении на фронтах, Ильмар доставал из полевой сумки потрепанную карту и показывал, куда откатывался враг и где велись бои в те дни.

Иван Рыбаков из Красноярска писал регулярно. Сообщал, что рана постепенно заживает, что очень хочется повидаться со своей семьей. Однако о том, когда он сможет выйти из госпиталя, не писал.

**А ЖИЗНЬ
ИДЕТ...**

ела в колхозе шли своим чередом. Во время осеннего сева снова помог тот же дорожный мастер Мадис Ноот. Трактор, отремонтированный им вместе со старым Паулем, хоть и был плоховат, но плуги тянул. Заметно вырос-

шие и окрепшие за два года ребята вели себя уже как взрослые. Теперь их не пугала никакая работа...

В ту осень на заготовку дров для солдатских семей и школы Назар Егорович, кроме нескольких взрослых людей, взял с собой пятнадцати-шестнадцатилетних подростков, попросив освободить их на время от учебы. Погода стояла холодная, никаких деревьев поблизости не было, и в первый же день ребятам пришлось вырыть довольно большую землянку. Сверху положили один ряд жердей и забросали ветками елок, в середине устроили место для очага, вдоль стен соорудили широкие нары, на них наложили толстый слой сухих листьев, чтобы было мягче.

— И мы, стало быть, попробуем пожить, как солдаты на фронте, — сказал непоседа Аркаш, когда землянка была достроена и разведен костер.

— Испытать — это не мешает, — отозвался Назар Егорович.

Рубить лес — работа тяжелая. Чтобы свалить огромное дерево, обрубить сучья, распилить, затем вывезти его поближе к дороге, надо приложить немало сил. В первые дни пареньки сильно уставали, но вскоре привыкли, и работа пошла споро.

Намеченное к валке дерево подрубали почти у самой земли до половины ствола, затем на том же уровне с другой стороны подпиливали, дерево само начинало клониться в ту сторону, с которой подрублено, и через несколько минут, сгибая и ломая сучья рядом стоящих деревьев, грохалось на землю. При этом надо было быть очень осторожным. Поэтому Назар Егорович все время напоминал:

— Надо заранее определить, в какую сторону будет падать дерево, и там никому не стоять. Когда подрубленное дерево начинает клониться, всегда старайтесь быть от него подальше, иначе можно попасть в беду!

Но ребята ведь не всегда слушаются старших. Они и там были себе на уме — герои! Несмотря на строгие наказания председателя, беда все же случилась. И не в первые дни, не тогда, когда еще не умели работать, а спустя неделю, когда все, казалось, уже освоено.

Однажды под вечер группа Илли Рыбакова из пяти человек решила свалить еще одну большую осину. Дерево уже было подрублено. Илле и голубоглазая девушка Настюк подпилили его с другой стороны. Работавший

вместе с ними Аркаш в это время собирал поодаль сухие сучья, чтобы вечером согреть землянку. Осина — дерево мягкое и подпилилось быстро. Когда вершина ее стала клониться, Илле вдруг увидел Аркаша, который с охапкой хвороста беспечно приближался к ним.

— Аркаш, сторонись! Дерево! — сразу испугавшись, закричал Илле. Но Аркаш, вместо того чтобы бежать, остановился, как столб, и, подняв голову, стал смотреть, будто хотел проследить, как упадет дерево.

— Беги-и! — снова крикнул Илле.

Аркаш только тогда, как кошка, отпрыгнул в сторону, но падающее дерево успело накрыть его своими сучьями. Видевшая это вместе с Илле Настюк закричала на весь лес, словно под дерево попала она сама.

«Погиб Аркаш!» — мелькнуло в голове Илли, и он кинулся к другу. Настюк — следом.

— Аркаш, Аркаш! Ты жив?..

Аркаш лежал животом вниз, прижатый ветками осины. На зов он не отвечал и не двигался.

— Он умер, у-умер! — еще громче взвизгнула Настюк. — Ой, господи, погубили мальчишку! Погубили!..

Илле тоже испугался не меньше ее, но ничего не сказал. «Может, только сознание потерял... Надо скорее его вытащить и свезти в больницу...»

— Берись за сук, откинем дерево! — крикнул он стоявшей в полной растерянности девушке.

Однако вершина дерева оказалась тяжелой, вдвоем они не смогли ее поднять. Хорошо еще, что, услышав крик Настюк, к ним сразу подбежали несколько человек и дерево тут же отбросили в сторону.

Илле присел на корточки перед попавшим в беду другом.

— Аркаш! Аркаш!

Тот не отвечал. Аркаша перевернули на спину, и только тогда он застонал и приоткрыл глаза.

— Я умер, что ли? — хриплым голосом спросил он.

— Нет, не умер, живой! — обрадовался Илле. — С тобой, кажется, ничего страшного не случилось. Болит что-нибудь?

— Правое плечо... видать, кость сломалась, — ответил Аркаш, пытаясь приподняться, но тут же снова застонал. — Как ножом режет...

К ним торопливо подходил Назар Егорович.

— Что за собрание? — издали спросил он. Старик

ходил к другой группе лесорубов и еще не знал, что здесь случилось.

— Беда, Назар Егорович, — сказал кто-то.

— Что еще за беда?

— Стоявшие вокруг Аркаша люди расступились, и председатель увидел его лежавшим на земле. Лицо паренька было бледно, две садины па лице немного кровоточили. Назар Егорович сразу все понял.

— Стало быть, все-таки натворили! Несмотря на предупреждения! Эх, вы! — рассердился старик. — Кто же это набедокурил? Кто виноват? Кого надо огреть кнутом по спине?

— Мы с Настюк, — ответил Илле. — Я кричал, но Аркаш, должно, не услышал...

— Надо было раньше крикнуть!

— Раньше его поблизости не было...

— «Поблизости»! Надо все видеть! Глаза-то на что?

— Они не виноваты, я сам... — заступился за друга Аркаш.

— И тебя не хвалю, и тебе надо было быть осторожнее! — Назар Егорович склонился над ним. — Ну, что болит, где? Не сломано ли что?

— Правой рукой не могу двинуть...

Старик стал ощупывать его плечевую кость, Аркаш застонал.

— Должно быть, сломана или сильно вывихнута. Эх, пороть вас некому! — Назар Егорович встал и глубоко вздохнул. — Медлить нельзя, сейчас же надо везти домой. Показать фельдшеру, а затем, может, и в больницу отправить. — Он указал пальцем на Илью. — Ты виноват, ты и вези. Давай, запрягай лошадей! Работнички, черт бы вас побрал!

Аркаша уложили в телегу, устланную листьями, а чтобы не замерз, сверху накрыли тулупом, и Илле тронул лошадь. Хотя по ухабистой лесной дороге ехали очень медленно, Аркаш иногда тихо стонал от боли. Когда выехали на шоссе — затих. Ехали молча, только иногда Илле спрашивал друга:

— Не озяб? Тебе удобно?

— Ничего, — коротко отвечал больной...

Часа через полтора лошадь сама свернула с шоссе на полевую дорогу. Телега снова затряслась. Аркаш, скрипя зубами, попросил:

— Потише, Илюш! Терпежу нет...

— Хорошо, Аркаш! Теперь уже недалеко, скоро доедем, — успокаивал друга Илле, придерживая лошадь.

— Пить хочу! — через некоторое время попросил Аркаш.

— Потерпи, пока домой доедем. Воды ведь тут нет.

— Знаю, что нет. Все равно пить хочется. Езжай побыстрей!

— Ты же просил потише.

— Мало, что я просил, давай быстрей!

— Тебе же хуже будет!

— Вытерплю...

— Вот, всегда ты такой! — упрекнул Илле больного друга. — Не поймешь, чего ты хочешь...

Снова равномерно застучали колеса. Впереди показались ветряные мельницы, стоявшие близ деревни, и силуэт какого-то человека на дороге. Человек шел быстро. Когда повозка приблизилась к нему, Илле увидел, что он в шинели и с вещевым мешком. Солдат! Куда же он идет? Не на побывку ли?..

— Далеко идешь, дядя? Садись, довезу до деревни! — сказал Илле.

— Спасибо, сынок. Хотя и недалеко осталось, сяду, подвези, — услышался ответ.

Сердце у Илли екнуло. Уж очень знакомым показался ему голос солдата.

— Папа! — тихо окликнул он. — Ведь это ты, папа!..

Солдат тоже узнал своего сына, кинулся к нему.

— Илюш! Сынок! — Он крепко обнял паренька. — Вот счастье-то! До дома встретились! Откуда же ты едешь ночью?

— Из лесу, с заготовки дров... Вот Аркаша везу, под дерево попал... — огорченно сказал Илле.

— Как под дерево?

— Когда валили... прижало...

— И сильно?

— Не очень, пройдет, — ответил, подняв голову, Аркаш.

— И чего только не приходилось вам терпеть, — вздохнул отец. — Эта война всем приносит муки, но что поделаешь... Дома как, здоровы?

— Пока здоровы. А ты как приехал, папа? Насовсем отпустили? Или только на время? — с некоторой опаской спросил Илле.

— Только на неделю, сынок, и то попутно, — ответил

отец.— Отпросился у докторов, попросил выписать из госпиталя пораньше, чтобы хоть чуток побыть дома.

Так за разговорами они подъехали к медпункту.

— Страшного ничего нет. Плечевая кость, видимо, действительно повреждена, но это не опасно, недели через три срастется,— сказала Антонина Клементьевна, осмотрев Аркаша.— Все же завтра съездим в больницу, сделаем снимок. Будет надежнее.

Илле с отцом поблагодарили фельдшерницу и вышли, хотя она долго и шумно радовалась возвращению Ивана Рыбакова, хотела поговорить еще.

Домой Аркаш пошел сам...

В доме Рыбаковых в ту ночь совсем не спали. Сколько радости привес отец в дом! На его широкой груди блестели два ордена и две медали — награды за мужество. Смотреть на них было приятно и радостно. Однако о том, как трудно достались они, знал лишь сам Иван Рыбаков...

— Расскажи, папа, все расскажи, — висли на его руках дети.

— Если обо всем рассказывать, надо говорить целую педелю, дети мои,— ответил отец.— А у меня времени мало. Кончится война — расскажу.

— Если не все, хотя бы чуть-чуть расскажи, папа! — просила Марине.

— Когда началась война, ты писал, что «спасся из ада». О каком аде ты говорил тогда? — спросил Илле.— И еще: в какие командировки посылали тебя на фронте?

Отец рассказал. В сорок первом году их полк попал в окружение. Больше месяца сражались они, чтобы вырваться из железного кольца врагов. От полка осталось меньше роты, но все же они пробились к своим, спасли самое дорогое и почетное, что имеется у полка, — боевое знамя, не отдали его на поругание фашистам.

— Командировки, говоришь? Бывают такие, бывают! Вызовут тебя в штаб и, разложив перед тобой карту, начинают указывать карандашом: вот линия фронта, вот в этом месте вам надо перейти ее, надо дойти сюда и еще вот сюда, затем двинуться вот так, разузнать все, что имеется у врага. Тогда ты все свои документы, ордена и медали сдаешь в штаб и, захватив побольше патронов, гранат, хлеба, отправляешься по тому пути... В таких «командировках» я был дважды. Вот орден Отечественной войны мне как раз и дали за это...

Дни, когда отец жил дома, для Рыбаковых были самы-

ми счастливыми. Но неделя очень коротка. Не заметили, как прошли семь дней и семь ночей. Снова пришлось расставаться... Провожать отца на станцию отправились всей семьей.

— Ждем тебя с победой, дорогой!..

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

нова пришла зима с ее холодами и метелями. Третья военная зима... В ту зиму наша героическая Советская Армия одержала немало побед. В начале апреля газеты сообщили, что армии Первого Украинского фронта перешли советскую границу и сражаются на территории Чехословакии и Румынии. Появились совсем незнакомые названия освобожденных городов — Ботошани, Рэдэуцы, Фэлгичени... Вскоре наша армия освободила города Одессу, Керчь, Симферополь, Бахчисарай... На других фронтах дела тоже шли отлично. Заведующий клубом Виталий каждый день передвигал маленькие красные флажочки на большой карте все дальше и дальше на запад.

— Недолго осталось ждать до победы, — объяснял он приходившим взглянуть на карту. — Силы врагов иссякают! Подумайте только: Италия вышла из войны — капитулировала! Румынская армия перешла на нашу сторону и воюет против немцев. Финляндия просит мира, в Москве по этому поводу уже начались переговоры...

— Это очень хорошо, очень, скорее бы закончить войну! Ах, скорее бы! — говорили люди.

Летом, в июле, Советская Армия перешла эстонскую границу и завязала бои в окрестностях города Нарвы. Ильмар Киккас, услышав об этом среди ночи по радио, пришел в деревню, чтобы порадовать родных и земляков.

— Скоро и наша родина, многострадальная Эстония, очистится от врагов! — сказал он, разыскав на карте город Нарву. — Вот где паша армия! Вот Раквере, а там недалеко и Таллин... — Ильмар Киккас карандашом начертил на карте длинные стрелы. — Очень жалею, что в эти дни я не там...

Старый Пауль тут же оделся и ушел, чтобы сообщить другим эстонцам эту радостную весть.

На другой день к ним пришел дорожный мастер Мадис Ноот.

— Вы слышали? Вы знаете? — спросил он, как только открыл дверь.

— Слышали, родной, слышали! — с улыбкой приветствовал его Пауль. О чем спрашивал Ноот, им было понятно и без слов.

Долго беседовали три эстонца.

— Когда прогоним фашистов, все придется начинать сначала, — сказал Ильмар. — Ведь они при отступлении ничего не оставят. Что сумеют — увезут, остальное — взорвут. Читали, конечно, в газетах? Мы вернемся только на пепелище и развалины, как после страшного пожара. Потребуется много сил и времени, чтобы снова наладить нашу жизнь...

— Я этого не боюсь, — сказал Пауль. — В ту войну солдаты Вильгельма тоже ничего не оставили у нас — все разграбили, села и хутора сожгли, много урону принесли и городам. Все же восстановили! А ведь мы тогда были одни, без русского народа, никто нам не помогал. Богачи старались только для себя. А теперь же мы живем в большой советской семье... Не пропадем!

— Все это так, — согласился Ноот, — нам не только русский народ, но и другие помогут. Но я бы все сожженные и разрушенные города восстановил руками самих фашистов. Сумели разрушить — сумеете и построить!

— Я тоже так думаю, Мадис, — кивнул головой Пауль. Ильмар долго слушал стариков, а потом сказал:

— Отец, я сегодня напишу в Москву письмо...

— Кому? Насчет чего? — удивленно спросил Пауль.

— В Центральный Комитет партии. Пусть меня пошлют работать к себе, в Эстонию. По инвалидности я не могу быть на фронте, но могу же я быть на хозяйственной, советской или партийной работе? А мало ли там сейчас дел? Кому, как не нам, за них братья!

— Я одобряю твою мысль, Ильмар, — сказал Пауль. — Напиши. Думаю, недалек тот день, когда вся Эстония окончательно очистится от врагов...

— Спасибо, отец, что понял меня!

События действительно развернулись так, как думали они в тот день. Вскоре войска Ленинградского фронта, начав наступление с занятых до этого позиций, освободили

почти всю Эстонию. В бою за родной город Киккасов — Вильянди принимали участие и партизаны отряда «Коткас», которым командовал Василий Русин. На старинной башне столицы — Таллинской Тоомпеа — заколыхалось алое знамя Советов. В руках врага остались только острова на Балтийском море — Вормси и Сааремаа, но и их судьба уже была предрешена.

Как раз в те дни Ильмар Киккас получил ответ из Москвы и, распрощавшись с родными, выехал на родину.

— Вы тоже недолго тут будете. Я вас вызову, — обнимая и целуя каждого, сказал он.

— Пусть будет так, сынок! Счастливого тебе пути и успешной работы. Увидишь знакомых — передай привет!..

РАДОСТЬ И ГОРЕ

пору золотой осени к околице села подошли два парня и три девушки. Они были в ватных фуфайках, в сапогах. На головах у парней — темные фуражки, у девушек — голубые платки. Они о чем-то оживленно разговаривали.

В деревне все знают друг друга, поэтому пришельцев замечают сразу. Пожилая женщина, шедшая за водой, поставила ведро на землю. Вгляделась в группу, бодро шагавшую по улице: кто такие? куда идут? И вдруг узнала:

— Ай-уй, да это, кажется, свои, деревенские? Я вначале подумала, какие-то городские пришли! — обрадованно поклонилась она молодежи.

— Свои, тетя Ульдити, свои! — крикнул ей, махнув рукой, один из молодых людей.

— Неужели, Палля, это ты стал таким? Боже мой, увидела бы где-нибудь на стороне, ни за что бы не узнала!

— Сильно изменился? Страшный стал? — засмеялся Палля.

— Да не потому. Говорю, вырос очень. И Санька, и Аня стали совсем девушками. Русские тоже повзросле-

ли... (В чувашских деревнях всех эвакуированных называли русскими, кто бы они не были.)

— Хлеб ведь жую, тетя Ульдити!

— У нас там жизнь неплохая...

— Решили навестить?

— Да, завтра выходной.

— Это хорошо, очень хорошо.

Ребята дошли до дома Назара Егоровича, остановились.

— Давайте зайдём, навестим старика, — сказал Палля своим товарищам. — Я знаю, он очень обрадуется.

Никто не возразил, все гуськом вошли во двор. Из-под навеса, конечно же, выскочил Рыжик и, захлебываясь, стал лаять. Ребятам поневоле пришлось приостановиться. На крыльцо вышел сам хозяин — Назар Егорович.

— Э-э, да это наш рабочий класс прибыл! — сказал он, широко улыбаясь. — Давайте заходите, заходите, давненько не виделись!

Пока неожиданные гости поднимались по ступенькам крыльца, старик успел каждому подать руку и погладить по спине.

— Я сейчас газету читал, — сказал он, подходя к столу. — Сегодня снова хорошие вести! Наши войска перешли границу Восточной Пруссии... Вы об этом слышали?

— Нет еще...

— Эх вы, тоже мне! А еще в городе живете! — в шутку пристыдил ребят Назар Егорович. — Восточная Пруссия — ведь это Германия! Германия — логово этого шайтана Гитлера! Вы чувствуете, чем это пахнет? Это значит, что фашиста начали колотить в его собственном логове. Вот она, наша радость, дети мои! Глядишь, наши скоро доберутся и до главного вороньего гнезда, до Берлина. Вот как повернулась наша жизнь, ребяташки!..

Возбужденно и бойко, словно помолодевший, говорил старик. Затем начал расспрашивать их:

— Как живете, как идут дела? Здоровье в порядке?

— Все хорошо, Назар Егорович, — ответил за всех Палля. — Работаем в молодежной фронтовой бригаде. План выполняем на двести процентов.

— Стало быть, свыклись?

— Что же там особенного?

— Вначале говорили, что тяжело...

— Ну, когда это было! Теперь ничего трудного нет.

— А вы как работаете, девчонки? — повернулся старик к юным текстильщицам.

— И у нас все в порядке,— ответила Санька, смутившись.— На прошлой неделе нас всех занесли на Доску почета...

— Ха, стало быть, ловко работаете?

— Да... как сказать... Не отстаем от других. Днем работаем, вечером учимся. И сегодня нужно было учиться, но вот встретили Паллю с Петрусем и решили навестить домашних, пока погода не испортилась...

— Хорошо, хорошо, коли так. Старайтесь! Не посрамите родной колхоз. Мы же с первых дней войны идем в передовых. Перед государством долгов нет, фронту даем всегда больше, чем у нас просят. Ничего не жалеем для победы...

Душевный получился разговор у Назара Егоровича с молодежью. Для старика они — как родные. Ведь он сам отвез их в город, изредка подбрасывал им продукты, всеми силами старался, чтобы из них вышли полезные люди, и заботы, зная, не пропали даром...

Вечером в сельском клубе кинопередвижка показала фильм «Секретарь райкома». В то время эта картина была одной из лучших кинолент о войне. С большим вниманием смотрели ее заполнившие клуб люди. Особенно им понравилась одна русская женщина, оставленная фашистами без семьи и дома, впоследствии попавшая в партизанский отряд, где она из пулемета косила вражеских солдат.

— Шпарь их! Так им и надо!— кричали одни. Другие от избытка чувств хлопали в ладоши. Когда же партизаны, разгромив штаб врага, захватили в плен фашистского генерала, зал долго ликовал...

После кино заведующий клубом вынес свою старую гармонь и заиграл плясовую. Давно не было танцев в клубе, но в тот день молодежь плясала лихо. Как же не ликовать, не плясать, если наши войска, громя врага, вступили на его проклятую землю, если все ближе и ближе становится наша окончательная победа!

Танцы начали девушки с фермы, а после них выскочил Аркаш, в таких случаях не умеющий сидеть на месте. Он плясал здорово, то мелко-мелко перебирал ногами, играя при этом плечами, то пускался впрысядку. Потом он, приплясывая, подошел к Ильзе и, притопывая на месте, пригласил ее в круг. Та долго упрашивать себя не заставила, вышла на середину круга и попросила сыграть русскую. Плясала так, что всех удивила. Некото-

рые в ритм пляске подсвистывали и притоцывали ногами. Клуб шумел вовсю. И вдруг...

Дверь клуба с шумом открылась и захлопнулась. Вошла Ульдити, жена солдата Ильдивана, что жила у самой околицы. Это она встретила утром у колодца учащихся ФЗО и душевно с ними поговорила. Сейчас ее нельзя было узнать: волосы растрепались, лицо бледное, глаза красные и опухшие... Она быстро протиснулась вперед, ища глазами кого-то.

Виталий все еще играл. Ильза плясала, остальные хлопали ей в ладоши.

— Тут мои дети? — не глядя на людей, вдруг крикнула Ульдити. — Елька, Любук! Где вы?

Увидев мать, девочки подбежали к ней. Они были лет десяти-двенадцати.

— Что, маманя? — спросила одна.

— Мы бы и сами скоро пришли, — сказала другая.

Мать тут же обняла их обеих за шею и пронзительно, до боли в ушах заголосила...

— Ах, детки мои! Погибли мы, пропало наше счастье! Теперь нам осталось только умереть... О боже, боже мой!..

Гармошка смолкла, Ильза остановилась, как вкопанная, хлопавшие в ладоши застыли с поднятыми руками.

— Что случилось, мама? О чем плачешь? — быстро спросила старшенькая, круглолицая, одетая в старый пиджак девочка.

— Отца... Отца нашего убили-и!.. Только что бумага пришла... Убили!.. Что теперь с нами будет, крошки вы мой-и?! — Ульдити упала на колени, а потом, дико завыв, свалилась на пол без чувств. К ней сразу подбежали девчата и парни, но растерялись и не знали, что делать.

— Наверное, с ней припадок, надо скорее позвать фельдшера! — крикнул кто-то.

— Воды! Воды дайте! Брызните ей в лицо!

— Расстегните ворот! — паперебой советовали собравшиеся.

Ульдити лежала бледная, как полотно. Глаза были закрыты, только по поднимавшейся и опускавшейся груди было видно, что она еще жива. Не помогла и вода. Все испуганно смотрели на несчастную солдатку. И только когда прибежала Антонина Клементьевна и сделала укол, Ульдити, тяжело вздохнув, открыла глаза. После этого ее подняли на руки и понесли домой...

Все ее очень жалели. За три года войны было получено почти двадцать похоронных, но весть о смерти мужа Ульдити особенно больно задела всех за сердце.

Когда вернувшийся из клуба Илле рассказал о том, что произошло в клубе, мать его тоже всхлипнула.

— Шестеро детей, мал мала меньше! — сказала со вздохом. — Как она теперь их вырастит, одинокая?.. У нее и так жизнь была очень трудна, только и надеялась на то, что вернется муж. А теперь вся надежда рухнула. Эх, война, война! Сколько бед она принесла! Когда только она кончится?..

— Теперь скоро. Ведь наши уже вступили на вражескую землю и каждый день продвигаются вперед, — сказал Илле.

— Это я знаю, но все равно люди гибнут, вот от чего сердце болит, — с грустью ответила мать. Затем, призадумавшись, добавила: — Не знаю, как там наш отец. До конца войны еще, бог знает, что может случиться.

После побывки отца Илле почему-то и не думал даже, что с ним может что-нибудь произойти плохое. Но в тот день, угадав душевные переживания матери, он вдруг забеспокоился. Он не мог забыть, какой прибежала в клуб Ульдити, как она упала без сознания... А если бы сегодня вместо Ульдити похоронную получили они? И так ведь могло случиться! На войне у всех судьба одинаковая, все под смертью ходят. Снаряд и пуля не выбирают: в кого попадут, того и погубят...

Говорят, «беда не ходит одна». Через несколько дней после получения Ульдити похоронной по деревне молнией разнеслась еще одна горькая весть: отец Варьки-почтальонки вернулся без обеих ног. Отрезали их в госпитале по самые бедра. Солдат-санитар, сопровождавший Варькиного отца из госпиталя, занес его в избу и словно чурбак посадил на кутник. Увидя мужа в таком состоянии, его жена чуть не упала в обморок.

Услышав про это, старый Пауль задумчиво сказал:

— Раненый волк еще злее. Он уже не оберегает свою жизнь, а, собрав последние силы, кидается на тебя. Вот и фашист теперь такой. Мы ему хребет переломили, ворвались в его логово. И он, как бешеный, дерется за каждый дом; хотя и обречен, сдаваться не хочет... Из-за этого нашим много крови проливать приходится. Но как бы фашист ни бесился, его дни сочтены, теперь ему не выжить!.. — Помолчав, старик добавил: — День окончательной

победы над врагом будет самым счастливым нашим днем. Но за это счастье нам приходится платить очень дорого — миллионами жизней! Даже подумать об этом страшно... И я думаю, люди никогда не забудут об этом и никому не дадут начать другую войну... Я всей душой верю в это.

— Ах, только бы не было больше войны! Никогда! — в тон старому Паулю сказала Ульга. — На кой черт нужна она? Зачем народам губить друг друга? Всем хочется жить. Всем хватает солнечного света! Почему нельзя жить в мире и согласии?

— Ясно, что можно, — сказал старый Пауль. — Но для этого многих надо взнуздать стальной уздой.

— Кого?

— Всех мироедов. Капиталистов, богатеющих на войнах. Только им и нужна война. Больше никому!

Илле в то время находился на кухне. Ребята задумали в Октябрьские праздники поставить в школе спектакль «Непокоренные». Илле должен был играть командира. Он сидел и учил свою роль. Не просто зубрил слова, а старался произносить задумчиво и убедительно.

Школьники поставили уже не один спектакль о героях войны. Они выступали не только в своей деревне, но и у соседей. О драмкружке «Нового времени» писали даже в районной газете.

Аркашу в новой пьесе дали роль старосты. На самом деле староста только для виду был старостой, а работал на Советскую власть, без конца обманывал немцев, держал связь с партизанами, помогал им уничтожать полицаяв и других предателей. Аркашу эта роль очень нравилась, и он знал ее текст назубок. На репетициях у него особенно удачно получалось то место, где он, напоив полицаю, засовывает его в большой мешок. Однажды, войдя в роль, он Кольку Герасимова, игравшего полицая, пинками довел до слез. Когда Рина Петровна заметила, что так делать нельзя, Аркаш оправдывался:

— Подумаешь, два-три пинка! Помните-ка, как в кино иногда артисты друг друга дубасят! Да и в пьесе так сказано: «несколько раз пинает ногой полицая»!

— Нужно только вид делать, что пинаешь...

— Тогда будет неубедительно! Как же можно жалеть начальника полиции? Если уж он попался тебе в руки, так дай ему как следует, — возражал Аркаш.

— Тогда эту роль играй ты сам, а я буду твою, —

сказал Колька.— Дубасить человека в мешке — дело не трудное.

Еле-еле примирила их Рина Петровна...

Отложив текст роли, Илле посмотрел в окно. Пора было идти на репетицию, но он ждал Аркаша, который обещал за ним зайти, а почему-то не шел.

Илле засунул тетрадь с ролью в карман и оделся. «Видимо, прямо в школу пошел», — подумал он, взглянув еще раз на стенные часы. В это время открылась дверь и вошел Аркаш. Он молча прошел вперед, сел на табурет и, опустив голову, не промолвил ни слова.

— Ты это... болен или кто обидел тебя? — спросил Илле.

Аркаш ответил не сразу. Не поднимая головы, он произнес не своим голосом:

— Обидел... Гитлер обидел!

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, друг... Вот, читай, — он положил на стол смятое письмо.

— Что это?

— Я же говорю, читай...

Илле почувствовал недоброе. Сердце его екнуло. На синем конверте был штамп районного военного комиссариата. В таких конвертах редко идут хорошие вести, в них больше шлют похоронные. Илле хорошо знал об этом.

«...сообщаем, что ваш муж Мазяков Матвей Ильич погиб смертью храбрых в боях за нашу Советскую Родину...» — прочитал Илле, и письмо тут же выпало из его рук.

— Когда... пришла эта бумага? — шепотом спросил он.

— Вот, только что. Встретилась на улице Варька-почтальонка и...

До той минуты Аркаш крепился. Но тут не сдержался, обхватил голову обеими руками и громко зарыдал. Илле не знал, что ему делать. Плач Аркаша услышали мать Илли и старый Пауль. Они быстро подбежали к Аркашу.

— Что случилось?

Илле молча показал им похоронную.

Улыга сразу изменилась в лице. Листок серой бумаги дрожал в ее руке.

— Да, очень, очень дорого обходится нам грядущее счастье — кровью платим! — прошептал старик эстонец, шевеля посиневшими губами.

Улыга старалась успокоить друга своего сына, гладила

его по голове, говорила ласковые слова, но паренек не мог остановиться. Минут через десять, немного успокоившись, вытирая руками глаза, проговорил:

— Как я об этом матери скажу?

— Она еще не знает?

— Бумажка я только что получил. Кроме меня, никто дома не знает. А мать сейчас больна. С сердцем что-то случилось. Вот уже неделю лежит в постели, а если узнает, то наверняка не переживет.

— Тогда до поры до времени надо молчать... Если сказать попозже, может, легче перенесет. Эх, жизнь, жизни! — Вдруг обессилев, Ульга опустилась на стул.

Все замолчали. Аркаш свернул похоронную и спрятал во внутренний карман.

— Ты сегодня, конечно, на репетицию не пойдешь? — тихо спросил его Илле.

— Пойду, — сказал Аркаш, вставая. — Всегда и везде буду ходить! Ни от каких дел не откажусь! Мне сейчас раскисать нельзя!..

— Очень правильно говоришь, сынок, — ласково посмотрела на него Ульга. — Как бы в жизни тяжело ни пришлось, человеку сдаваться нельзя, всегда надо быть твердым...

ПРИШЛА ДОБРАЯ ВЕСНА

четвертую военную зиму Советская Армия еще сильнее, чем раньше, громпла врага. Начиная с января, прорвав оборону противника на всем фронте от Балтийского моря до Карпатских гор (протяженностью в тысячу двести километров), наши войска за первые сорок дней выбили фашистов из трехсот городов разных стран.

Советские пушки уже грохотали далеко от границ нашей Родины — в Чехословакии, Венгрии, Югославии, Польше. Народы этих стран встречали советских солдат-освободителей как своих родных — с цветами, со слезами радости.

Особенно ожесточенные бои шли в Германии. Советские

войска проникали все дальше и дальше в глубь вражеской земли, изо дня в день приближаясь к Берлину. Гитлеровцы повсеместно соорудили сильные укрепления. Бешеный «фюрер» приказал сидевшим за этими укреплениями солдатам сражаться до последнего. Но ничто уже не могло задержать наших воинов.

О том, какими жестокими были бои на германской земле, отец Илли, к тому времени ставший старшим сержантом, написал из-под города Кенигсберга. В необычном для него длинном письме Иван Рыбаков рассказывал:

«Здесь фашисты не только каждый город, каждую деревню, но и каждый дом превратили в крепость. Везде железобетонные доты. На дорогах, по которым нам надо идти, почти на каждом шагу поставлены мины. Хорошо, что мы за прошедшие три с половиною года научились воевать, и как бы ни зверствовал и ни хитрил враг, все равно громим его и продвигаемся все вперед и вперед...

Страшные вещи приходится встречать в логове врага! Всего несколько дней назад мы освободили концлагерь, в котором фашисты содержали пленных советских солдат и пригнанных из разных стран патриотов. Наши тапки нагрянули на лагерь с тыла, откуда их никто не ожидал, поэтому фашисты не смогли ни угнать, ни перебить заключенных.

Знали бы вы, как благодарили нас за свое освобождение люди, говорящие на десятках языков! Чего только не испытали они там, чего только не видели!.. На них самих страшно смотреть — не люди, а живые трупы. По их рассказам, фашисты в этом лагере уничтожили свыше трехсот тысяч человек — одни умерли с голоду и от болезней, других расстреляли, третьих сожгли живьем в специально сделанных огромных печах... Вовеки мы этого не забудем!

Наше наступление изо дня в день становится мощнее и шире. Как ни огрызается враг, ему все равно приходится отступать, а иногда не просто отступать, а обращаться в паническое бегство. Гитлер это хорошо знает. Поэтому он издал грозный приказ: каждого солдата, пытающегося в бою отступать, расстреливать на месте. Многих солдат фашисты цепями приковали к пулеметам, их называют «смертниками». Такой, как бы ему трудно ни было, не может бросить пулемет и сбежать, он все равно должен умереть, поэтому и стреляет до последнего патрона или до тех пор, пока его самого не убьют.

Сам обреченный на гибель, Гитлер несколько не жале-

ет свой народ. Конечно же, на войне не жалеешь врага, чем больше ты его уничтожаешь — тем лучше, однако иногда... хочется и пожалеть. Я это вот к чему говорю: среди убитых вражеских солдат много молодых — юношей шестнадцати-семнадцати лет, школьников, как наш Илле! У них еще молоко матери на губах не обсохло. Когда видишь таких, действительно жалко. Они ведь еще ничего не видели на белом свете, а Гитлер их тысячами сжигает в огне войны. Думаю, что такое страшное преступление сам немецкий народ никогда не простит фашистам.

У всех наших солдат одна мечта — как можно скорее достичь Берлина и разметать логово фашистского зверя, затем, если останемся живы, вернемся домой. Этот день уже недалек!»

Такие письма поступали и от других солдат-односельчан. Они поднимали настроение всех, кто их читал.

В эту зиму ребята работали еще упорнее, чем раньше. Возили из-за Волги сено, заготавливали дрова, вывозили навоз, очищали семена для весеннего сева, ухаживали за скотом, вместе со старым Паулем работали в кузнице... По правде говоря, почти весь колхоз держался на подростках. И это понятно. Ребята, которым в начале войны было всего по десять-двенадцать лет, уже достигли четырнадцати-шестнадцатилетнего возраста. Некоторые неузнаваемо выросли. Мальчики и девочки старших классов тайно уже обменивались письмами, влюблялись, хотя глубоко скрывали свои чувства и при людях стеснялись даже смотреть друг на друга. Но в каждый удобный момент старались быть вместе. Что поделаешь, жизнь человека — это удивительная вещь. У нее есть свои, переходящие из века в век, неписанные законы!

Илле по-прежнему руководил тимуровской командой, хотя был уже комсомольцем. Его ребята за зиму сделали много хорошего, помогая семьям фронтовиков. Аркаш тоже не оставался в стороне от этих дел. Как и всегда, он был рядом со своим другом.

В конце апреля жители деревни узнали, что советские войска с разных сторон подошли к главному гнезду врага — Берлину и завязали бой на его окраинах.

— Пришла ведь, родные, пора, которую мы ждали почти четыре года! — сказал как-то старый Пауль, отложив прочитанную газету. — Кончается фашистский змей, подыхает. Больше никого, никогда он не сможет жалить! Оторвут ему голову...

Затем встал с табурета и, сжав кулаки, потянулся так, что затрещали суставы.

— Э-эх, скорее бы вернуться домой! Сколько забот ожидает нас там, сколько сил надо приложить к земле!..

— Успеете еще, зачем слишком торопиться? Вы и у нас не сидите без дела, и здесь полезный человек,— сказала Ульга.

— Это все правильно, Ольга Павловна. Человек везде может принести пользу,— ответил ей Пауль,— но там всю жизнь надо начинать сначала, ничего же немцы не оставили!

— Это, конечно, так... Не только человек — и птица возвращается в свое гнездо. Но мне жаль расставаться с вами, Пауль Оскарович. Правду говорю. Ведь мы так привыкли друг к другу. Более трех лет прожили словно родные...

— Вот эта братская дружба и спасла нас, Ольга Павловна,— зашагал по комнате старый эстонец.— Я говорю не только о наших семьях, а о всей стране, о России. Если бы разные народы нашего государства не жили так дружно, кто знает, что нам пришлось бы еще испытать...

— Да, Пауль Оскарович, недаром ведь говорится: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!»

— Так, Ольга Павловна, так. Однако домой нам надо спешно ехать. Жизнь надо строить! Новую жизнь!.. Конечно, уехав отсюда, мы до самой смерти не забудем вас... Может быть, когда жизнь войдет в колею, и вы приедете к нам в Эстонию. Самыми дорогими гостями будете...

— Спасибо за добрые слова, Пауль Оскарович!

ПОДОРОЖНАЯ

льмар, как и до войны, работал в городе Вильянди в райисполкоме. Семья Киккасов и жившие в «Новом времени» другие эстонцы с большим волнением ждали от него письменного вызова. Тогда был такой порядок. Люди, жившие в глубоком тылу, не имели права по своему усмот-

решии вернуться обратно. Им приходилось ждать вызова с родины. Только тогда им давали пропуски.

И вот перед майским праздником Варька-почтальонка доставила Паулю Киккасу большой пакет за пятью сургучными печатями. Это было то самое письмо, которого так долго ждали. На другой же день Пауль привез из района бумагу, дававшую им право на выезд в Эстонию. И через два дня их тепло, как родных, провожала вся деревня...

Назар Егорович распорядился запрячь пять лошадей. Когда эстонцы уложили свои вещи и заготовленные на дорогу продукты, подводы остановились у клуба. Пришли и стар и млад, чтобы пожелать отъезжающим доброго пути, пожать им руки.

— Не забывайте нас, пишите.

Вместе с Риной Петровной пришла большая группа школьников. Учительница, как оказалось, накануне специально отправила девочек в лес за фиалками, и они каждому эстонцу преподнесли по букетику синих-синих цветов. Рина Петровна вручила свой букет снохе Пауля Амалии. Они несколько раз горячо поцеловались. Затем учительница поцеловала Яна, Юули, Эльгу. Наконец крепко пожала руку их дедушке.

— Счастливого пути вам, Пауль Оскарович! А знаете, я вчера от брата Феди получила письмо. Из Венгрии написал, просит передать вам привет...

— Благодарю, Рина Петровна! И ему напишите от нас большой поклон, пожелайте доброго здоровья...

К Паулю и Рине Петровне подошел Назар Егорович. В одной руке у него был большой кувшин, в другой он держал разрисованный узорами деревянный ковш.

— Павел Оскарович, друг мой, по нашему чувашскому обычаю выпейте подорожную,— сказал он и, наполнив ковш пенистым пивом, подал эстонцу.— Когда узнал, что уезжаете, нарочно велел старухе сварить.

— О, спасибо, спасибо, председатель... Ты очень славный человек.

— Человек и ты неплохой, Павел Оскарович. Надо сказать, золотой человек, много помог нашему колхозу... Выпей еще! У нас, чувашей, обычай такой: подорожную пить трижды.

Затем Назар Егорович сам выпил ковш пива и, вытерев усы и бороду, трижды поцеловал Пауля.

— Ну, не сердись на нас, старина!

— Не сердиться, а век благодарить вас будем...

Проводить своих родных и земляков пришла из Чебоксар Ильза. Они с матерью решили навсегда остаться в Чувашии, чему особенно радовался Аркаш...

Немного погодя подводы тронулись. Передней лошадей правил Илле, второй — Аркаш. И на других подводах прожататыми были тоже школьники. Всей деревней проводили эстонцев до самой околицы.

СВЕТЛЫЙ МАЙ

начале мая стояла теплая, по-настоящему летняя погода. Небо было чистое, как вымытое синее стекло. С утра до вечера палило солнце, воздух был недвижим — ни малейшего ветерка. В течение нескольких дней почки у деревьев раскрылись, появились ярко-зеленые молодые листочки. Быстро подсыхала земля.

Назар Егорович торопил колхозников:

— Надо скорее вспахать, родимые, быстрее отсеяться. Скоро вернутся солдаты, как бы нам перед ними не осрамиться. Спешить надо, спешить!

В последнюю военную весну пахать пришлось только плугами: тракторов не было совсем. Поэтому пахари выходили в поле рано утром, с восходом солнца, и работали до темна. Но, несмотря на это, дела шли не так-то быстро: слабосильных лошадей и приученных к упряжке быков часто приходилось останавливать на отдых.

Илле и Аркаш, как всегда, работали вместе. Аркаш, держа вожжи, направлял лошадей по борозде, Илле шел за плугом. Под пашню была отведена большая площадь, на два километра вокруг. Перед ними пахали еще пятью плугами. Пройдя две борозды по кругу, они останавливали запылавшихся, сильно вспотевших лошадей и сами ложились на прошлогоднее засохшее жнивье. Тепло, приятно... Кругом тишина, только в небе заливаются жаворонки... Ребятам хотелось спать, но спать было нельзя, надо было работать, работать без остановки. Во время сева дорог

каждый день и час, деревенские ребята это хорошо знают.

— Илюш,— произнес Аркаш, лежавший вверх лицом с закрытыми глазами.— Когда поймают этого людоеда Гитлера, что, по-твоему, сделают с ним?

— Расстреляют и все, что еще? — ответил Илле.

— А я бы его живьем бросил в огонь и сжег. Сам-то ведь он сжигал тысячи и тысячи безвинных людей.

— Я не против.

— Через сколько дней кончится война?

— Об этом мне еще никто не сообщал ни телеграммой, ни письмом.

Ребята лежали молча, слушая жаворонков, потом Аркаш снова спросил:

— Когда ты окончишь школу, то наверняка пойдешь в институт, так ведь?

— Не знаю. Конечно, хорошо бы в институт... Выучиться на агронома или зоотехника и вернуться на работу в свой колхоз...

— А я, знаешь, о чем думаю?

— Не жениться ли думаешь? Я видел, как ты за Ильзой увивался.

— Дурак! Типун тебе на язык.

— О чем же тогда?

— Как только окончу десять классов, буду проситься в военное училище. В артиллерийское! Говорят: «Артиллерия — бог войны». Я буду повелителем этого бога. Меня обязаны приять, я сын фронтовика.

— Хорошая мысль. Одобряю. Но пока давай-ка поащем, лошади отдохнули.

Так в горячей работе проходил день за днем. Пробыв с утра до вечера в поле, ребята сильно уставали, но вернувшись домой, вместо того чтобы поесть и быстро лечь в постель, они бежали в клуб, к Виталию: узнать, какие новости в газетах. Куда дошли наши войска?

Вести тогда с каждым днем становились все лучше и лучше: наши солдаты, ворвавшиеся в Берлин, занимали улицу за улицей, очищая город от недобитых вражеских войск... В Чехословакии каждый день освобождали новые города... Третьего мая воины Первого и Второго Белорусского фронтов, выбив фашистов из многих городов, достигли реки Эльбы и там встретились с английскими и американскими войсками...

— Ну, сейчас уже Гитлеру и правда капут! — сказал

Аркаш, узнав эту весть. — Ему осталось только повеситься!

Однажды утром Аркаш и Илле остановили на отдых уставших лошадей и сами сели у борозды. Илле переобувал лапти, в которые набилась земля. Аркаш, достав из кармана, грыз огромную морковь.

— Будешь есть? — предложил он другу.

— Неохота, — замотал головой Илле, — я ведь немышь.

— Воля твоя. Однако в моркови много витаминов, ты об этом не забывай. Силы придает.

— У меня и так хватит силы на то, чтобы поколотить тебя.

— Это еще сначала надо проверить. Если до дела дойдет — неизвестно, кто кого поколотит...

В то время, когда они сидели, подтрунивая друг над другом, по направлению к ним мчался верховой. Кто-то верхом на недавно объезженном пегом жеребенке скакал во весь дух. Сначала ребята не узнали всадника — то ли мальчик, то ли взрослый человек, но было хорошо видно, что он все время хлещет лошадь прутом и бьет ее по бокам ногами. Когда верховой приблизился, ребята узнали: сам председатель! Они удивились. Им не приходилось видеть, чтобы старик ездил верхом так быстро.

Не успев завязать оборы лаптей, Илле быстро вскочил. Назар Егорович резко остановил возле него запыхавшуюся лошадь.

— Что случилось, Назар Егорович? Почему так примчался? — с тревогой спросили мальчики, подойдя к нему.

— Пляшите, ребята! — выпалил запыхавшийся старик, подняв вверх руку с прутом. — Пляшите, пойте, прыгайте!..

— Что произошло, дядя Назар? Зачем плясать?

— Победа, ребятки, победа! Наши окончательно победили Германию! Врага поставили на колени! Фашпсты подписали акт о безоговорочной капитуляции!

— Это правда? Откуда ты узнал? — Илле и Аркаш стали трясти старика за ногу.

— Конечно, правда! — как молодой парень сверкнул глазами Назар Егорович. — О таких вещах не шутят! Только сейчас позвонили по телефону из района, велели сообщить всему народу. На обед возвращайтесь домой, митинг проведем! Поняли?

Назар Егорович не стал ждать ответа, хлестнул лошадь прутом, ударил ногами и помчался сообщать эту весть другим людям...

Ребята посмотрели ему вслед, затем Илле повернулся к Аркашу и крепко обнял его.

— Значит, победили! Живем теперь, друг мой! Очень хорошо будем жить!..

Аркаш промолчал.

— Ты что же, разве не радуешься? Почему молчишь?— с удивлением спросил Илле.

— Мой отец все равно не вернется,— глядя в землю, ответил Аркаш.

Илле молча сжал его руку. Потом тихо заговорил:

— Что же теперь делать, Аркаш? Я понимаю, как тебе тяжело. Твое горе — и мое горе. Но нам нельзя вешать голову. Надо расти, учиться.

— Это верно,— вздохнул Аркаш.— Отец за это сложил свою голову... За нас. За то, чтобы сделать нас счастливыми... И все же больно...

— Хорошо понимаю тебя, Аркаш... Но надо пережить и это...

— Да, Илюш, пережить надо. Я и сам терплю, голову не опускаю... Ну, ладно, давай поработаем, пока еще раз не вспотеют лошади. Потом пойдем домой...

Дней через десять, после полудня, на станцию Чебоксары, сотрясая землю, прибыл разукрашенный цветами поезд. На паровозе развевался кумачовый флаг, к переднему вагону с обеих сторон было прикреплено красное полотнище с надписью: «Мы победили!», «Привет тебе, Родина!».

Окна вагонов были раскрыты, из каждого смотрели солдаты. На их груди блестели ордена и медали, в руках — букеты цветов...

Встречали тот поезд тысячи горожан. Над головами людей развевались алые флаги. Еще до подхода поезда к станции оркестр заиграл торжественный марш. Что там творилось! Выходивших на перрон героев обнимали, целовали, поднимали на руки и подкидывали вверх, пели песни, плясали... А многие и плакали — одни от радости, другие от горя, потому что не вернулись домой их родные и близкие.

Часа три бурлила и гремела станция.

Только к вечеру народ постепенно стал расходиться.

В тот же день, около полуночи, в колхоз «Новое время»

со стороны Ядринского тракта вошли трое солдат. Дойдя до правления, двое из них по узкому переулку свернули влево, на улицу, расположенную по ту сторону речки, а один спустился вниз по главной улице. Вскоре он остановился у старых ворот и постучал в калитку. Один раз, два раза... Вот кто-то вышел на крыльцо, потом, спустившись по ступенькам, подошел к воротам.

— Кто там? — спросил голос изнутри. — Кого нужно?

— Открой, Илюш, это я, — сказал солдат,

— Папка!..

— Я, сынок мой, я!

Отец и сын крепко обняли друг друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Вниз по Волге...	5
И вспоминать страшно...	11
Под Чебоксарами	16
Два друга	21
Очень срочное дело	29
Первый вечер	38
Ночью, в буран...	45
Знакомство	53
А дети учились...	63
«Райкомовская девушка» пришла	64
Первые радости	70
Чертюва штука	72
Большая победа	76
Перед Новым годом	79
В зимний день	85
Кто же он?	93
Этого простить нельзя!	100
Новые задачи	105
Доброе имя	110
У бабушки	111
Страшная встреча	116
Илле пропал	121
Они не будут сиротами	130
Пути-дороги	137
Всем народом	142
Саду цвель...	146
День за днем	148
«Шайтан» в упряжке	152
Дорогой гость	154
Нужны чурки	158
Долгожданное письмо	166
Гостинцы для героев	168
Счастливая встреча	171
За «языком»	179
Далеко в Сибири	181
А жизнь идет...	182
Цена счастья	188
Гадость и горе	190
Пришла добрая весна	197
Подорожная	200
Светлый май	202

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Леонид Яковлевич Агаков

СОЛДАТСКИЕ ДЕТИ

Редактор К. К. Покровская
Художник Е. П. Леонов
Художественный редактор Е. А. Ельская
Технические редакторы
В. А. Авдеева и Л. М. Самсонова
Корректор В. Л. Данилова

Сд. в наб. 14/XII-70 г. Подп. к печ. 1/IV-71 г.
Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6,5. Усл. печ.
л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,27. Изд. инд. ЛД-304.
А06570. Тираж 100 000 экз. Цена 60 коп. в пере-
плете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25. Заказ № 1822.

